

АМААЕО

НИЧЕГО ЛИЧНОГО...-2

Annotation

Действительно ли Ксавьер изначально планировал предательство? На что еще готов пойти Лукас ради своей ненависти? Кому отойдет огромное наследство, и кто из друзей первым окажется в тюрьме? Ответы на эти вопросы кроются в продолжении истории под названием "Ничего личного"

Амадео

Ничего личного...-2

— Как я сочувствую тебе, Лукас, очень сочувствую. Такая потеря для всех нас...

Мужчина привычно отключил слух, не забывая кивать и поддакивать. А уж когда старый дурак полез обниматься, даже похлопал его по согбенной спине. Лицемеры. Все они проклятые лицемеры. Водили отношения с отцом только ради денег, хоть бы признались в этом для начала, а потом толкали пламенные речи.

У Лукаса ужасно болела голова. Боль разламывала виски на части, давила на глаза так, что он едва мог открыть их, не морщась. Эти старые дураки думали, что причина крылась в его горе — как-никак он пережил страшное предательство, потерял отца и брата. Но все они ошибались.

Всю ночь, предшествующую дню похорон, Лукас пил, запершись у себя в комнате. Старая дура Роза несколько раз пыталась заглянуть, однако он не соизволил открыть дверь. Не ее дело, чем он занимается. Теперь он сам себе хозяин.

Лукас задумчиво наблюдал за спящей по гостиной экономкой. Вечно сует крючковатый нос в чужие дела, из-за нее великолепный план едва не провалился. Старая ведьма явно что-то почувствовала и ни в какую не подпускала Лукаса к подготовленным для подачи на стол тарелкам. Однако крысеныш Амадео наконец-то пригодился — отвлекшись на него, Роза упустила момент, когда Лукас подсыпал в тарелку отца стрихнин.

После похорон дом наводнили те, кто имел с Кристофом дела на протяжении многих лет. Старые друзья, партнеры — все они явились отдать последнюю дань уважения человеку, который вел с ними бизнес. И только Лукас знал, что этим жадным животным нужно лишь одно — продление контракта. Все они — лишь эгоисты, пекущиеся о своих интересах.

Все, кроме одного.

Лукас стрельнул взглядом в Ксавьера, который о чем-то разговаривал с Ребеккой Кэмпбелл. Эта сволочь посмела разорвать контракт, и теперь "Азар" лишилась мощной поддержки. За прошедший год благодаря Ксавьеру компания значительно поднялась над конкурентами и продолжала увеличивать разрыв. Но если бы этот хмырь не спелся с Амадео...

Лукас подавил приступ злости. Амадео уже никому не сможет помешать, он сейчас в камере предварительного заключения, ожидает приговора суда. Уж Лукас позаботится о том, чтобы красавчик сел надолго. А может, стоит подослать к нему убийц?..

Столько лет прожив под одной крышей с Амадео, Лукас так и не стал относиться к нему, как к брату. Отец старался воспитывать командный дух, на многие дела отправлял их вдвоем, но он этого терпеть не мог. Младший братец только мешал, лез, куда не просят, и испортил бы не одно дело, если бы не своевременное вмешательство Лукаса. Но отец этого упорно не видел. В его глазах Амадео подавал большие надежды и даже оказался достойным занять место генерального директора "Азар"! Нет, такого оскорбления Лукас стерпеть не мог.

— Прости отец, — прошептал он и отпил шампанского.

Так было нужно. Кристофу все равно оставалось недолго, возможно, от яда он принял более легкую смерть, чем ожидала бы в дальнейшем, в днях, полных боли. Лукас искренне горевал о его кончине, но не мог допустить, чтобы во главе компании встал безродный

бродяга.

После того, как Амадео увезли в полицию, Лукас попросил следователей оставить его наедине с телом отца. Нет, не боялся, что найдут улики — единственной зацепкой был пузырек из-под яда, на котором Амадео так кстати оставил свои отпечатки. Причина смерти была ясна, и Стефан подтвердил, что Кристофу стало плохо сразу после ужина. Также он сообщил и о том, что никому, кроме Амадео, не удавалось заставить главу семьи принимать пищу. Эти свидетельства и несколько пачек банкнот, извлеченных из отцовского сейфа, развеяли последние сомнения в виновности Амадео.

Лукас пробыл в спальне отца час. И все это время сидел рядом с ним и плакал, сожалея о том, что натворил, но убеждал себя, что это было необходимо.

Ребекка бросила взгляд на Лукаса и презрительно отвернулась. Ну и пусть, подумаешь, торговка информацией. Даже если красотка очень захочет, найти ничего не удастся. Тот, кто доставил стрихнин, теперь покоится на дне моря и уже не расскажет, кто заказал яд. И большого шума убийство не наделает, даже если труп найдут. В конце концов, свяжут его с Амадео, но никак не с Лукасом.

Кто знает, может быть, все же удастся договориться с Ксавьером? Лукас изучающе смотрел на него поверх бокала. Выглядит спокойным. Они с Амадео были очень близки, однако никакого горя, никакой печали по поводу ареста тот не выказывал. И явился проститься с Кристофом, значит, возможное сотрудничество для него все так же важно. А насчет взаимной неприязни... Не всегда приходится работать с приятными людьми, не так ли?

Лукас одним глотком допил шампанское и решительно направился к Ксавьеру.

— ...сомневаюсь, что это поможет, Ребекка, — долетел до него обрывок разговора. Затем серые стальные глаза уставились на него.

Лукасу стало не по себе — его будто просвечивал рентген. Но он постарался взять себя в руки и непринужденно сказал, придав голосу оттенок горечи:

— Благодарю вас, господин Санторо, что нашли время прийти. Для меня это очень важ...

— Я пришел не ради вас, а ради вашего отца, — холодный, безразличный тон. — Вы, к сожалению, таких почестей никогда не заслужите, — он обвел рукой с бокалом собравшихся в зале гостей.

— Разумеется, — Лукас ступешался и, что хуже, начал злиться. Как смеет он так разговаривать? — За это я и хотел вас поблагодарить. Ваш контракт много значил для моего отца.

— Уж не думаешь ли ты, что он захочет его возобновить? — ядовито вмешалась Ребекка. — Да тебя насквозь видно, лживая ты...

— Достаточно, — Ксавьер взмахом руки остановил ее. — Ребекка, ты не могла бы найти Эмилио Валиона? Мне нужно с ним поговорить.

— Я тебе что, девочка на побегушках? — вспыхнула та, но, одарив Лукаса очередным презрительным взглядом, все же ретировалась.

Лукас преисполнился уверенности. Если Ксавьер действительно не хочет афишировать общие дела с "Азар", то это его право. Но не такой же он дурак, чтобы потерять лакомый кусок. Возможно, Лукас и правда слишком напорист, но упускать такую возможность нельзя.

— Так как вы смотрите на то, чтобы заключить новое соглашение, Ксавьер? — с места в

карьер начал он. — Мы могли бы обговорить все условия...

— Я не собираюсь решать этот вопрос немедленно, — резко оборвал его тот. — Ваш отец умер, и вы могли бы выказать хоть немного уважения и не заговаривать о делах сейчас.

Лукас снова стушевался. Да, этот тип ох как непросто, однако удалось же как-то этому крысеньшу Амадео заполучить его доверие. Значит, выйдет и у Лукаса, надо приложить чуть больше стараний.

Он лихорадочно искал подходящие слова, однако, как назло, ничего путного в голову не приходило.

— Завтра к десяти утра подъезжайте в мой офис, — неожиданно смилостивился Санторо. — И мы все с вами обсудим. А сейчас прошу меня извинить.

Лукас изумленно смотрел, как Ксавьер пересекает зал и пожимает руку управляющему "Азарино".

— Заносчивый ублюдок, — прошипел он, сжав пустой бокал так, что тот едва не лопнул.

* * *

Серджио вел Ксавьера сквозь толпу, расчищая путь. Места находились в удобном месте, откуда было видно все происходящее на ринге, однако добраться туда было непростым делом. Все заполнили ярые поклонники подпольных боев, ревушие, будто стадо раненых бизонов. Простые работяги в поношенной одежде перемежались с дородными господами в выходных костюмах, старательно делающими вид, что они всего лишь на огонек заглянули. Но на самом деле здесь крутились огромные деньги, размеры ставок во много раз превышали среднестатистическую зарплату азартных простолюдинов. Подставные бои, ставки на раунд, в котором соперник ляжет — обычным людям это было недоступно. Поэтому они всего лишь ставили деньги на победу и чаще всего проигрывали. А владельцы этого балагана получали огромную прибыль.

Ксавьер увернулся от руки не в меру ретивого поклонника и вынул из кармана пачку сигарет. От криков начинала болеть голова.

— Вот ваше место, господин Санторо, — Серджио указал ему на стул. — Рядом с мисс Муэрте.

— Я заметил, — Ксавьер чуть склонил голову в знак приветствия. — А вас что сюда сегодня привело, Люсиль? Не думал, что вы любительница подобных зрелищ.

— Мой клиент решил поучаствовать в тотализаторе, — она небрежно откинула медного цвета волосы за спину. — Я сопровождаю его.

— И где же он? — Ксавьер огляделся.

— Отправился за выпивкой, — усмехнулась она. — Не угостите сигаретой?

— Разумеется, — Ксавьер протянул ей пачку и поднес зажигалку. — Кто сегодня на ринге?

Она достала из небольшой сумочки черно-красную листовку, испещренную вызывающими символами и кричащими словами.

— Антонио Мартин и Йохан Торн. Мой клиент поставил на первого.

Ксавьер наклонился к ней и понизил голос:

— А на кого бы поставили вы, Люсиль?

Та быстро оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что их никто не подслушивает.

— Я бы выбрала Торна. Он хоть и новичок, на ринге всего пару недель, но уже одержал ряд блестящих побед. Остальные по старинке ставят на его противников и проигрывают.

Судья заорал, объявляя первый раунд, по рингу прошла фигуристая девушка в откровенном купальнике, держа над головой табличку с цифрой один. Приподняв канат, на арену вошел гигант. Росту в нем было никак не меньше двух метров, мощные плечи бугрились мускулами. Кисти рук замотаны в бинты, чтобы не повредить костяшки. Он вскинул руки и затряс ими, требуя поддержки зала.

И он ее получил. Народ взорвался аплодисментами, отовсюду неся подбадривающий свист.

— Это и есть Торн? — Ксавьер окинул его оценивающим взглядом. — Впечатляет.

— Нет, это Антонио Мартин. А Торн — вон там, — Люсиль указала на противоположный конец ринга.

Йохан Торн скользнул между канатами, как змея. Ниже своего соперника на добрую голову, но фигура тренированная. Не перекачанная, как у завсегдатаев тренажерных залов, а закаленная в подобных схватках. Но все же по сравнению со своим соперником он выглядел куда слабее.

— Кажется, я понимаю, почему на Торна никто не хочет ставить, — усмехнулся Ксавьер. — У него никаких шансов против этого здоровяка.

— О, вы ошибаетесь, — Люсиль выпустила дым вверх. — Как раз за счет своей ловкости ему удастся одержать победу, я в этом уверена. И потом — не зря же за ним закрепилось прозвище "Железный кулак".

Бой начался. Ксавьер, подперев подбородок рукой, задумчиво следил за тем, как Торн пытается ударить противника. Пока что у парня ничего не выходило, но на его стороне была скорость. Неповоротливый Мартин очень скоро пропустил пару хороших ударов, но, в ярости размахивая кулаками, все же сумел однажды достать Торна, да так, что тот едва не повалился на ринг.

— Железный кулак, говорите? — хмыкнул Ксавьер. — Да ему едва не пробил голову этот...

Пригнувшись, Торн ринулся на противника, как выпущенная из лука стрела. От мощного апперкота Мартин растерянно отступил и повалился на канаты. Толпа негодуя взревела.

Ксавьер обхватил сигарету пальцами, прикрывая губы.

— Что насчет Амадео Солитарио?

— Если брать во внимание связи этой семьи, младшему сыну грозит максимум условный срок. Однако я могу сделать так, что его обвинят по всем пунктам.

— Мне не нужна смертная казнь, Люсиль. Какой срок вы можете предложить?

— Три-четыре года вас устроят?

— Всего лишь? — Ксавьер даже не попытался скрыть ухмылку. — За убийство отца теперь дают так мало?

Люсиль удивленно посмотрела на него. На кончике сигареты уже образовался столбик пепла.

— Если изменить статью на убийство по неосторожности, то такое вполне возможно.

Ксавьер раздраженно выдохнул дым, не сводя взгляда с ринга. Йохан Торн вновь проигрывал сопернику, здоровенный Мартин наступал на него, как айсберг на "Титаник",

грозя раздавить в лепешку.

Несколькими часами ранее Ксавьер позвонил Энди Ньюману, которого когда-то посылал на разведку в "Азарино".

— Господин Санторо! — радостно приветствовал его бодрый голос бывшего помощника. — Если вам что-то нужно, говорите — мигом исполню!

— Как твоя сестра, Энди? — спросил Ксавьер. — Выздоровела?

— Благодаря вам, господин Санторо! — собачьей преданности в голосе Энди мог бы позавидовать любой дворовый пес, которому кинули косточку. — Еще не может выйти на работу, но я нашел классную подработку, и...

Ксавьер не сдержал вздох разочарования. Он надеялся на помощь Ньюмана, но по всему выходило, что тот не согласится.

— Господин Санторо? — осторожно спросил Энди, почуяв неладное. — А зачем вы звоните?

— Хотел попросить об услуге, однако теперь понял, что это не лучшая идея. До свиданья...

— Подождите! Подождите, господин Санторо! — вскричал собеседник. — Разрешите помочь! Вам нужен человек? Я найду кого-нибудь, дайте пару часов!

Ксавьер устало потер висок кончиками пальцев.

— Кого ты можешь предложить?

Йохан Торн умело обставил противника и оказался позади, нанеся сокрушительный удар. Мгновение — и судья поднял его руку, присуждая победу.

— А он хорош, — пробормотал Ксавьер. — Считаете, подойдет?

— Вполне. Я же говорила, — Люсиль довольно закинула ногу на ногу. — Он бесподобен. Сегодня мой клиент потерял большие деньги, но кто сказал, что я от этого не выиграю?

* * *

Йохан, опустив капюшон куртки на глаза, шел за странным мужиком в строгом костюме. В раздевалке он не особо удивился, когда этот тип подошел к нему и пригласил на встречу. Сказал, что ему хотят дать работу.

Охранником, что ли, предложат пойти... Тухлая работенка, ходишь весь день, будто палку проглотил, да торчишь истуканом за спиной важной персоны, когда хозяин соизволит испить кофе. А ты рядом, как верный пес на цепи. Нет уж, не по нутру это было, совсем не по нутру.

Придется отказать важной шишке, но что поделать? Да и сколько этот работодатель может предложить? Лучше Йохан выстоит пару боев на ринге и получит гораздо больше, поставив через знакомых на самого себя. Сколько раз уже так делал, и всегда прокатывало. Правда, этот бугай Мартин здорово ему засветил. Йохан коснулся переносицы, которая отозвалась глухой болью. Хорошо, что не сломал, хотя не помешало бы — вдруг бы вправил перегородку...

Мужик в костюме остановился, и Йохан едва не врезался в него многострадальным носом. Затем тот отошел в сторону, освободив дорогу. В сгущающихся сумерках Йохан разглядел лишь красный огонек сигареты.

— Добрый вечер, мистер Торн. Меня зовут Ксавьер Санторо, возможно, вы обо мне

слышали, — говоривший выступил на свет одинокого фонаря.

Йохан смерил его недоверчивым взглядом. Этот, что ли, хочет нанять его в охрану? Да у него, судя по всему, таких молодцов десятки. Санторо... Фамилия казалась знакомой, но он никак не мог вспомнить, где же ее слышал.

Тот щелчком отправил окурок в стоящую неподалеку урну, и Йохана озарило.

— А! Так вы владелец сигаретной фабрики, да?

— Совершенно верно, — тот слегка склонил голову в знак согласия.

— Крутые сигареты у вас, ничего не скажешь. Только дороговаты для такого раздолбая, как я.

— Ценовая политика, — ответил Ксавьер, протягивая пачку. — Угощайтесь.

— Спасибо, — Йохан с наслаждением закурил. — Надо же, а вкус просто изумительный. Как вы это делаете? Как обрабатываете табак? Или добавляете что?

— Прошу прощения, секреты производства. У меня к вам деловое предложение, мистер Торн. Могу я называть вас по имени?

— Если заплатите, называйте хоть сладким мальчиком, — он глубоко затянулся.

— Надеюсь, до такого не дойдет, — Ксавьер протянул банковскую карточку. — Пока она пуста, но я перечислю туда ту сумму, какую вы запросите, если согласитесь сделать для меня кое-что.

Йохан подозрительно смотрел на серебристый кусок пластика, опасаясь брать его в руки. Ситуация дурно пахла, это он за милю чуял. Но с другой стороны, интересно, что же стоит таких денег.

— Если вам нужно кого-то убить, это не ко мне, — он принужденно рассмеялся, надеясь сгладить отказ. — Я не собираюсь садиться в тюрьму.

— Как раз это вам и нужно будет сделать, — огорошил Санторо, и по коже Йохана пробежал мороз. Он не совсем понял, к чему относится эта фраза: к тюрьме или к убийству, однако ледяные глаза собеседника убеждали во втором варианте. Следующие же слова объединили оба страха. — Тюрьма, куда отправится нужный человек, тщательно охраняется. Придется действовать изнутри.

— И что я должен там делать?

— Вся информация после того, как согласитесь.

Йохан неопределенно хмыкнул. Любопытное дельце ему предлагали, чертовски опасное, если он правильно все понял.

— А сколько заплатите? — спросил он, отправляя окурок на асфальт.

— Я уже сказал — сколько попросите. Жизнь этого человека стоит любых денег, — Ксавьер протянул еще одну сигарету.

Не нравилась Йохану эта затея, очень не нравилась. Конечно, он знал о такой практике. Но это — тюрьма. Ничуть не курорт. Там ты сам за себя, и никто не может гарантировать, что выйдешь оттуда живым, после того, как выполнишь задание.

Но, опять же, этот мужик предлагал хорошие деньги. Единственное, что смущало Йохана — почему он не назвал конкретную сумму. Готов дать, сколько требуется? Это почему же? Что это за человек такой?

Санторо ждал ответа, протягивая карточку.

— А если откажусь, что вы сделаете? — Йохан снова затянулся и выпустил дым в сторону. — Заставите меня?

— Йохан, я никогда не угрожаю людям, в которых действительно нуждаюсь. Я не

требую ответа прямо сейчас. Подумайте до завтрашнего дня. Я с вами свяжусь, — Ксавьер спрятал карточку и скрылся в ожидавшей его черной машине.

* * *

Амадео смотрел на судью, но не видел. Обвинительные слова проникали в уши, однако он не понимал их. Все происходящее казалось сном, нереальным, готовым разрушиться от малейшего дуновения ветра. Однако кошмар длился и длился, а он все никак не мог проснуться.

— ...део Солитарио обвиняется в убийстве Кристофа Солитарио, своего отца...

Он слышал это на протяжении недели, пока длился судебный процесс. Бесконечная вереница детективов, адвокатов, журналистов, повторяющих одно и то же раз за разом — это настолько сводило с ума, что, в конце концов, обвинение превратилось в окончательную бессмыслицу. Слова потеряли значение, и порой он не понимал, чего от него хотят.

— Подсудимый! — громыхнул судья. — Прошу вас не отвлекаться. Слово предоставляется адвокату подсудимого, мисс Муэрте.

Люсиль в строгом черном костюме поднялась со своего места. Амадео даже не взглянул на нее. Люсиль сама вызвалась его защищать, хотя Амадео был против. Он не подписал признание, не отвечал на вопросы следователей, но чувствовал свою вину за то, что случилось с отцом. Поэтому и отказался от адвоката. Доказательств вины Лукаса у него не было, на злополучном пузырьке нашли лишь его отпечатки. Брат продумал все до мелочей, вдобавок подмазал нужных людей от семейного врача до охранников.

И это оказалось самым ужасным. Люди, которых он знал с детства, которые присматривали за ним, учили, оберегали — сейчас обвиняли его, сидя на местах для свидетелей.

— Как только он появился, я сразу подумал — быть беде, эти уличные мальчишки никогда добра не помнят...

— ...а как они однажды с господином Лукасом подрались, это ж надо...

— ...господина Солитарио отравили, это подтвердила судебно-медицинская экспертиза. Хотя я и без нее мог точно сказать, что умер он не от повторного инсульта...

— ...да был у него зуб, точно был! Ходили слухи, что босс ему компанию отдать хотел, но вдруг решил передумать. Это ли не повод для убийства?

Лицо Амадео оставалось непроницаемым, однако внутри все горело от злости и стыда. Среди свидетелей не было лишь двоих — Розы и Дэвида, начальника охраны, который взял шефство над Амадео с первого дня его появления в доме. Но их присутствие ничего не изменило бы — их свидетельства затерялись бы в этом нескончаемом потоке гнусных обвинений.

Лукаса вызвали первым. Амадео с трудом подавил желание зажать уши — столько грязи вылил на него брат. Тихим, размеренным голосом, тщательно изображая убитого горем сына, рассказывал, как пытался уберечь отца от влияния красивого мальчишки, который тотчас завоевал его расположение и добился того, чтобы его приняли в семью на правах наследника. И как больно Лукасу осознавать, что дело жизни его отца, компания "Азар" едва не досталась убийце.

Амадео сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Прикусил губу и

почувствовал соленый привкус крови. Как же хотелось вскочить, схватить Лукаса за шею и ткнуть носом в судейский стол! Выбить из него признание и отправить гнить в тюрьму!

Но он сидел, не шевелясь, а брат продолжал обвинительную речь. Голос начал срываться, истеричные нотки рвались наружу, Лукас едва не захлебывался, с упоением доказывая, что такой мрази, как Амадео, не стоит жить на этом свете. И когда Амадео готов был вскочить и заорать на брата, чтобы прекратил лгать, тот замолк, переводя дыхание.

— Ваша честь, — наконец сипло проговорил он, отпив воды из стакана, любезно поданного ему. — Это чудовище не имеет права называть себя моим братом. Он нагло воспользовался добротой моего отца и хладнокровно убил его из-за наследства.

В глазах у Амадео потемнело от ярости. Он поднялся со своего места, сжимая кулаки, однако Люсиль Муэрте положила руку ему на плечо.

— Сядь, — процедила она сквозь стиснутые зубы. — Сделаешь только хуже.

— Ваша честь, — обвинение в лице толстоногого коротышки по имени Маркус Брайнде прогуливалось по залу. — Думаю, всем очевидно, что Кристофа Солитарио сгубила его же доброта. Он приютил несчастного мальчика, не зная, что тот рано или поздно воткнет ему в спину нож.

— Я протестую, ваша честь, — вмешалась Люсиль. — Это домыслы обвинения, вина моего подзащитного еще не...

— Доказана, мисс Муэрте, еще как доказана, — Брайнде листал записи. — На пузырьке из-под яда обнаружены его отпечатки, у нас есть показания свидетелей, а также семейного врача, что после перенесенной болезни Кристоф Солитарио соглашался принимать пищу лишь после уговоров младшего сына. Более никому, даже его домоправительнице, не удавалось заставить его. Этим и воспользовался подсудимый, чтобы дать ему яд.

— Это ложь, — отрезала Люсиль.

— Это неоспоримые доказательства!

— Прекратить! — рявкнул судья, грохнув молотком по столу. — Суд удаляется на совещание.

— Мы прорвемся, — шепнула Люсиль, садясь рядом. — Не переживай.

Амадео не ответил.

* * *

Йохан стоял, прислонившись к стене, и курил. Козырек бейсболки опущен на глаза, воротник поднят. Таковы инструкции от Ксавьера Санторо. У дверей здания напротив толпились журналисты, готовили оборудование, проверяли микрофоны. Внутрь их не пускали. Скоро должен был закончиться судебный процесс, о котором говорил Санторо. Тогда же и выяснится, сколько времени это займет.

Само дело дурно пахнет и дорогого стоит. Но надо потребовать гарантии, иначе его запросто могут кинуть. Эти богатеи очень не любят расставаться со своими денежками. До сих пор настораживало, что Санторо так и не назвал конкретную сумму.

Но Йохану требовались деньги. Век профессионального бойца короток, да и опасен — можно запросто получить травму, после которой нельзя будет выйти на ринг. И если уж представилась возможность, почему ее не использовать?

Перед ним остановился автомобиль, загородив вход в суд. Черный, стекла тонированы.

Кажется, "мерседес".

— Садись, Йохан, — произнес Ксавьер, открыв дверцу.

— К чему такие предосторожности? — спросил он, приземляясь рядом. — Будто из меня и правда преступника делать собрались.

— Так и есть, — Ксавьер передал парню папку. — Твое дело. Прочти внимательно, там все расписано.

Йохан пролистал документы. Убийство по неосторожности, во время боя слишком сильно засветил противнику, а тот умер от кровоизлияния в мозг. Вполне подходит и не вызовет подозрений. Он уже успел достаточно прославиться как боец, такой исход вполне возможен.

— А что инкриминируют тому типу? — он мотнул головой в сторону суда.

— Убийство. Срок станет известен через несколько минут, — Ксавьер взглянул на часы. — Вы будете в одной камере, я об этом уже позаботился.

Йохан лениво водил глазами по страницам. Проще не бывает, преступление ему выбрали самое очевидное, даже выдумывать ничего не надо. Только держаться этой версии, и тот парень ничего не заподозрит.

Толпа журналистов у входа в здание суда пришла в движение. Ксавьер чуть опустил тонированное стекло.

— Его выводят.

Йохан с интересом вытянул шею, пытаясь разглядеть виновника.

На крыльце появился высокий молодой человек. Его тут же обступила толпа журналистов и фотографов, но охрана быстро заставила их отступить. Лицо застывшее, словно маска, хоть и очень красивое. Он тряхнул волосами, едва прикрывающими уши, и спустился по ступенькам, глядя прямо перед собой, будто не было вокруг этой беснующейся толпы, шелкающей фотокамерами, выкрикивающей обвинения. Когда стервятники чуть расступились, пропуская полицейский автомобиль, который должен был доставить заключенного в тюрьму, Йохан успел увидеть скованные наручниками запястья.

Зазвонил телефон Ксавьера, и Йохан вздрогнул.

— Да, Люсиль. Хорошо. Ты сделала все, что могла. Спасибо.

— И сколько ему дали? — спросил Йохан, когда Санторо закончил разговор.

Ксавьер чиркнул зажигалкой и уставился сквозь тонированное окно в противоположную сторону от суда. На губах играла довольная улыбка.

— Четыре года. Без права досрочного освобождения.

* * *

— Имя и фамилия?

— Амадео Солитарио.

— Дата рождения?

— Девятнадцатое июня тысяча девятьсот восемьдесят шестого года.

— Полных лет сколько?

— Двадцать три.

— Преступление?

— Убийство.

— Болезни имеются?

Молчание.

— Я спросил, болезни имеются? Отвечай.

— Нет.

— Аллергии?

— На животных.

— Тогда ты тут точно сдохнешь. Полная тюрьма зверей, — гогот. — На воле кто есть?

Родственники, друзья.

— Нет. Никого.

— Деньги, запрещенные продукты, наркотики тебе может кто-нибудь передавать?

— Я же сказал, что никого нет.

— Значит, свидания тебе не нужны. В тюрьме знакомые имеются?

— Нет.

— Профессия есть?

— Юрист.

— Понятно, чего ты тогда тут прохлаждаешься. Не выгорело, да?

— Не поэтому.

— А мне неинтересно. Будешь сидеть во второй камере блока С. Там у нас все убийцы.

А теперь пошел вон.

* * *

Амадео шел по тюремному коридору, глядя прямо перед собой. Со всех сторон неслись свист и улюлюканье, подначивание и притворные всхлипывания.

— Ой, какая девочка! Как же ты будешь тут одна?

— Личико-то милое, хочешь быть моей, красотка?

Никаких эмоций. Никакой реакции. Только вперед, не сворачивая. Иного пути нет. Еще несколько шагов — и он увидит свой дом на ближайшие четыре года. Амадео не обращал внимания на выкрики, но они и не думали прекращаться, наоборот — становились громче.

Надзиратель ударил дубинкой по прутьям и рявкнул на заключенных, чтобы заняли свои места и не отвлекали. Те взорвались безудержным смехом.

Ему приказали остановиться у дальней камеры и замереть. Стальные браслеты, стягивающие запястья на протяжении всего пути от здания суда, наконец раскрылись. Решетчатая дверь отъехала в сторону, впуская нового постояльца в дешевый номер.

Двухъярусная кровать. Узкий стол. Унитаз за перегородкой, рядом — раковина. Вот и вся скудная обстановка. Паршивой пятерки не дал бы за эту каморку, усмехнулся про себя он, ощутив легкий приступ клаустрофобии. По крайней мере, тут есть зарешеченное окно.

Амадео стоял спиной к двери, пока она не захлопнулась. Зазвенели ключи, запирая путь к свободе.

Он подошел к кровати и присел на нижний ярус. Здесь было тесновато, первые признаки клаустрофобии уже показывали свои любопытные носы из уголков подсознания, но придется научиться с этим справляться — тут предстоит провести четыре года. И ни днем меньше, согласно постановлению суда. Права досрочного освобождения ему не предоставили, как ни старалась Люсиль Муэрте. Амадео изначально отказался от адвоката и

понятия не имел, почему вдруг Люсиль взялась защищать его. Наверняка из уважения к Кристофу, но Амадео же предъявили обвинение в его убийстве!

Как бы там ни было, ей удалось добиться изменения статьи с предумышленного на убийство по неосторожности. Якобы Амадео перепутал лекарства. Ну конечно! Так легко перепутать таблетки с порошком, которому в доме не место! Но он промолчал на суде. Он вообще не желал говорить с кем-либо, и даже когда Люсиль пришла в камеру предварительного заключения, даже не позволил войти.

Он виноват в том, что Лукас опустил до убийства собственного отца, он и только он. Не появись Амадео в их доме, Лукасу некого было бы ненавидеть. Кристоф спокойно отдал бы ему компанию, когда пришло время, и остался жив.

— Это все из-за меня, — прошептал он, запустив пальцы в остриженные волосы. — Из-за меня.

Внезапно кровать слегка вздрогнула. На верхнем ярусе кто-то заворочался, послышался зевок. Амадео вскинул голову.

— О, привет, — сосед свесился вниз. Темные волосы взъерошены, карие глаза слегка мутные после пробуждения. На носу нашлепка — видимо, кто-то перебил парню нос. — Ты новенький?

— Да, — Амадео улегся на жесткий матрас и отвернулся к стене.

— Ну я, можно сказать, тоже. Только вчера прибыл. Как тебя зовут?

Амадео промолчал, надеясь, что игнорирование заставит надоедливого соседа умолкнуть. Но не тут-то было.

— А ты за что сюда загремел? Я вот случайно одного пристукнул. Я ж боец, подпольный. Был, — парень тараторил, как пулемет, будто давным-давно ни с кем не разговаривал. — Во время последнего боя как следует врезал противнику. А тот брык! И откинулся. И меня сразу в тюрьгу.

— Печально, — безучастно проговорил Амадео.

— Ну а ты? — сосед свесился сильнее и едва не сорвался головой вниз. — В одну камеру двух разных не посадят, и это вообще блок для убийц. Ты кого грохнул?

Амадео перевернулся на спину, и парень осекся. В черных глазах полыхала такая злость, что все провокационные вопросы застряли в горле.

— Да ладно тебе, — выдохнул сосед, плюхаясь обратно на свое место. — Спросить нельзя... Но тебе реально будет легче, если выговоришься.

Амадео молчал, снова отвернувшись к стене.

— Ладно, — парень укутался в одеяло. — Твое дело.

* * *

Судья со скучающим видом смотрел на сидящих перед ним людей. Темноволосый мужчина с тщательно зализанными волосами надменно задрал нос. Строгий костюм плохо отглажен, галстук завязан неумело. На манжетах рубашки, выглядывающих из-под рукавов мятого пиджака — желтые пятна. Даже сидя на значительном расстоянии, судья чувствовал запах утренних возлияний. Виски? Джин? Есть ли разница? Мужчина, вальяжно развалившийся на стуле, был слегка навеселе, этого хватило, чтобы моментально вызвать неприязнь.

Женщина была одета в красивое дорогое платье, рядом на стуле лежала роскошная шуба. Золотые серьги в ушах покачивались, когда она утыкалась носом в голубой платок, якобы сдерживая всхлипы. Однако взгляды, которые она бросала на оппонента, трудно было назвать полными боли.

— Слушается дело о разводе Виктории Лаэрте и Лукаса Солитарио, — живости в голосе судьи не прибавилось, наоборот, эта тоска смертная его уже до печенок достала, и он мечтал лишь об одном: быстрее добраться до дома и выпить традиционную рюмочку хереса перед дневным сном.

Лукас отвернулся от жены и уставился в окно. После смерти Кристофа он получил "Азар", как и планировалось. Сезар Лаэрте настаивал на слиянии компаний, однако Лукас оказался слишком гордым. Он отказался, и тогда Виктория заявила, что подает на развод.

Наглая стерва. Только и делала, что тянула из него деньги, несмотря на то, что у самой их куры не клюют. А стоило отказать один только раз — и все, смертельная обида. Но Лукас не удивлялся. В последние месяцы все шло к тому, что долго их браку не протянуть.

Лукас потер пересохшие губы. С утра он успел выпить лишь стакан виски, а потом истеричка вломилась в его дом и устроила сцену. А он и забыл, что сегодня должен явиться в суд на слушание дела о разводе. Чего она там лепечет?

— Я настаиваю на том, ваша честь, чтобы Лукас Солитарио отдал мне квартиру, в которой мы проживали, — срывающимся от едва сдерживаемых фальшивых слез голосом говорила Виктория. — А еще я имею право на...

Стерва. Лукас с трудом сдержался, чтобы не выхватить у судьи молоток и не начать лупить им бывшую жену по голове, пока слезы, которые она так тщательно выдавливала, не полились бы рекой. Хочет забрать у него все, в том числе и половину "Азар"? Нет, этого ей точно не добиться. Завещание Кристофа было составлено так, что посторонний человек не смог бы претендовать на часть компании.

Только он и Амадео имели на нее право.

Амадео. После приговора прошло уже две недели, и Лукас надеялся, что красавчика давно прихлопнули. Однако шумиха, связанная с его делом, еще не утихла, и газеты наверняка написали бы об этом. Так что оставалось лишь надеяться, что самозваному брату там ой как не сладко.

— Придется тебе съехать в твою часть шикарного особняка, — ехидно сказала Виктория, когда они вышли из зала суда. — О, извини, я забыла, что вторую половину по завещанию получил твой брат. Куда же ты подашься, бедный несчастный Лукас? Я слышала, что офис "Азар" очень удобен для проживания.

Лукас сжал кулаки, но молчал. Пока молчал. Стерва получила квартиру, два автомобиля, половину особняка Кристофа, несколько игровых точек, но ей так и не удалось отсудить "Азар". Хоть какой-то плюс.

— Ах, твой братец в тюрьме, значит, пока можешь пожить на его территории, — продолжала издеваться бывшая жена. — Но не беспокойся, я буду настаивать на выплате компенсации за свою половину, потому что у меня нет никакого желания жить в одном доме с тобой. Подготовь деньги.

С губ Лукаса сорвалось длинное ругательство.

— Мало, что ты и так ободрала меня, как липку, тебе еще и денег подавай?

— Пусть ты не отдал мне "Азар", я все равно получу свое, так или иначе, — Виктория достала зеркальце и поправляла слегка размазавшийся макияж. — Потому что ты очень

быстро пустишь ее на дно. И у тебя не останется иного выбора, кроме как продать ее моему отцу.

— Да я лучше...

— Отдашь ее своему брату? — глаза Виктории насмешливо сощурились. — Уж он-то сделает все, как следует, не то, что ты. Ежу понятно, что он гораздо умнее тебя.

Лукас уже не говорил — шипел, как рассерженная змея.

— Да. Умнее. У него хватило ума не связываться с такой стервой, как ты. "Азар" ты не получишь.

Выйдя из здания суда, он ударил кулаками по каменной балюстраде. Костяшки на левой руке закровоточили, но ему было наплевать. Единственное, чего он сейчас хотел — напиться в стельку. И пусть завтра будет мучить адское похмелье, сегодня он забудет обо всем.

* * *

Амадео повернул вентиль, благоразумно отступив в сторону. Струи кипятка ударили в подошедшего сзади мужчину с огромной, покрытой редкими кудряшками головой, толстой бычьей шеей и широкими плечами, на одном из которых змеилась татуировка.

— Ты охренел?! — завопил тот, отскакивая. — Че творишь, ты меня обварил!

— Прошу прощения, я не специально. Вам не стоило стоять так близко, — Амадео отрегулировал температуру и встал под душ.

Тяжелая ладонь легла ему на плечо, и в следующее мгновение он врезался в стену спиной.

— Ты че тут из себя корчишь? Крутой, что ли?

— Я еще раз прошу прощения, — вежливо склонил голову Амадео. — Но я вас ничем не обидел.

Бычья шея вздулась венами, рожа уголовника покраснела от ярости.

— Ты че, богач какой, что ли? Чистоплюй, ты глянть! Слышь, Буйвол, видал, кто у нас тут завелся! Аристократ!

От душа в дальнем углу отступил здоровенный бугай. Тело бугрилось мышцами, спину и руки сплошь покрывали татуировки, однако на груди была лишь одна — русалка с высунутым в дразнящем жесте язычком.

— Это кто тут такой смелый, а, Кудрявый? — он подошел вплотную к Амадео, возвышаясь над ним горой. — Тут у нас своя элита, все ясно?

— Яснее некуда, — Амадео спокойно смотрел на него снизу вверх. — Может, тогда объясните мне, чем именно выделяется ваша "элита"?

Этот простой вопрос вогнал бугая в ступор. Брови сосредоточенно сдвинулись, в глазах застыло бессмысленное выражение.

— Че-то я не понял, — пробасил он. — Че ты хочешь?

— Я всего лишь попросил вас объяснить, в чем заключается ваша элитарность, — голос ровный, ни намек на страх. — У вас особые привилегии? В чем они проявляются? За какие заслуги вы их получили?

— Ты че мозг паришь? — возопил Кудрявый. — Сильно умный, что ли? А на вид баба бабой!

— А, знатная бабенка, — Буйвол, найдя за что зацепиться, наконец вышел из транса и

ухмыльнулся, окидывая Амадео взглядом с ног до головы. — Со спины и не отличишь.

Сильные руки схватили Амадео и прижали к стене душевой. Вывернув руку из хватки Буйвола, он ударил его в шею. Кудрявому же достался апперкот, но кулак соскользнул, и удар вышел не таким сильным. Амадео двинулся в сторону, чтобы лицо Кудрявого попало под все еще включенный душ, и тот в панике забулькал, отступив на шаг и выпустив Амадео.

— Ты... — кашлял Кудрявый. — Ты, сволочь, я чуть не утонул!

— От струи воды? — хмыкнул Амадео. — Да ты просто слабак.

На физиономии Кудрявого появилась злобная ухмылка. Он сплюнул воду и поднявшись с колен, бросился на Амадео.

Тот отскочил, едва удержавшись на ногах на скользком полу, но уже очухавшийся Буйвол навалился на него и прижал к стене, приложив головой так мощно, что от стены откололся кусок плитки.

— Щас он тебе покажет, — усмехнулся Кудрявый, все еще сплевывая воду. — Илитарность, или как ее там.

— Тебе лучше отпустить, — прошипел Амадео, дернувшись, но на этот раз Буйвол держал крепко. Другие заключенные сбились в кучку в дальнем конце душевой и безучастно наблюдали за происходящим. Все они были научены горьким опытом и не вмешивались.

— Или че? — в голосе явственно слышалась насмешка. — Че ты мне сделаешь, девочка? — мокрая рука скользнула по бедру Амадео.

Тот дернул головой назад, угодив Буйволу в нос. Бугай выругался и, схватив Амадео за волосы, с силой ударил о стену, прямо о край отколовшейся плитки. Кровь заструилась по лицу, смешиваясь с водой, все еще хлещущей из душа.

— Не трепыхайся, тебе же лучше будет, — пропыхтел Буйвол. — Или попорчу личико сильнее.

В глазах стояла кровавая пелена. Амадео дергался, но сопротивление быстро подавил Кудрявый, присоединившийся к своему приятелю.

— Держи его крепче, — скомандовал Буйвол.

Амадео собрал последние силы, стараясь игнорировать пульсирующую боль во лбу, и, дернув рукой, саданул локтем назад. Удар вышел скользким, но, к его удивлению, Буйвол охнул и тяжело осел на кафель.

— Э!! — заорал Кудрявый. — Ты че творишь?! Не твое дело!

— Мое.

Быстрый, сокрушительный удар, и огромные лапы, прижимающие Амадео к стене, соскользнули. Кудрявый катался по полу, хватаясь за причинное место, и громко стонал.

Голова закружилась, и Амадео упал на колени. Провел рукой по лицу и уставился на красные капли, вместе с водой стекающие с пальцев и исчезающие в стоке в полу.

— Эй, как тебя там, — позвал знакомый голос. — Давай поднимайся.

Сосед по камере протягивал руку. Амадео уставился на нее, пытаясь сообразить, стоит или нет принимать помощь, друг перед ним или враг. В глазах двоилось, мысли путались, боль короткими вспышками обжигала лоб.

— Ну? Долго собираешься сидеть? — парень нетерпеливо потряс ладонью.

Амадео поднялся на ноги, и его сразу повело в сторону. Сосед подставил плечо.

— Тихо-тихо. Не спеши, — он похлопал Амадео по щеке. — Во как тебе личико-то попортили. Давай-ка в медпункт. Я тебя отведу. Эй-эй, куда? Сначала оденься. И так уже есть желающие заполучить твою красоту, — он презрительно сплюнул в сторону Буйвола и

Кудрявого, все еще не пришедших в себя после стремительной атаки.

Амадео не смог сдерживать дрожь, и парень это заметил. Однако истолковал неправильно.

— Я же сказал, надо одеться! Замерз весь... Давай, шевелись, — он подталкивал Амадео в спину и сам семенял следом.

— Иду, — Амадео схватился за дверь раздевалки и ненадолго зажмурился. Вскоре мир перестал вращаться, и он, вытирая со лба кровь, двинулся к скамейке, где была сложена одежда.

— На серьезных ребятах ты нарвался, — не умолкал сосед по камере, не отставая ни на шаг. — Но не беспокойся, больше они к тебе не подойдут, слово даю. Верить?

— Я... никому не верю, — Амадео надел футболку, задев рану, и ткань окрасилась красным. — Извини.

— Что ж так плохо? — парень, казалось, ничуть не расстроился. — Тебя разве на воле никто не ждет?

— Нет, — Амадео, натянув штаны, сел на скамейку и прикрыл глаза — голова снова закружилась. — Хватит об этом. Ты уверен, что мне надо в медпункт? Так не обойдется?

— Нет, — решительно замотал головой тот. — Ты просто башку свою не видишь, как ее тебе не проломили, ума не приложу. Кстати, меня зовут Йохан. А тебя?

К горлу подкатывала тошнота, но Амадео нашел в себе силы изобразить вежливость.

— Амадео. Все же обойдусь без медпункта, просто немного полежу.

— Ты какой-то странный, Амадео, — Йохан задумчиво хмурился. — Ведешь себя так, будто тебе наплевать на собственную жизнь.

В глазах Амадео на мгновение мелькнуло отсутствующее выражение.

— А с чего ты взял, что это не так?

* * *

Все же Йохан уговорил его сходить в медпункт, где Амадео наложили три шва на разбитый лоб. На вполне закономерный вопрос врача ответил, что поскользнулся в душе и приложился головой о плитку. Практически не солгал, однако сосед по камере недовольно морщился.

— Почему ты не сказал ему? — задал он вертевшийся на языке вопрос, когда они вышли из медпункта. — Тех козлов наказали бы по полной, разве нет?

Амадео осторожно покачал головой. В глазах все еще немного двоилось.

— Им ничего не было бы, а вот мне пришлось бы несладко, сдай я их.

— А у тебя останется шрам.

— Он остался бы в любом случае, не так ли? И потом, — Амадео осторожно коснулся бинта, — хоть что-то должно испортить эту внешность.

— Странный ты, — Йохан зашел в камеру и забрался на верхний ярус кровати. — Да о таком лице многие мечтают. Ты, стало быть, его ненавидишь?

— Вовсе нет. Но было бы проще, будь я обычным, — Амадео лег на кровать и отвернулся к стене.

На это Йохан не нашел, что ответить. В камере надолго повисла тишина, и Амадео решил, что болтливый сосед наконец заснул. Он сел на кровати и уставился в стену над

раковиной. Зеркала тут не было во избежание травматизма среди заключенных, поэтому Амадео не мог даже взглянуть на рану до следующего визита к врачу.

Коснулся бинта и поморщился — лоб тут же прострелила боль. Видимо, действие анестетика, который дал ему доктор, заканчивалось.

Он знал, что подобное может произойти, однако не подозревал, что окажется настолько беспомощен. Если бы не Йохан, он бы не выбрался из передраги так просто. Амадес передернуло, стоило только вспомнить жадные руки тех ублюдков.

— Спасибо, Йохан, — прошептал он. Сосед невозмутимо посапывал на верхнем ярусе.

* * *

Так началась новая жизнь Амадео в застенках тюрьмы. Надежды на досрочное освобождение его сразу лишили, однако он оставил переживания по этому поводу. Ничего поделать с этим все равно не мог, так какой смысл трепать нервы?

Сосед по камере оказался довольно разговорчивым. Несмотря на то, что Амадес зачастую не отвечал на вопросы, он продолжать сыпать ими, как из рога изобилия, иногда прерываясь, чтобы поспать. Красноречивое молчание не спасало, Йохан упорно пытался его разговорить, и Амадео не понимал, чем вызвано такое дружелюбие. С самого первого дня он понял, что здесь — каждый за себя, если что-то произойдет, никто помогать не станет, дрожа за собственную шкуру, однако Йохан был не таким. Он спас его в тот злополучный день в душевой, отвел в медпункт, обращался с малознакомым человеком так, будто был его лучшим другом. И Амадео не знал, почему. Поначалу это настораживало, однако он решил, что Йохану просто одиноко. В конце концов, им предстояло провести четыре года бок о бок.

По ночам, в полной тишине, когда над ухом не трещал надоедливый сосед, в голову лезли мысли о Ксавьере. Амадео до сих пор не мог понять, что произошло в тот день, когда умер отец. Почему Ксавьер так обошелся с ним? В то, что он и в самом деле хотел захватить компанию и использовал для этого Амадео, не верилось. Однако сами слова друга говорили об обратном, и это изрядно сбивало с толку.

"Я собираюсь проделать с "Азар" то же, что и с бизнесом Жаклин", — сказал тогда Ксавьер.

"Ты завел со мной дружбу только ради бизнеса", — еще одно бессмысленное обвинение.

"Надоело объяснять всем и каждому, что рядом со мной нет никакой женщины в мужском костюме", — это оскорбление ударило Амадео в самое сердце.

"Безмозглый, смазливый, ни на что не годный отброс", — он не мог поверить, что эти слова слетели с губ лучшего друга. Он мог бы ожидать этого от Лукаса, но Ксавьер всегда был сдержан в выражениях.

"Я лишь использовал тебя, маленький глупый принц, — вот что Ксавьер подразумевал всеми своими действиями. — Ничего личного, только бизнес".

Ничего личного.

Почему? Амадео не мог найти ответа. Почему Ксавьер потратил столько времени на его обучение, на их дружбу — неужели только затем, чтобы втереться в доверие? Этот бизнесмен не из тех, кто тратит время зря, и его действия казались нелогичными, однако...

Он — человек, который добивается своего. И если Ксавьер поставил себе цель прибрать к рукам "Азар", он не жалел ни сил, ни времени на это.

И не щадил ничьих чувств.

Лукас отравил Кристофа, что, несомненно, сыграло бы на руку Ксавьеру, если он и в самом деле планировал заполучить "Азар", но даже у этого железного монстра в последний момент лопнуло терпение, и он разорвал контракт. С другой стороны, Ксавьер Санторо был невероятно терпеливым человеком. И множество подобных несоответствий просто сводило Амадео с ума.

Несколько ночей Амадео провел за бесплодными размышлениями. Ответ так и не всплывал на поверхность, а глубже он нырнуть не мог. Он думал, что узнал Ксавьера, но, как выяснилось, в тихом омуте водились не просто черти, а сам дьявол.

Стремясь отвлечься от мрачных мыслей, Амадео стал завсегдатаем местной библиотеки, которая представляла собой квадратную комнату десять на десять метров. Низкие стеллажи с книгами тянулись вдоль стен, посередине же стояли шесть столов, за которыми заключенные писали письма на волю под строгим присмотром охраны — обыкновенные ручки и карандаши считались опасным оружием в руках сидевших здесь убийц. Читали книги лишь единицы, остальные предпочитали проводить время в тренажерном зале или на спортивной площадке в тюремном дворе. Кто-то устраивался работать либо в прачечную, либо в столовую, но большинство просто слонялось без дела.

За главного был плотный лысый мужчина, которому недавно исполнилось шестьдесят, и он отмотал большую часть срока за убийство жены и ее сестры. "Стервы вечно меня шпыняли", — однажды объяснил он Амадео, хотя тот не спрашивал. Годфрид, так звали библиотекаря, любил поговорить. В библиотеку мало кто заходил, и ему попросту было скучно.

— Я уже стар, недолго протяну еще в этой богом забытой клетушке, — сказал он. — А ты, я вижу, книгами интересуешься, для тебя они не просто подставка для кружки, — он с кислой миной продемонстрировал круглое пятно на мягком переплете одной из книг Стивена Кинга. — Переходи ко мне, будешь следить за хозяйством. Все одно платят, хоть и немного. Большинству тут деньги не нужны, молодняк считает, что выйдет и заработает себе на хлеб без особого труда. Только знаешь что? — он заговорщически наклонился к Амадео, будто собирался доверить самую большую тайну в мире. — Никому мы там, на воле, не нужны. Никто не возьмет на работу убийцу, а все эти социальные программы — чушь собачья. Почему, ты думаешь, люди, выбравшиеся отсюда, так часто попадают в тюрьму снова? — он начал загибать крючковатые пальцы. — Тут кормят, дают койку, гуляешь по двору в свое удовольствие, главное не рыпаться. Чем не жизнь? А снаружи надо бороться за выживание каждый божий день, и неизвестно, удастся ли набить брюхо, или сдохнешь голодной смертью. Эх, молодежь, — он сокрушенно покачал головой.

Так Амадео стал помощником библиотекаря. Помогал рассортировывать прибывающую прессу, выдавал книги немногим желающим читать, вел формуляры под пристальным надзором охраны, считающей, что кого-то можно убить толстой, постоянно размазывающей пасту ручкой. Старик Годфрид нарадоваться не мог — сам он давно забросил ведение каких-либо документов, так как почти ослеп и носил очки с такими толстыми линзами, что они нередко выпадали из тонкой оправы. А Амадео был рад, что не приходилось больше бездельничать.

Почти все время он проводил в библиотеке, избавляясь таким образом от расспросов назойливого соседа. Иногда скрыться не удавалось, и приходилось терпеть болтовню. Амадео чувствовал, что еще немного, и начнет отвечать, не выдержав напора.

— Слушай, Амадео, — Йохан закинул руки за голову и изучал живописные трещины на потолке. После завтрака заключенных обычно выгоняли на прогулку, но с утра шел сильный снег, и надзиратели позволили остаться в блоке. — Скажи, за что тебя сюда уперли? Я не собираюсь тебя осуждать, сам преступник, так что...

— Зачем тебе это, Йохан? — Амадео перевернулся на живот, уткнувшись лицом в подушку. Старик Годфрид сегодня решил сам разобрать старые журналы и настойчиво выгнал Амадео отдыхать.

— Зачем? — тот на мгновение задумался, затем рассмеялся. — Нам еще долго тут висеть, ты все это время будешь бубнить себе под нос?

Амадео хотел было улыбнуться, но не смог. Йохан внушал доверие, однако после предательства Ксавьера он попросту боялся. Единственный человек, которому он продолжал бы верить, что бы ни случилось, был мертв, и теперь Амадео поставил себе жесткое условие — не сближаться ни с кем.

— Дело только в скуке? — поняв, что поспать не удастся, он сел на кровати, прислонившись спиной к стене.

— Почему же? Ты любопытный человек. Тут все сплошь и рядом настоящие звери — за любой пустяк готовы глотку перегрызть. Ты же на конфликты не нарываешься, стараешься не драться, если не прижмет, но, тем не менее, кое-какими боевыми навыками владеешь и запросто мог бы кому-то надрать зад...

— Тебе хватило месяца, чтобы так меня изучить?

Йохан промолчал, почувствовав, что сболтнул лишнее. С парнем надо держать ухо востро, Санторо предупреждал, что красавчик далеко не дурак. Безобидная, мягкая внешность легко может ввести в заблуждение, что сейчас и произошло.

— В том, что я стараюсь не провоцировать конфликты, нет ничего странного. Это называется благоразумие, — Амадео раскрыл книгу в мягкой обложке, которую позаимствовал в библиотеке. "Мальчик А". Дерущая душу история о бывшем заключенном, пытающемся жить нормальной жизнью. Как подобная литература сюда попала, оставалось только догадываться. — Незачем начинать драку без надобности.

— Да я не о том, — Йохан свесил голову с кровати. — Само твое поведение сильно отличается. Думаешь, зря тебя прозвали аристократом? От этого вдвойне интересней, как мог такой послушный мальчик кого-то убить.

— Почему тебя это так интересует? Ты убийца, я тоже, разве этого недостаточно?

— Ты хоть знаешь, что за народ тут сидит? Да каждый второй завалил, по меньшей мере, двоих! И только редкие исключения вроде нас с тобой мотают срок за убийство по неосторожности.

Амадео вперил в него внимательный взгляд.

— Откуда ты знаешь, что меня осудили за убийство по неосторожности?

Йохан мысленно отругал себя за очередную глупую ошибку и в который раз пожалел, что не изучил дело внимательней. Кто ж мог знать, что парень такой подозрительный?

— Рецидивистов и маньяков в одну камеру не сажают, для них приготовлены уютные одиночки. Давай, расскажи.

— Не буду я ничего рассказывать, Йохан, оставь меня в покое.

— Почему?

Амадео начал злиться.

— Не хочу об этом вспоминать, так понятнее? А теперь помолчи и дай мне спокойно

дочитать.

Йохану ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Парень оказался крепким орешком, и даже его спасение не помогло растопить лед. Что за упертый принц!

* * *

После обеда заключенные собрались у старенького телевизора. В награду за примерное поведение надзиратель Роджерс разрешил посмотреть транслируемый в два часа сорок минут фильм "Пролетая над гнездом кукушки".

— Помните — никаких попыток закосить под сумасшедшего, — рывкал он в своей обычной манере. — Я вас насквозь вижу, все ясно? Кто будет со мной играть, получит трое суток карцера.

Фильм еще не начался, и заключенные лениво переговаривались, изредка поглядывая на экран. Шли новости, но большинство они ничуть не интересовали.

Амадео зевнул и поискал взглядом Йохана. Тот обещал подойти к началу фильма, но пока его не было видно. На улице крупными хлопьями валил снег, хотя было начало марта, и количество желающих провести послеобеденное время за "ящиком", а не на прогулке, постепенно увеличивалось.

— О, смотри-ка, еще один богачей полетел, — заключенный по фамилии Кроуфорд пихнул Амадео в бок, указывая на экран телевизора. Он мотал срок за убийство брата и его жены, и жить в камере ему предстояло никак не меньше двадцати лет. — Так их, сволочей, всех пересажать надо! Воруют деньги у бедных честных людей, а сами жиреют за наш счет.

— Ты-то честный? — хмыкнул сосед Амадео, пожилой мужчина, имени которого он не знал. — А кто убил свою родню из-за денег? На наркоту не хватало?

— А ну заткнись! — мгновенно вскипел Кроуфорд. — Не поэтому я их пришил, вовсе не из-за денег!

— Ну конечно, пой мне тут...

Амадео не слышал перепалки. Он во все глаза смотрел на экран телевизора.

— ...известный предприниматель, магнат Ксавьер Санторо объявил, что закрывает фабрику по производству табачной продукции "Камальон" и объявляет себя банкротом. Ранее сообщалось о резком падении...

Ксавьер? Объявил себя банкротом? Амадео наклонился вперед и тряхнул головой. Отросшая челка упала на глаза. Быть того не может, чтобы талантливый бизнесмен, находящий выход из любых сложных ситуаций, разорился! Что за чушь?

Он напряженно вслушивался в новости, пробивающиеся сквозь гул голосов заключенных, однако ничего нового не узнал. Ксавьер закрыл фабрику, а затем и саму фирму. Не приостановил деятельность, а полностью распустил весь штат и сдал в аренду здание офиса. Неужели неудача с Валентайном Алькарасом его настолько пошатнула? Или тут постаралась Жаклин Коллинз?

Амадео смотрел на лицо Ксавьера, то и дело мелькавшее на экране. Тот отворачивался от вездесущих репортеров, стремился как можно скорей скрыться из-под прицела камер. На все вопросы не отстающий ни на шаг Серджио повторял одно и то же: "Без комментариев". На лбу Ксавьера появилась жесткая складка, губы сжались в тонкую линию, под запавшими глазами залегли тени. Он делал вид, что его никоим образом не касается суэта вокруг его

персоны, однако Амадео видел: весь этот спектакль стоил другу огромных усилий. Глаза метали яростные молнии, он с трудом держал себя в руках, но во всем облике сквозила чудовищная усталость.

"Ох, Ксавьер, что же с тобой стало? Как смеют эти стервятники загонять тебя, как хищного зверя? Почему не дашь им достойный отпор, почему все бросил? Неужели фальшивые родственники настолько выбили тебя из колеи? Да я ни за что этому не поверю! Ты, сильнейший из всех людей, с кем я когда-то был знаком! Как ты можешь прыгать вниз и даже не попытаться ухватиться за край?"

Новости сменились рекламой, и Амадео обнаружил, что вцепился в спинку стоящего перед ним стула с такой силой, что костяшки побелели от напряжения. Он до крови прикусил губу, и теперь тонкая струйка щекотала подбородок. Его трясло, и Кроуфорд с беспокойством поглядывал на него, всерьез подумывая крикнуть надзирателя.

— Эй, Солитаро! Чего это с тобой? Побелел весь, будто призрака увидел.

— Я в порядке, — слова вырвались из горла тихим шелестом, который он сам едва расслышал.

"Какого черта? Какого черта ты жалеешь его? Он предал тебя, растоптал доверие и дружбу, не глядя прошелся по твоей спине, и после этого ты еще смеешь его жалеть? Сколько можно тешить себя мыслями о прошлом? Ты больше никому не доверяешь, уясни наконец. Санторо лишь воспользовался тобой, и все. И его банкротство — вполне заслуженное наказание".

Так Амадео уговаривал себя, но без особого успеха. Как бы ни старался, он не мог уничтожить то уважение, что питал к Ксавьеру Санторо, к его силе, к умению из любой безнадежной ситуации выходить победителем. И именно поэтому его падение больно било по сердцу, горло перехватывало от горького разочарования, глаза жгло подступающими слезами, и Амадео стоило огромных усилий не дать им прорваться наружу. И хотя по телевизору уже две минуты шла реклама, перед глазами все еще стояло измученное бессонными ночами лицо бывшего друга.

— Проходите, господин Санторо, — Серджио распахнул дверь и сделал приглашающий жест. — Места здесь не так чтобы много, но хватить должно.

— Спасибо, Серджио, — Ксавьер без промедления зашел в квартиру и быстрым взглядом окинул скудную обстановку.

Две комнаты, небольшая кухня, мебели немного, только самое необходимое. Никаких личных вещей, что вызывало стойкую ассоциацию с номером в дешевом мотеле. Только, в отличие от мотеля, тут было чисто и уютно. С теми деньгами, что Ксавьер платил ему когда-то, Серджио вполне мог приобрести двухэтажный дом, но почему-то предпочитал жить на съемной квартире.

Должно быть, верный подручный почувствовал невысказанный вопрос. Он запер дверь и прошел в небольшую комнату, служившую гостиной.

— Вас удивляет, почему я не найду дом получше? Деньги и роскошества для меня никогда не были в приоритете. Мне вполне хватает этой скромной халупы.

— И вовсе это не халупа, Серджио, — Ксавьер поставил дипломат на хлипкий столик и опустился на предложенный хозяином диван. — Если тебе настолько не важны деньги, ты мог бы найти работу менее опасную, чем...

Он тут же пожалел о том, что сказал. Серджио одарил его таким взглядом, какого не позволял себе никогда. Злость, гнев, печаль, обида — все смешалось, и Ксавьер не удивился бы, если бы помощник его ударил.

— Господин Санторо, если бы я хотел, то нашел бы. Но мне никогда не расплатиться с вами за то, что вы для меня сделали. Все эти идиоты, что при первой возможности сбежали от вас, когда дела пошли совсем плохо... Я не такой.

— Я знаю, Серджио. Извини.

В наступившей тишине барабанной дробью стучал по карнизу дождь. Ксавьер следил за стрелкой больших настенных часов, явно купленных на распродаже, и вдруг понял, что за все годы, что Серджио работал на него, он так ничего и не узнал о своем верном псе.

Не стремился узнать, поправил он себя. Личная жизнь помощника никогда его не интересовала. Он требовал лишь подчинения и хорошей работы, а чем Серджио занимается в свободное время, мало волновало.

Но именно Серджио не отвернулся от него, когда Ксавьер потерял все. Он закрыл сигаретную фабрику, продал огромный, но такой неуютный и пустой дом, сдал в аренду здание офиса — и теперь у него не было ничего. Ни единого места, куда он мог бы пойти. Ни денег, ни связей — все уничтожено совместными стараниями родственников и Жаклин.

И Серджио прекрасно об этом знал. Когда Ксавьер собирал документы в дипломат, упаковывал ноутбук в футляр — все, что у него осталось — подручный подошел к нему и предложил свою квартиру в качестве временного жилья.

— Будете чай, господин Санторо? — крикнул Серджио из кухни. Для этого ему не пришлось даже напрягать голосовые связки.

— Не откажусь, спасибо, — отозвался Ксавьер.

Он убрал дипломат на пол и пододвинул к себе столик. Затем раскрыл ноутбук и застучал по клавишам. Да, его лишили всего, но это еще не конец. Он поднялся с самых

низов, возвысился над этим миром, затем снова рухнул вниз, но ему удалось подняться еще выше. Получится и в этот раз. Что в этом сложного?

Репортеры потеряли к нему интерес, как только он закрыл фабрику. Родители тоже мгновенно испарились, поняв, что ничего выжать не получится. Актер, нанятый ими, вернулся в свой театр с изрядно отяжелевшим кошельком. Грязные деньги за грязную работу.

Серджио принес красную кружку, над которой поднимался ароматный пар, и поставил рядом с ноутбуком. Затем вернулся на кухню, чтобы не мешать.

Минут через двадцать Ксавьер наконец оторвался от клавиатуры и откинулся на спинку дивана, которая протестующе скрипнула. Он потерял еще одного партнера, несмотря на многолетнее сотрудничество. Никто не желал иметь с дел с разорившимся бизнесменом, и не последнюю роль в этом сыграл неудавшийся контракт с Алькарасом. В этом не было бы ничего удивительного, если бы тот, с кем он сейчас разговаривал, сам когда-то не пострадал от этого магната.

Ксавьер достал из кармана черно-золотую пачку "Камальон" и повертел в руке. Последняя. Скоро придется довольствоваться тем, то продают в супермаркете внизу, но это нисколько не пугало. Скорее, наоборот — подстегивало. Надолго он здесь не задержится. Поднимется, как поднимался уже множество раз, снова станет тем, с кем будут считаться.

И самолично купит Серджио хорошую квартиру.

* * *

— Опять эти бобы, — Йохан уныло ковырялся в тарелке. — На этой неделе только бобы. Терпеть их не могу. Лишнюю партию завезли, что ли, или срок годности истекает? Еще и в томате, бе-е, какая гадость.

Амадео неопределенно пожал плечами и продолжил есть. Кормили тут на удивление неплохо, хоть и однообразно, однако иного ждать не приходилось — в конце концов, это тюрьма, а не ресторан.

— Тебе нужно есть, Йохан. Ты сжигаешь очень много энергии, тренируясь с боксерской грушей, — он отпил молока из пластикового стакана. — Так что не привередничай.

— Да знаю я, знаю, — протянул сокамерник, зачерпывая ложкой ненавистные бобы. — Кстати, я же обещал научить тебя боксировать. Почему бы не начать сегодня?

— Я не против, — кивнул Амадео, допивая молоко.

Столовая гудела от голосов — заключенные никогда не замолкали. Ночные часы, когда любые разговоры были запрещены, сильно действовали на нервы, и узники не теряли времени днем. Тем более, сегодня был день свиданий. Наскоро пережевывая пищу, люди на какое-то время забыли, что они — преступники, и делились своими надеждами, предположениями, что принесет им родня, гадали, сильно ли выросли дети. Обычные заботы обычных людей.

— Посмотрите, кто у нас здесь, — вдруг зазвучал на всю столовую голос, от которого Амадео недовольно поморщился — Буйвол, который в первые дни домогался его в душевой, стоял рядом и тыкал пальцем в плечо. — Знаете ли вы, кто это, а?

Но заключенные лишь склонились над тарелками, не желая отвечать на вопрос. Буйвол грохнул свой поднос на стол, за которым расположились Амадео и Йохан, и, оперевшись о

столешницу, продолжил:

— Это заключенный номер триста семьдесят восемь. Амадео, — он обвел взглядом всех присутствующих. — Солитарио. Подлый отцеубийца, который сидит в соседней камере, справа от меня.

Йохан во все глаза смотрел на Амадео, который лишь досадливо прикусил губу. Надзиратель Бенедикт положил ладонь на дубинку, но пока не вмешивался.

— Здесь все убийцы, Буйвол, — робко возразил рыжеволосый щуплый парень из-за стоящего у стены стола.

— А я тебе слово давал, Прыщ? — рявкнул тот. — Нет, так что заткнись! Да, мы все убивали, конечно. Однако только тех, кто это заслужил, — он наклонился к Амадео и оскалился. — Но он — он убил не потому, что папочка лупасил его, как последнюю скотину, нет.

— Прекрати, Буйвол, — Йохан начал подниматься из-за стола, однако на плечо легла массивная ладонь. Обернувшись, он увидел приятеля Буйвола — того самого Кудрявого. Так вот что они задумали. Раз не получилось завладеть Амадео, они решили подавить его. Унизить. Настроить против него заключенных, чтобы никто не пришел на помощь. И тогда они возьмут свое.

Йохан дернулся, однако Кудрявый держал крепко. Буйвол тем временем продолжал:

— И вовсе не потому, что он — нелюбимый сыночек. Вовсе нет. Папочка его обожал, наверняка. Все обожают принцев. А сделал наш монарх это потому, — он наклонился к Амадео, дохнув в лицо вонью того, что тут принимали за табак, — что хотел получить наследство. Так ведь? Ты пришел своего папашу из-за наследства, неблагодарный сыно..!

Договорить он не успел. Амадео схватил поднос, который Буйвол так любезно поставил рядом, и нанес удар в челюсть снизу вверх скругленным углом. Загремела пластиковая посуда, еда смачно шмякнулась на пол. На пятно томатного соуса закапала кровь — удар оказался настолько сильным, что рассадил кожу. Поднос опустился на макушку Буйвола и раскололся пополам — пластик не выдержал такого бесцеремонного обращения. Обломки разлетелись в стороны, шрапнелью ударяясь о ножки соседних столов и скамеек.

— Никогда. Не смей. Говорить о моем отце, — разъяренно прорычал Амадео.

Кудрявый даже не сделал попытки броситься на помощь напарнику — настолько поразила его реакция этого аристократа. Он ждал чего угодно: равнодушия, уныния, может быть, принцесска даже заплакала бы — но не такого. Буйвол сидел на полу посреди разбросанной еды, по лбу и шее текла кровь, заливаясь за ворот футболки. Глаза закатились, он ничего не соображал.

Йохан же застыл на месте точно так же, как державший его Кудрявый. Но смотрел вовсе не на поверженного Буйвола. Он таранился на Амадео. На того, кого он, как выяснилось, совсем не знал. В глазах полыхала чистая ярость, руки сжимались в кулаки так сильно, что в наступившей тишине слышался хруст костяшек. Губы были сжаты в тонкую упрямую линию, на скулах играли желваки.

— Что тут происходит?! — раздался громовой рык надзирателя, наконец решившего вмешаться. — Солитарио, какого хрена ты творишь?

Амадео молчал. Лицо снова стало спокойным, он отвернулся от Буйвола. И тут же ему заломили руки за спину, на запястьях защелкнулись стальные браслеты.

— Ты что о себе возомнил, а, Солитарио? — засвистел в ухо надзиратель Бенедикт. — Думаешь, можно устраивать драки в моем блоке?

— Но он не... — начал Йохан, однако Амадео предупреждающе глянул на него, и слова застряли в горле. Надзиратель этого даже не заметил.

— Карцер научит тебя, как правильно себя вести, не сомневайся.

Впервые на лице Амадео мелькнул страх.

— Карцер?

— А ты думал. У нас тут есть апартаменты для особо буйных. Для таких аристократов, как ты, подойдут в самый раз, — надзиратель тычками погнал Амадео к выходу из столовой. — Отдохнешь с недельку, глядишь, мозги на место встанут. Кортес, — он указал подоспевшему напарнику на сидящего в остатках завтрака Буйвола, — отведите этого в лазарет.

Йохан последний раз попытался исправить положение:

— Господин надзиратель, это начал вовсе не он!

— Еще одно слово, Торн, и отправишься следом, — отрезал тот. Дверь столовой захлопнулась. Заключенные принялись за свой завтрак, будто ничего не случилось.

* * *

Карцер оказался даже хуже, чем он мог себе представить в самых кошмарных снах.

Узкая комнатка, в которой с трудом можно было улечься, подтянув колени к груди. Ни единого проблеска света, кроме как из окошечка надзирателя, которое открывалось раз в сутки, когда приносили еду.

Теснота.

Удушающая теснота, усугубляемая постоянной темнотой. Низкий потолок. Стены, которые, казалось, сдвигаются все сильнее. Паника.

Первые полчаса Амадео еще старался держаться. Вспоминал все известные приемы, чтобы справиться с панической атакой. Пытался дышать глубоко и ровно, следя за тем, чтобы горло не перехватило мучительными спазмами. Однако ничего не мог поделать с ужасом, медленно, но верно заползающим внутрь, заставляющим желудок сжиматься, сердце — колотиться все быстрее, кожу — покрываться липким холодным потом.

Это лишь комната, говорил он себе. Отсюда есть выход, дверь. Она прямо перед ним. Однако предательские мысли тут же возникали в голове. Дверь заперта. Ключа у него нет. Отсюда не выйти, пока ее не откроют, а будет это не раньше, чем через неделю. Об этом говорили надзиратели, пока тащили его сюда. Неделя. Неделя в этой клетке. Без света. Без воздуха.

Клетке? У клетки хотя бы есть прутья. Здесь же — лишь бетонные стены. И они слишком близко. В любом положении он касался противоположных стен.

И наконец Амадео сдался. Закричал, если бы мог, но горло стиснуло так, что он с трудом мог вдохнуть. Его затрясло, как в лихорадке. Паника накатывала волнами, и каждая последующая становилась все больше. Он боялся не вынырнуть. Боялся утонуть в этой липкой, горячей, тошнотворно-сладкой панике. И вместе с тем это казалось благословением — в конце концов, он выберется из этой темной комнаты, пусть даже и мертвым.

Неделя.

Ксавьер оторвался от ноутбука и, шумно выдохнув, закинул руки за голову. Кажется, удалось договориться с португальским дилером, но нужно быть осторожным — Наркоконтроль не дремлет и только и ждет удобного момента, чтобы схватить его за руку. Через пару недель истекает срок блокировки счета, и он наконец рассчитается с Валентайном Алькарасом. А потом с чистой совестью можно будет начать все сначала.

Ксавьер не сомневался, что перевод крупной суммы на счет, который и навел на него Наркоконтроль, организовал Беррингтон. Объединившись с Жаклин, бывший министр всеми силами старался уничтожить бизнес Ксавьера. Что ж, можно его поздравить — это вполне удалось. Однако Беррингтон не учел, что капитана следует утопить вместе с кораблем. А Ксавьер собирался воспользоваться всеми спасательными шлюпками, что имелись в наличии.

— Ужин будет готов через пять минут! — крикнул Серджио.

— Хорошо, — отозвался Ксавьер, поднимаясь и с наслаждением потягиваясь — от долгого сидения крючком все тело затекло.

Он распахнул окно и закурил. Ворвавшиеся в комнату звуки улицы вдруг пререзала резкая трель дверного звонка.

— Я открою! — Серджио выскочил из кухни, вытирая руки полотенцем, и молниеносно нацепил на пояс кобуру — охранник никогда не терял бдительности. Ксавьер мысленно похвалил его. Только сейчас он начал понимать, что за великолепный профессионал ему достался. Раньше он воспринимал мгновенную боеготовность как само собой разумеющееся.

— Могу я поговорить с Ксавьером Санторо? — раздался из прихожей мелодичный женский голос.

Сигарета выпала из пальцев, и Ксавьер, чертыхнувшись, поднял ее, пока не прожгла ковер.

— Впусти, Серджио, — сказал он, отправляя окурок в пепельницу.

В комнату зашла женщина. Медного цвета волосы переливались в ярком свете единственной лампочки, глаза изумрудами сверкали на красивом, несмотря на возраст, лице. Она небрежно сбросила плащ в руки вездесущему охраннику.

— Подержи это, Джейкоб. Только не клади никуда — боюсь, испачкается.

— Добрый вечер, Жаклин, — самообладанию Ксавьера мог бы позавидовать кто угодно. — Думаю, что ветер, который тебя занес, был далеко не попутным.

— Ты еще умудряешься дерзить? — Жаклин оглядела комнату и сморщила нос. — В каких условиях ты живешь, подумать только. Хотя, не сомневаюсь, Солитарио сейчас куда хуже.

— Лукасу вполне вольготно в кресле отца. При чем тут он?

— О, ты, видимо, не понял. Я говорила о младшем Солитарио, который сейчас ворочается на неудобных нарах. Как не повезло малышу. А у него были такие перспективы...

— Он никогда не относился к семейству Солитарио, — спокойно ответил Ксавьер. — Значит, там ему и место. Ты пришла сюда говорить о нем? Прости, эта тема мне неинтересна.

— Все нет, я хотела поговорить о тебе. Ты даже в этой берлоге выглядишь королем, — Жаклин вытянула из серебряного портсигара тонкую сигарету. — Но теперь

твой удел — повелевать скопищем крыс, которые снуют туда-сюда в подвале этой развалюхи. Не слишком подходящая жизнь для такого, как ты, не находишь? — она прикурила от зажигалки, которую заботливо поднес телохранитель, и выпустила струю дыма в направлении Ксавьера.

— Не твое дело, чем я сейчас занимаюсь, Жаклин, — резко ответил он, едва сдерживая злость. — Зачем ты пришла?

— Честно говоря... — она обхватила губами сигарету и сделала глубокую затяжку. Клуб дыма снова окутал Ксавьера. — Честно говоря, хотела посмотреть на твое унижение. Однако меня не устраивает то, что я вижу. Тебя всегда отличала излишняя аристократичность. Одень тебя в мешок из-под картошки — ты превратишь его в мантию.

— Меня необычайно трогают твои комплименты, но переходи к делу. Если его нет — дверь открыта.

— Выгоняешь свою благодетельницу? Как грубо, — Жаклин уселась на диван, закинув ногу на ногу. — Вспомни, кто вытащил тебя из грязи, кто сделал тем, кем ты являешься!

— И кто снова втоптал меня в эту грязь, отправив на верную смерть к Изабелле. О, я всего лишь расходный материал для спятившей бабы с нестерпимой чесоткой, — ядовито отозвался Ксавьер. — Так чем обязан?

— Хочу сделать деловое предложение, — Жаклин сверкнула изумрудными глазами. — Работай на меня. Стань моим пажом. Я вытащу тебя со дна и сделаю важной персоной. Ты ведь хочешь этого?

В наступившей тишине громом прозвучал смех. Ксавьер запрокинул голову назад и хохотал, пока на глазах не выступили слезы. Смеялся так сильно, что заболел живот, однако не мог остановиться.

Жаклин сдвинула тонкие брови к переносице. Левой рукой затушила сигарету о край стола и поднялась.

— Не вижу тут ничего смешного, Ксавьер. Прекрати немедленно!

— Прекратить? — выдавил тот, вытирая глаза. — Прекратить? Ты первая начала, Жаклин. Сделать меня своим пажом! Да, такой шутки я давно не слышал.

— Я вовсе не шути...

— Убирайся, — Ксавьер в мгновение ока преобразился, на лице застыло обычное равнодушное выражение, стальные глаза впелись в Жаклин. — Убирайся и больше не смей приходить сюда. Я никогда не приму твое предложение, хватит с меня унижений.

Жаклин покраснела от гнева, губы, накрашенные алой помадой, затряслись. Она подняла руку, намереваясь расцарапать нагледцу лицо длинными, темно-красными ногтями, но Серджио, шагнув вперед, покачал головой.

— Вижу, одного слугу ты не потерял, — наконец выговорила она дрожащим от едва сдерживаемой злости голосом. — И почему он так за тебя держится? Что ты ему пообещал, у тебя же ни черта нет!

— Покиньте дом, госпожа, — бесстрастным голосом произнес Серджио, демонстрируя пистолет на поясе.

Это возымело действие. Джейкоб наклонился к Жаклин, поглядывая на Серджио. Правая рука застыла у кобуры, но не касалась ее.

— Думаю, лучше сделать, как он просит, мисс Жаклин. Мы можем прийти в другой раз.

— Ты что, испугался этого здоровяка, Джейкоб? — раздраженно обернулась та. — Я тебе плачу за то, чтобы ты разбирался с такими, как он, не так ли?

— Считаю, это неблагоприятно, мисс Жаклин, — продолжал он тем же тихим, размеренным голосом. — Санторо работал на вас, вам ли не знать, что угрозами его не проймешь? Вы сделаете только хуже. Прошу, пойдете.

— А твой охранник умнее тебя, — не замедлил съехидничать Ксавьер. — Уходи. Иначе начнется смертоубийство, а этого не нужно ни тебе, ни мне.

Жаклин какое-то время стояла, сжимая в руке так и не выброшенный окурок, затем развернулась на каблуках и вышла за дверь. Джейкоб коротко кивнул Ксавьеру и последовал за ней.

* * *

Амадео не сразу понял, где находится. Потолок был грязно-серым, в трещинах, но откуда-то лился дневной свет. Ничего общего с темнотой карцера, которая окутывала со всех сторон целую вечность, заползала в голову, вытесняя все мысли и пресекая слабые попытки сопротивляться.

— Очнулся наконец? — прогрохотал кто-то над ухом, и Амадео вздрогнул.

Рядом с койкой, на которую его уложили, возвышался надзиратель Роджерс, поигрывая дубинкой. У соседней суетился врач, перевязывая руку какому-то заключенному.

— Ну конечно, очухался, — удовлетворенно прогрохотал надзиратель. — А я думал, копыта откинешь, Солитарио. Как ты со своей клаустрофобией вообще тут оказался?

Амадео попытался заговорить и не смог — в горле настолько пересохло, что любая попытка причиняла боль. Надзиратель отвернулся и налил воды в пластиковый стакан.

— Никак не пойму, ты самоубийца, или кто, Солитарио? — он держал стакан на вытянутой руке, дожидаясь, пока Амадео сядет. — На кой черт стремишься себя уничтожить? Знаешь, что от паники ты запросто мог бы задохнуться там, в карцере?

Амадео промочил горло и, благодарно кивнув, вернул стакан надзирателю.

— Знаю. Но почему ко мне должны относиться как-то по-особенному? Я напал на другого заключенного и вполне заслужил наказание...

— Солитарио! — рявкнул Роджерс так, что стекла в окнах задребезжали. Стаканчик, беспомощно хрустнув, смялся в здоровенных кулачищах. — Ты конченный идиот или только прикидываешься?! Еще не хватало самоубийц в моем блоке! Хочешь свести счеты с жизнью, так придуши себя наволочкой! Больной на голову ублюдок, хренов мазохист!

— Почему вы кричите, господин надзиратель? — спросил Амадео.

Его спокойный тон еще больше вывел Роджерса из себя. Он швырнул несчастный стакан в мусорное ведро и нацелил толстый, как сосиска, палец в нос Амадео.

— Прекрати относиться к себе так, будто твоя жизнь ничего не стоит. Приравливаешь себя к монстрам, сидящим в соседних камерах? Хочешь стать таким же? Или пытаешься от этого сбежать? Многие парни, попавшие сюда, ломаются за пару месяцев, потому что не знают, как себя вести и как приспособиться к новым условиям. Мне ты показался далеко не слабаком, поэтому не разочаровывай меня. Еще одна попытка самоубийства — и я отправлю тебя в психиатричку.

Надзиратель развернулся на каблуках и, топая, как слон, вышел за дверь. Амадео откинулся на подушку и уставился в потолок. Он не мог объяснить, чем вызвал вспышку гнева, однако чувствовал: далеко не ко всем заключенным надзиратель Роджерс питает

такую привязанность.

— Доктор, — позвал он.

Тот отвлекся от заключенного с раненой рукой.

— Чего тебе, Солитарио?

— Сколько я пробыл в карцере?

— Чуть меньше пяти дней. Срок не до конца отмотал, потом Роджерс тебя сюда приволок. Он брал отпуск по семейным обстоятельствам, а когда явился, устроил всем такой разнос...

— По какому поводу?

— Ты что, не знаешь, что запрещено держать страдающих тяжелой клаустрофобией заключенных в карцере? Тебе придумали бы другое наказание, если бы ты соизволил сказать хоть слово о своей болезни.

Амадео вспомнил покрасневшее от ярости лицо Роджерса, хруст стаканчика в его лапище. Нет, он злился не на подчиненных, неверно выполнивших приказ. И даже не на Амадео. Он тщательно скрывал под злостью что-то еще.

— Доктор, — снова позвал Амадео.

— Да чего тебе, Солитарио? — взвился тот. — Не видишь, я занят!

— Прошу прощения, последний вопрос. По каким семейным обстоятельствам отсутствовал надзиратель Роджерс?

— Да сын у него помер, — ответил вместо врача раненый заключенный. — Сидел в тюрьме в другом округе. Нашли в камере, говорят, отломал где-то металлическую скобу, заточил да вены себе резанул. Хилый был парнишка, видать, поиздевались там над ним сильно, вот и не выдержал... ай!! Доктор, вы врач или живодер?!

— А ты не мели языком чего не следует, Билли. Солитарио, если очухался, марш в свою камеру. И чтобы я тебя больше не видел. А то ишь, зачистил...

Амадео шел по тюремному коридору, иногда останавливаясь, чтобы побороть головокружение. Пять дней в карцере не прошли бесследно — его все еще шатало, к горлу подкатывал ком, стоило вспомнить тесные застенки и темноту. Однако даже в таком состоянии он замечал, как смотрят на него другие заключенные. В их глазах светилось искреннее уважение — похоже, до него никто не осмеливался дать отпор банде Буйвола, да еще навалить самому главарю. Что стало с Буйволом, сильно ли Амадео его отделал, оставалось загадкой — в лазарете он бандита не видел.

Йохан сидел на полу, скрестив ноги, и пытался раскладывать пасьянс из потрепанных карт. Такими в покер не поиграешь — сплошные метки, машинально отметил про себя Амадео, входя в камеру.

При его появлении Йохан вскочил так стремительно, что напрочь испортил уже выложенный пасьянс.

— Амадео! Ты как? Сильно туго было? Чего такой бледный, как смерть? Мне сказали, что ты в лазарете, но почему...

— Я в порядке, Йохан, не трещи, — Амадео улегся на кровать и закрыл глаза ладонью.

— Буйвола переправили в другой блок, знаешь? Ты ему здорово взрезал! Все прямо глаза вытаращили! В лазарете пробыл три дня, потом его увезли, посчитали, что вам лучше рядом не находиться после того, что он сказал, во избежание дальнейших конфликтов. Это официальная причина перевода, хотя я думаю, что он всех тут просто задрал своими выходками. Амадео, — Йохан плюхнулся рядом с ним на кровать. — Он тебя в таком

обвинил... Тихий ужас. Но почему ты даже не попытался...

— Оправдываться перед этим сбродом? — Амадео был совершенно спокоен, хотя с лица все еще не ушла мертвенная бледность. — Какой в этом смысл?

— Но теперь все считают тебя самым настоящим убийцей, который не пожалел даже собственного отца, и...

— И раньше считали. Не вижу смысла разубеждать их в этом, — Амадео лег на кровать и отвернулся к стене.

— Амадео, — Йохан склонился над ним. — Ты просидел в карцере пять дней, но выглядишь так, будто прошел месяц. Что с тобой?

— Ничего. Со мной все в порядке.

— Правда? — с сомнением протянул сосед. Затем стащил со своей кровати одеяло и накрыл Амадео с головой.

Тот забарахтался, судорожно стаскивая его с себя.

— Прекрати! — крикнул он, и Йохан испуганно отскочил — в приглушенном голосе явственно слышалась паника.

Амадео разом сдернул с себя одеяло и отбросил прочь. Оно ударилось о решетку и упало на пол, угол высунулся в коридор, как дразнящий язык.

— Извини, — пролепетал Йохан. — Я не знал, что все так... серьезно...

Амадео трясло, как в лихорадке. Он закрыл лицо руками и помотал головой, отказываясь от извинений.

— Дать тебе воды? — Йохан мигом оказался у раковины и наполнил пластиковую кружку. — Держи, полегчает.

Амадео не глядя протянул руку. Сделал пару глотков, затем вернул кружку Йохану, не сказав ни слова.

— Слушай, извини! — Йохан в отчаянии заломил руки. — Я не знал, что у тебя клаустрофобия, правда! Хотел подшутить, и...

— Глупо вышло, — бесцветным голосом сказал Амадео.

— Да, глупо, я полный идиот, признаю...

— Я не о тебе, — Амадео опустил голову на скрещенные руки. — О себе. Знал, что попаду в карцер за драку, но все же не смог сдержаться.

— Он назвал тебя убийцей. Вполне достаточная причина.

— Здесь все убийцы. Меня это ничуть не оправдывает.

— Я тебе не верю, — решительно заявил Йохан, скрестив руки на груди. — Не верю, что ты мог убить собственного отца.

— Твое право, но я это сделал.

— Ты лжешь. Почему? Что может быть страшнее, чем взять на душу такой грех?

— Страшнее отказаться от него! — вдруг рявкнул Амадео. — Убить и сделать вид, что ты ни при чем, вот что на самом деле страшно!

Йохан ошеломленно отступил назад. Амадео замолк и снова улегся на кровать, уткнувшись носом в стену.

— А... Амадео, ты... — Йохан внезапно все понял. Неужели этот человек — такой же, как он? Взавший на себя преступление, которого не совершал? Но почему? Почему он здесь?

Сосед не шевелился.

— Амадео, — повторил Йохан чуть громче. Затем поднял одеяло и, сложив, положил на край койки. — Ты ведь не убивал своего отца, так?

— Почему тебя это так интересует?

— А? — Йохан удивленно заморгал, не ожидая ответа. — Ну... Мы с тобой соседи по камере, вместе нам тут куковать еще долго, надо научиться доверять друг другу.

— Пустые слова.

— Что?

— Доверие. Абсолютно ничего не значащее слово. Придумай причину получше.

— Ладно! — Йохан оседлал стул напротив кровати. — Тогда считай это простым любопытством. Подробности я не требую. Просто скажи: убивал или нет?

Амадео тихо зарычал. До чего же настырный парень! Что ему до чужого преступления?

Он оглянулся через плечо. Йохан не сводил с него испытующего взгляда, скрестив руки на спинке стула и упрямо выдвинув вперед челюсть. Амадео попытался было улыбнуться, но вышла лишь легкая гримаса.

— Ты ведь не отстанешь, да?

Сосед по камере помотал головой.

— Хорошо, — Амадео сел, спустив ноги на пол. — Я не убивал. По крайней мере, не напрямую. Не своими руками.

— То есть?

— Спровоцировал одного человека на преступление.

Йохан громко фыркнул.

— За простую провокацию ты бы сюда не сел, так что не гони.

Амадео чуть сощурился.

— Пытаешься развести меня на откровенность, разозлив? Грязный прием.

— Я? Вовсе нет. Просто у тебя вид, как у пришибленной собаки, уж извини.

Амадео хмуро уставился в сторону. Как бы ни старался он изображать из себя неприступную крепость, все равно найдутся те, кому он будет небезразличен. Кто-то, подобно тем парням из душевой, будет домогаться, кто-то — ненавидеть, а кто-то, как Йохан — приставать с докучливыми вопросами. И если с первыми двумя категориями можно было справиться, то так просто отмахнуться от соседа по камере, с которым придется провести четыре года, попросту нельзя.

— Хорошо, — он прикрыл глаза. — Если тебе так важно знать, то из-за меня мой брат, Лукас, пошел на убийство Кристофа Солитаро.

* * *

Вверх. Вниз. Снова вверх. Снова вниз. Сегодня дул северный ветер, и руки буквально пристывали к железной балке, на которой Йохан подтягивался, но он едва замечал обжигающий холод.

После того, как Амадео сделал признание, мучившее его столь долгое время, слова сами полились нескончаемым потоком. Йохан едва успевал слушать, раскрыв рот, не всегда вникая в происходящее, однако общую суть уловил. Например, то, что брат Амадео оказался низкой и подлой сволочью, а лучший друг — предателем.

Лучший друг! Йохан стиснул зубы и снова подтянулся, не обращая внимания на то, что плечи уже ощутимо ныли. Тот самый Ксавьер Санторо, который нанял его! Если бы Йохан знал всю историю от начала до конца, он бы никогда...

Он спрыгнул с турника и оперся ладонями о колени. Дыхание вырывалось изо рта клубами пара. Он бы никогда — что? Никогда не сел в тюрьму? Предпочел бы жить прежней жизнью подпольного бойца? А смог бы он это сделать, если бы знал все, что открылось сейчас? Смог бы оставить Амадео, ни в чем не виноватого и оказавшегося здесь из-за роковой случайности, на растерзание этим зверям?

— Да что за хрень лезет тебе в голову? — фыркнул он.

Даже если бы Ксавьер Санторо снова сделал то предложение, Йохан согласился бы без промедления. За то время, что они с Амадео провели вместе, Йохан понял, что лучшего друга не смог бы найти за всю жизнь. И от этого стыд за вранье жег сильнее.

Как же хотелось рассказать о том, кто он на самом деле! Но Йохан сдерживал себя, зная, что после этого Амадео навсегда исчезнет, не выдержав очередного предательства. Попросит перевода в другой блок, лишь бы не оставаться в одной камере с человеком, работающим на его врага.

Поэтому Йохан промолчал, решив, что будет поддерживать и защищать Амадео, что бы ни случилось, и тем искупит свою вину. Больше он не мог ничем помочь. Амадео закончил длинный рассказ, а Йохан не говорил ни слова — настолько поразила его эта печальная история. Все проблемы моментально отошли на второй план, он не видел перед собой ничего и никого, кроме невероятно одинокого парня, от которого в одно мгновение отвернулся весь мир.

— Иногда я сомневаюсь, в своем ли я уме, мог ли сделать это, а затем просто забыть, но... — Амадео вздохнул. — Потом вспоминаю, что он не съел ни кусочка, когда я поставил перед ним тарелку, которую всучила мне Роза. Мы с ним говорили, а потом он... он...

— Не думаю, что ты сошел с ума, Амадео, — наконец смог выдать Йохан. Слова давались с трудом, глаза щипало от подступающих слез, и он мог лишь надеяться, что Амадео ничего не заметит. — Просто твой брат все тщательно рассчитал. Одного не пойму — почему на суде ты не попытался хоть как-то себя защитить?

— Откуда ты знаешь?

— Иначе тебя бы тут не было, логично? — Йохан был настолько потрясен рассказом друга, что снова потерял осторожность. — Ты сказал, что тебе дали срок без права досрочного освобождения. Значит, ты не раскаялся, но также не заработал никаких отягчающих обстоятельств. То есть, просто молчал. Почему? Неужели и правда считаешь себя виноватым?

Амадео не нашелся, что ответить, и Йохан поразился тому глубокому чувству вины, которое носил в себе этот парень. Как он до сих пор жив?

— Торн! — рявкнул надзиратель, вырывая Йохана из страны невеселых размышлений. — Время обеда, пшел обратно в блок, хватит изображать из себя Терминатора!

— Слушаюсь, — отозвался Йохан, только сейчас заметив, что вымок до нитки под противным весенним дождем.

* * *

Дожди не прекращались всю весну и начало лета. Изредка сквозь серое монотонное покрывало пробивались редкие лучи солнца, но никакой радости не приносили — мрачный

город лишь сильнее обнажал свои пороки и, сверкнув злобной ухмылкой, снова уходил во мрак.

Сегодня тоже лил дождь. С утра окружающие здания прятались за водной пеленой, проглядывая вымытыми стеклами, когда ливень ненадолго утихал. На улице никого не было — мало оказалось охотников подхватить летнюю простуду.

Из двухэтажного, неприметного на фоне окружающих высоток здания вышел мужчина. Правую руку он засунул под плащ, будто у него болел бок, однако на лице не проступало и отголоска боли. Он внимательно огляделся и, раскрыв зонт, взял его в левую руку. Правая же снова скользнула под плащ.

— Выходите, господин Санторо, — сказал Серджио.

Ксавьер ступил на мокрую улицу, чудом избежав глубокой лужи. На лице застыло хмурое выражение, соответствовавшее мрачной погоде.

— Еще одна неудача, — проговорил он. В голосе, впрочем, не прозвучало ни нотки разочарования, будто он этого ждал. — Даже паршивые наркоторговцы породы Десмонда отказываются иметь со мной дело. Видимо, Беррингтон надавил на всех. Кто у нас дальше по плану, Серджио?

— Уверены, что хотите продолжать? Погода сегодня не ахти какая, и слезь с насморком — не самый перспективный вариант.

— Много болтаешь, — Ксавьер устало провел рукой по лбу. Его тоже изрядно утомили эти бесконечные, не приносящие никаких результатов разъезды.

— В детстве моя матушка говорила: перед смертью у людей развязывается язык, — ухмыльнулся верный охранник. — Судя по вашей немногословности, вы еще не скоро собира...

— Не вижу смысла тратить слова попусту, Серджио, — Ксавьер поднял лицо к открывшемуся вдруг небу. — Ты решил меня вымочить до нитки за плохое поведение?

Зонт упал на асфальт и застыл там. Дождь забарабанил по туго натянутой ткани, собираясь в центре импровизированной чаши. Холодные капли оставили темные точки на костюме Ксавьера. Серджио пошатнулся и тяжело рухнул прямо в руки босса.

— Серджио! Что...

Ответа не требовалось. Посреди лба охранника образовалась аккуратная дырочка. Кровь из нее тонкой струйкой бежала по лицу, смешиваясь с дождем. Мертвые глаза изумленно таранились в затянутое серой ватой небо.

Ксавьер сжимал тело Серджио, чувствуя под пальцами бесполезный бронежилет. Вскинул голову, пытаясь определить, откуда стреляли, но за стеной воды едва смог разглядеть соседнее здание.

— Я тебя достану, — едва слышно пробормотал он. Пальцы сжали плащ мертвого товарища так, что ткань затрещала. — Достану.

Затем он осторожно опустил Серджио на асфальт, закрыл ему глаза и, поднявшись, быстро зашагал прочь, подняв воротник пиджака.

И ни разу не обернулся.

* * *

— Амадео, — Йохан свесился со второго яруса кровати. Никакой реакции не

последовало, поэтому он позвал снова. — Амадео!

Тот поднял голову от книги, которую читал.

— Да, Йохан?

— Ты иногда пугаешь, — улыбнулся парень. — Как нырнешь в книжку, тебя не дозовешься. Так любишь читать?

Амадео кивнул.

— Очень. Жаль, что здесь небольшая библиотека.

— А я никогда не любил, — Йохан спрыгнул на пол и сел на единственный стул. — Ну не то чтобы не любил... Вообще-то у меня ни книг, ни времени не было, так что...

— Почему? — Амадео положил закладку между страницами. — Где ты вырос?

— Неподалеку отсюда, в захолустье. С утра до ночи борьба за выживание. Идиотский маленький городишко, где всем на тебя плевать.

— Я думал, в маленьких городах люди наоборот держатся друг за друга. — Амадео приподнял подушку и оперся на нее спиной.

Йохан рассмеялся.

— Шутишь? Это в Кильено-то? Да местные жители сами готовы поубивать друг друга. И дело не в том, что им голодно или холодно. Просто характер такой, надо вечно лезть в какую-нибудь задницу.

Амадео кивнул, вспомнив Старый квартал. Видимо, жизнь в Кильено не слишком отличалась от района, где родился он. Постоянные опасности, постоянный поиск пропитания, постоянно надо держать ухо востро, чтобы не попасть впросак. Только оттуда Амадео забрал Кристоф. У Йохана же не было возможности вырваться так просто.

— Мать растила нас сестрой одна, поэтому я рано пошел работать. Даже в школе толком не учился, часто пропускал занятия, и меня выгнали.

— Печально, — Амадео покачал головой, вспомнив себя. Если бы не Кристоф, ег ждала бы такая же судьба. Амадео не удержался от усмешки. И он, и Йохан сейчас сидели в одной камере. Какая ирония.

— Ну а потом сестра заболела, — голос Йохана, обычно жизнерадостный, стал тише и глуше. — Мать умерла еще раньше, поэтому за Амелией пришлось ухаживать мне. Я крутился, как мог, чтобы достать деньги, даже пошел на ринг. Все, что я умел — это драться.

Амадео слушал внимательно. Ситуация так сильно напомнила о смерти Тереситы, что к горлу подступил ком. Йохан старался всеми силами спасти жизнь сестры, но, похоже, у него ничего не вышло, что и подтвердилось следующими словами.

— Но все было бесполезно. Денег не хватало. Я не мог целыми днями пропадать на ринге — за Амелией некому было ухаживать, а сама она уже не могла даже сидеть, не то, что ходить. Вскоре она умерла, и я остался один. — Йохан улыбнулся, но в этой улыбке не было ничего, кроме грусти. — Я уехал оттуда и перебрался в этот город. Только-только начал делать карьеру подпольного бойца и загремел сюда. Вот и вся моя история, Амадео.

Тот молчал, опустив голову. Судьбы складываются по-разному, но в итоге все приходит к одному — либо к смерти, либо к тюрьме. Как ни крутишься на раскаленной сковородке, как красиво ни танцуешь, тебя все равно подадут на обед.

— Я рассказал о себе, теперь хочу ответной любезности. — Йохан развернул стул и оседлал, опершись скрещенными руками на спинку. В голос вернулась обычная веселость, следов грусти по сестре как не бывало. — Что произошло с тобой? Ты все время мрачный, никогда не улыбнешься. Прямо как герой какого-нибудь страшного романа.

— Ты же сказал, что не любишь читать, — подловил Амадео.

— Ну кино-то я смотрел, — невозмутимо ответил тот. — Тот же "Дракула" ведь снят по роману, так? — он кивнул на обложку.

— Верно, — Амадео снова улегся и взял книгу, но не успел раскрыть, как Йохан задал следующий вопрос:

— А какая твоя самая любимая?

Закладка выпала и спланировала на грудь Амадео. Он в задумчивости прикрыл глаза, хотя ответ моментально возник в голове.

— У меня их две, Йохан. Не могу выбрать, какая из них мне дороже.

— Ну скажи, вдруг я тоже захочу прочесть, — он рассмеялся. — Всякое бывает, тут невероятно скучно сидеть.

— Их нет в этой библиотеке, так что вряд ли.

— Если попросить, достанут все, что угодно. Так что?

— Ладно, — сдался Амадео. — Я скажу, если пообещаешь, что прочтешь их. Когда-нибудь.

— Да запросто, только ты не будешь возражать, если попрошу тебя объяснить те места, что не пойму?

Амадео удивленно захлопал глазами. Йохан был очень странным парнем, однако располагал к себе. Глубоко в сердце шевельнулось давно забытое чувство, но Амадео мигом затушил его. Нельзя. Нельзя никому доверять. Он больше не совершит этой ошибки. Никогда.

Но Йохан ждал ответа, приготовив воображаемый блокнот и карандаш, и Амадео, вздохнув, сказал:

— Во-первых, "Портрет Дориана Грея". Автор — Оскар Уайльд.

— Хорошо, — Йохан зачиркал воображаемым карандашом. — Книга про портрет...

— Вторая — "Тим Талер, или Проданный смех". Не смотри на то, что эта книга для детей — даже взрослому есть, чему поучиться у героев.

Йохан сделал вид, что тщательно записывает.

— Проданный смех... Интересное название. Кстати, — он вскинул голову. — Ты никогда не смеешься. Даже в тот раз, когда Патрику прилетела тарелка каши прямо в башку, даже не улыбнулся. Ты что, тоже продал свой смех?

Амадео вздрогнул. Он никогда не думал об этом, но Йохан попал прямо в точку.

— Может, и так, Йохан, — наконец ответил он. — Может, и так.

— И дорого?

Йохан смотрел на него серьезней некуда, и Амадео снова едва не улыбнулся. Однако губы лишь искривились в некоем подобии усмешки.

— Продешевил.

* * *

Ксавьер курил, сидя на диване в квартире Серджио. Он вернулся сюда, оставив тело верного друга мокнуть под дождем. Не оставалось выбора, кроме как бросить его, поэтому Ксавьер просто сделал анонимный звонок в полицию из ближайшего автомата. Они позаботятся о Серджио.

Подручный купил эту квартиру на вымышленное имя, поэтому можно не бояться, что копы выйдут на нее. Оставался небольшой шанс, что кто-то опознает труп, либо Жаклин намеренно укажет нужное направление поисков. В таком случае Ксавьеру придет конец — денег, чтобы заткнуть полицию рты, у него не было.

Но больше некуда идти.

Он не сомневался, что убийство организовала Жаклин. При желании она могла приказать устранить и его, однако оставила в живых. Змея, обожающая наблюдать бесчувственными окаменевшими глазами за последними трепыханиями жертвы.

Однако Ксавьер не собирался сдаваться на ее милость. Более того, намеревался уничтожить ее и ее империю до основания.

— Ты еще не знаешь, с кем связалась, — он кинул сигарету в пепельницу. — Ты совсем меня не знаешь, Жаклин.

От резкого звонка он едва не вздрогнул. Поднялся, уже зная, кто решил нанести визит. Проверил пистолет под мышкой. И только потом открыл дверь.

Рыжие волосы пламенели в свете единственной тусклой лампочки. Алые губы язвительно усмехались.

— Кажется, привратник сменился, Джейкоб, — раздался мелодичный голос. — Ты позволишь мне войти, Ксавьер?

— Можем поговорить и здесь. Сесть я тебе не предложу.

— Ты стал еще грубее. Разве таким я тебя воспитывала?

— Пришла, чтобы злить меня?

— Нет. Надеюсь, что ты примешь мое предложение.

— Забудь об этом, — Ксавьер попытался закрыть дверь, но Джейкоб подставил ногу.

— Тебе нужно выслушать, Ксавьер, — сказал он. — Так будет лучше для всех. Больше никто не пострадает, если ты примешь его.

— Больше никто? — Ксавьер усмехнулся уголком рта. — А кто еще остался? Ты лишила меня всех, Жаклин. Есть только я. Я один. И я отклоняю твоё предложение.

Прекрасное лицо Жаклин застыло, обратившись в маску.

— Ты еще пожалеешь.

— Пожалей лучше себя. Годы и злость тебя не красят. Сколько тебе стукнуло? Пятьдесят?

Джейкоб едва заметно улыбнулся и тут же перегородил Жаклин дорогу.

— Прошу, не надо, мисс Жаклин. Он специально провоцирует вас.

— Беррингтон был прав, — прошипела она. — Ты просто несносный мальчишка, не знающий свое место. Кусачая собака, которую надо усыпить.

Ксавьер развел руки в стороны, впервые отведя ладонь от пистолета.

— Так чего же ты ждешь? У тебя есть все, чтобы сделать это. Шприц, смертельный яд. Нажми на поршень, и избавишься от меня раз и навсегда.

Жаклин потрясенно смотрела на него. Скольких таких непокорных мальчишек она усмирила за всю жизнь? И лишь один умудрился не просто выжить. Низверг ее в пучины ада, а сам выбился в боги. Он и сейчас не боялся ее, об этом говорил насмешливый блеск стальных глаз, плотно сжатые губы. Твердая решимость противостоять ей во что бы то ни стало.

— Пойдем, Джейкоб, — наконец выдавила она — в горле встал невесть откуда взявшийся ком. — Он все равно уже не жилец. Несколько дней — и он подохнет, как собака,

в ближайшей подворотне.

Она спустилась по ступенькам, стуча каблуками. Джейкоб последовал за ней, напоследок бросив на Ксавьера сочувственный взгляд. Когда шаги стихли внизу, Ксавьер запер дверь и прислонился к ней спиной. Только сейчас он заметил, что до хруста в костяшках сжимает рукоять пистолета. Насколько же близок он был к тому, чтобы достать пушку и выпустить всю обойму в спину этой змеи!

— Подохну, как собака в подворотне? — хрипло выговорил он, с трудом расслабив пальцы. — Прежде похороню там тебя.

На столике в гостиной неожиданно громко запиликал мобильный телефон. Взглянув на экран, Ксавьер злорадно усмехнулся. Затем нажал на кнопку и поднес телефон к уху.

— Здравствуй, Ребекка.

* * *

— Что это? — Йохан удивленно глядел на стопку книг, которую Амадео поставил на прикрепленный к стене стол. Обложки казались неуместно яркими в этом сером, как мышьяная шкура, помещении.

— Книги, не видишь разве? — съехидничал тот.

— Я, конечно, знал, что ты много читаешь, но столько сразу... — протянул Йохан, обнимая подушку. — Как у тебя мозг в череп вмещается?

— Это не для меня. Для тебя.

Йохан раскрыл рот и свесился со второго яруса, едва не загремев вниз. Подушка шлепнулась на пол. Амадео поднял ее и треснул шутя ему по лбу. Книг было не меньше десятка, но названий Йохан отсюда разглядеть не мог.

— Для меня? Зачем?

— Здесь решили эксперимента ради ввести практику бразильских тюрем, — Амадео опустил на единственный стул и стянул с запястья резинку. Волосы уже отросли настолько, что он мог собрать их в небольшой хвостик. — Ты прочитываешь книгу, пишешь по ней что-то вроде сочинения и получаешь минус пять дней к сроку.

Если бы в камере разорвалась граната, Йохан поразился бы меньше. О чем парень толкует? Досрочное освобождение? За то, что читаешь книги? Да этот книголюб должен был уже давно выйти на свободу!

Нет, не должен, вдруг вспомнил он. Ксавьер Санторо сказал, что Амадео дали четыре года без права досрочного освобождения, и друг сам это подтвердил. Тогда зачем он притащил сюда все эти книги?

— Погоди, но ведь у тебя нет права...

— У меня нет. Зато есть у тебя, — Амадео протянул одну из книг. — Думаю, эта подойдет для первого раза.

Йохан на автомате взял ее, все еще пытаясь сообразить, что происходит.

— "Тим Талер, или Проданный смех"? — прочитал он. — Ты же сказал, что она детская. Я похож на ребенка?

— Вообще нет. Но книжка тебе понравится, это одна из моих любимых. Начни с нее. Еще я взял для тебя "Таинственный остров", "Всадника без головы" и "Одиссею капитана Блада". Надеюсь, ты любишь приключения, — Амадео любовно водил ладонью по корешкам

сложенных друг на дружку книг. — К сожалению, "Стальную крысу" не пропустили из-за того, что главный герой слишком часто сбегает из тюрьмы.

Йохан хихикнул.

— Считают, что мы можем использовать ее как пособие? А та книга, про которую ты говорил... Что-то там про портрет. Ее не привезли?

— Я ее и не заказывал, — пожал плечами Амадео. — Как-то не подумал, что ты заинтересуешься. Если хочешь, сделаю заявку на следующую партию, но до того времени ты должен прочитать все это, — он похлопал по стопке книг.

— Все?! — Йохан страдальчески закатил глаза. — Ты заставляешь глупого боксера, не привыкшего работать головой, читать книги. Где логика, Амадео?

Уголки губ слегка дрогнули.

— Читай, Йохан. Ты же хочешь выйти отсюда пораньше? Здесь одиннадцать книг, всего ты получишь почти два месяца свободной жизни. А если тебе понравится, успеешь начитать еще на месяц-другой.

Йохан водил пальцем по обложке, по мальчишечьему лицу, разделенному на две половины. На одной уголок губ поднимался в улыбке, на второй же — опустился вниз, как на театральной маске. Перспектива покинуть чертову помойку представлялась очень заманчивой, однако, выйди он раньше, что станется с Амадео, который, в отличие от него, этого сделать не мог, сколько бы книг ни прочитал?

Если он откажется, Амадео наверняка что-нибудь заподозрит. А Санторо недвусмысленно предупредил, что никто не должен знать об истинной цели нахождения Йохана здесь. Но, черт побери, он не может выйти раньше как раз из-за того же договора!

Йохан страдальчески стукнулся лбом о книгу. Амадео же воспринял его жест иначе.

— Не убивайся так, Йохан, даю слово, что будет интересно. Занудных философских трактатов тут нет. Хватайся за любую возможность выйти отсюда. Сидя и ничего не делая, ничего и не добьешься.

— Да нет, я просто... — Йохан вздохнул, постаравшись скрыть терзавшие его сомнения, и пролистал книгу. — Это и правда отличная возможность. Я прочитаю, если пообещаешь, что поможешь мне потом с этим, как его... сочинением.

Амадео кивнул и вышел из камеры, сославшись на то, что ему нужно в библиотеку. Оказавшись там, достал из ящика стола чистую тетрадь и выданной охранником ручкой записал в нее имя и фамилию Йохана, а напротив — название выбранной книги. Сегодня надзиратели официально объявят о новых правилах досрочного освобождения, и эта тетрадь довольно быстро заполнится.

Несколькими неделями ранее Амадео стоял перед начальником тюрьмы. Высокий, уже начинающий лысеть человек, с прямой, как палка, спиной, сложил руки перед собой на столе и внимательно изучал заключенного. Из нагрудного кармана форменной рубашки выглядывал клетчатый платок, которым каждые несколько минут Конрад Эфрейн вытирал выступавший на лбу пот.

— Значит, ты просишь меня пойти на такое рискованное мероприятие? Ты представляешь себе, сколько инстанций нужно пройти, чтобы утвердили эту систему? Сколько психологических исследований нужно...

— Вы можете взять статистические данные бразильских тюрем, — ответил Амадео. — Этого вполне достаточно для разрешения на проведение эксперимента.

— Послушай, — Эфрейн наклонился чуть вперед, старое кресло заскрипело. — Мне не

надо объяснять, что в твоём блоке сидят убийцы. Как думаешь, каков шанс на исправление такого отброса общества?

— Я не предлагаю ввести эту практику в отношении абсолютно всех. Но те, кто сидят за убийство по неосторожности, а также те, кто в любом случае имеет право на досрочное освобождение, могут воспользоваться шансом. Это дисциплинирует заключённых и сократит количество попыток побега.

— Имеют право на досрочное освобождение? — начальник тюрьмы взял в руки папку с делом Амадео и помахал ей. — Но ты-то, Солитарио, такого права не имеешь, какова твоя выгода?

— Зато имеют другие, — невозмутимо ответил тот. — И у меня не такой большой срок, чтобы беспокоиться об этом. Именно вы устанавливаете правила досрочного освобождения, так почему бы не попробовать новые? Я слышал, вы любите новшества.

Конрад Эфрейн задумчиво почесывал подбородок. Он, разумеется, интересовался практиками других тюрем, кое-какие даже внедрял, но этот парень предлагал нечто доселе немыслимое. Сократить срок за счет прочитанных книг?

Однако определенная логика в этом была. Люди, научившиеся занимать свое время чем-то еще, менее склонны повторить преступление. Впервые начальник посмотрел на этого заключённого другими глазами. Парень вовсе не глуп. И как его угораздило оказаться на нарах?

— Я подумаю над твоим предложением, Солитарио, — Конрад снова смерил его взглядом. — Помнится, став заведующим библиотекой, ты таки добился того, чтобы ее пополнили. Однако, настырный.

— Это уже было в моих личных интересах, — ответил Амадео. — Я люблю читать.

Игра на повышение

Бутылка зазвенела о край стакана. Лукас чертыхнулся и обхватил ее второй рукой, но дрожь не проходила. Ничего, он знал верное лекарство. Один глоток, и такая мелочь перестанет беспокоить.

Полупустая бутылка с виски опрокинулась, когда он ставил ее на стол. На этот раз ругательство вышло еще громче и заковыристей. Схватив наполненный стакан обеими руками, Лукас выплеснул содержимое в глотку.

Рот обожгло, в голове зашумело, однако теперь, после пятой порции, это не казалось таким уж приятным. Наоборот, его затошнило, и он с трудом удержал живительную жидкость в желудке. Больше рвать все равно было нечем — со вчерашнего утра он ничего не ел.

Лукас обхватил голову руками и тупо уставился на документ, лежащий перед ним на столе. Разлитое виски чудом не добралось до него, однако Лукас предпочел бы вымочить чертову бумажку в спирте и поджечь, чтобы никогда больше ее не видеть.

Долги. Сплошные долги. После смерти Кристофа он всеми силами старался поддержать компанию на плаву, однако чертов Санторо так и не пожелал продлить контракт, вызвав Лукаса к себе в офис только затем, чтобы лишний раз напомнить о том, что новый глава компании — никчемный дурак, который очень скоро потопит ее. Лукас мгновенно взбеленился и с удвоенным рвением взялся за работу, однако все усилия были тщетны.

— Отец, — пробормотал он, поднимая бутылку, в которой жидкости оставалось на два глотка. — Ты был прав, я — ничтожество.

После того как остатки виски перекечевали в желудок, Лукас разозлился на самого себя за принижение собственного достоинства. Нет, он мог бы стать отличным управленцем, однако отец делал все, чтобы во главе компании встал этот чертов крысеныш Амадео! Предупреждал сотрудников о смене руководства, натаскивал младшего сыночка, даже отправил его на обучение к этому Санторо! А про Лукаса попросту забыл! Стоило ли удивляться, что сейчас все разваливалось у него в руках?

— Это не моя вина, — хохотнул он, вставая. — Это все ты виноват, что я недостойн занять твое место, папа. Ты отбросил меня на второй план, это все ты!

Бутылка, кувыркаясь, полетела в стену. На шум в кабинет заглянула секретарша — новенькая девчонка, которую Лукас нанял сразу после вступления в должность. Кудрявые блондинистые волосы, стройная фигурка и великолепная исполнительность — большего и не надо.

— Господин Солитарио, — пискнула она. — У вас все в порядке?

— А ты не видишь? — широко улыбнулся он. — Я в полнейшем порядке! Как же приятно осознавать, что ты ни в чем не виноват!

Та хлопала огромными ресницами, явно не понимая, о чем он.

— А, забудь, — Лукас махнул рукой. — Это все равно не твоего ума дело. У тебя что, нет своих занятий? Пошла прочь.

— Слушаюсь, господин Солитарио, — пролепетала несчастная девушка и скрылась.

Оставшись один, Лукас снова плюхнулся в кресло. Документ, отодвинутый к краю стола, так и притягивал взгляд, и он наконец взял его в руки.

Предложение о продаже компании. Немыслимо! Зато все финансовые проблемы разом будут решены, и он сможет вложить деньги в новый проект и за короткое время развить его. Да, он знатно лопухнулся, когда только-только вступил в должность, но больше этой ошибки не повторит. Нужны лишь деньги — решение всех проблем.

Однако Лукас жадничал. Отдавать компанию неизвестно кому (имени покупателя он никогда раньше не слышал), лишиться источника дохода (пусть в последнее время он и приносил одни убытки)? Нет, на это Лукас идти не хотел. Но что же делать? Где взять финансирование? Банки один за другим закрывали перед ним двери, отказывая в кредитовании, очередная проверка прикрыла казино в "Азарино", а множество подпольных точек перешло в руки местных воротил, потому что Лукас не сумел с ними вовремя договориться. Бернард Мартинес прибрал к рукам букмекерскую контору, которая только-только начала функционировать в недавно открытом мини-отеле, и запретил Лукасу вообще связываться со ставками, разве только тот захочет проиграть свое состояние на скачках или боксерских поединках.

— Посоветую тебе отличного бойца, — с добродушной ухмылкой говорил он. — Лишишься штанов после первого же раунда.

Лукасу ничего не оставалось, кроме как уступить Мартинесу эту часть нелегального заработка.

С остальным дела тоже шли не очень хорошо. Казино "Азарино" не работало, количество посетителей в самой гостинице опустилось до опасного минимума. Если раньше заказывать номер нужно было заблаговременно, то сейчас две трети комнат пустовало. Многие теперь предпочитали "Вентину", у которой дела шли в гору.

Лукас злобно зарычал. С подачи своего отца Виктория отсудила квартиру, часть игровых точек и едва не откусила половину "Азар". Но теперь это не имело значения. Согласно договору, который сейчас лежал перед ним, Лукас был обязан продать компанию плюс гостиницу вместе с казино.

"Но у тебя же останутся несколько игровых точек, — шептал внутренний голос, с восторгом смакуя цифру, указанную на документе. — И с такими деньгами можно развернуться! Открыть новую гостиницу, сменить опостылевшее название, чтобы больше ничего не связывало тебя с этим позорным именем... Согласись, иного выхода все равно нет".

Лукас поднялся и, запустив пальцы в волосы, принялся ходить туда-сюда по кабинету. Как ни крути, без финансовой поддержки из этой ямы не выбраться, и потеря компании — приемлемая цена за то, чтобы снова встать на ноги. Но неужели больше нет ничего, что он мог бы продать или заложить?

— Лейла! — крикнул он. Секретарша тут же заглянула в кабинет. Исполнительная девочка, Лукас таких любил. Правда, глуповата, но главное — отдать нужный приказ. — Никого ко мне не впускать. И мне нужна машина, через полчаса.

— Поняла вас, господин Солитарио! — она услужливо поклонилась.

Когда секретарша ушла, он открыл сейф и достал оттуда завещание отца, которое тот написал сразу после инсульта. Все имущество Кристоф Солитарио делил поровну между двумя сыновьями, однако Лукас считал, что это в высшей мере несправедливо. Все должно принадлежать только ему одному. И будет принадлежать, когда выйдет срок вступления в наследство у младшего сына.

Но до этого оставалось еще полгода. Деньги же были нужны сейчас.

— И ты мне их отдашь, отброс, — прошептал Лукас, кладя завещание в дипломат. —
Еще как отдашь.

* * *

— Ты посмотри на них, какие счастливые, — Йохан указал на спешивших на свидания заключенных. — Наверное, это круто, когда кто-то тебя ждет там, на воле, нет?

— Не знаю, — пожал плечами Амадео, углубившись в книгу.

Было время прогулки. Погода стояла чудесная, солнце ярко светило, дул легкий ветерок. Амадео сидел на одной из скамеек, расставленных по периметру двора. Несколько человек играли в баскетбол на небольшой площадке, кто-то подтягивался на турнике. Некоторые возвращались со свиданий, светясь от счастья, до них с Йоханом долетали обрывки разговоров. Заключенные обменивались радостными новостями, строили планы, казалось, они на какое-то время забыли, что не являются свободными людьми. Многие застряли тут на довольно большой срок, но сейчас это казалось неважным.

— Жаль, меня никто не ждет, — Йохан запрокинул голову, подставляя лицо лучам солнца. — После смерти мамы и сестры у меня никого не осталось, даже друзей. Да и какие друзья у бойца без правил, только соперники. А у тебя?

— Что? — Амадео оторвался от книги, непонимающе нахмурившись. Ветер перелистнул пару страниц.

— Я спрашиваю, у тебя есть кто? Родственники, друзья, девушка?

Амадео мотнул головой, снова опуская глаза в книгу. Волосы упали на лоб, закрывая шрам, оставленный Буйволом.

— Как, вообще никого? Почему? — не отставал сосед.

— Так получилось, — с неохотой ответил Амадео. — Отец умер, а больше никого нет. С братом мы никогда не были близки, а после смерти отца он меня знать не желает.

— Вот как, — сочувственно протянул Йохан, наконец смекнув, что расспрашивать не следует. — Что ж, очень жа...

— Солитарио! — окликнул его надзиратель Роджерс через весь прогулочный дворик. — Чего расселся? К тебе пришли!

— Ко мне? — удивленно отозвался Амадео. В голове пронеслась вереница образов: Ксавьер, Ребекка, Роза, Чилли — которые, впрочем, тут же померкли. Они сюда не придут.

— Ты ж сказал, что у тебя никого нет, — Йохан хлопнул его по плечу и понимающе прищурился. — Врать нехорошо, знаешь ли.

— Я не врал, — буркнул Амадео, закрывая книгу. — Может быть, это адвокат, но что-то сомневаюсь.

— Тебя долго еще ждать, Солитарио?! — рявкнул надзиратель. — Время ограничено, поторопись!

— Иду.

По дороге до блока Амадео ломал голову над тем, кому он мог понадобиться. И втайне надеялся, что Роджерс просто ошибся.

К сожалению, ожидания не оправдались. В комнате для свиданий за плексигласовой перегородкой важно восседал молодой мужчина, положив ногу на ногу. Строгий костюм, начищенные ботинки, прилизанные волосы... Вот только, несмотря на тщательные попытки

казаться большим человеком, выглядел он просто смешно. По большей части — из-за неуверенного взгляда, который шнырял по углам, как крыса, в надежде убедиться, что никакой опасности нет.

Его Амадео совсем не ожидал увидеть. И не имел ни малейшего желания общаться.

— Простите, не хочу говорить, — выдохнул он, разворачиваясь, однако Бенедикт, возглавляющий команду следящих за порядком во время свиданий надзирателей, каменной скалой торчал возле двери, мешая выйти.

— Свидание положено, значит, топай, — пробасил он. — У тебя пять минут.

— Я не просил об этом свидании.

— Я просил, — подал голос Лукас. — Уделишь мне время, которого у тебя предостаточно?

Поняв, что с начальством спорить бесполезно, Амадео сел на стул напротив брата и выжидательно уставился на него сквозь прозрачную перегородку. Тот молчал, лишь самодовольная ухмылка блуждала на губах.

Взглянув на большие настенные часы, Амадео едва слышно вздохнул.

— Если ты пришел сюда, чтобы полюбоваться на то, как унижил меня, то я тебе не зверюшка в зоопарке.

— Правда? — самодовольства поубавилось. — А по-моему, ты как раз похож на загнанного зверька. Особенно мне нравится твоя прическа, — заметив, как скривился Амадео, Лукас снова воспрянул духом. — Как тебе апартаменты? Лучше, чем в "Азарино"?

— Не твое дело. Говори, зачем пришел и отчаливай.

— О, а ты хватался местного жаргона, — присвистнул Лукас. — Видать, тебе тут даже нравится. По правде говоря, я надеялся, что тебе дадут больший срок...

— Просчитался. Что-то еще? — Амадео снова посмотрел на часы. Три с половиной минуты.

— Да что ты все время перебиваешь? — казалось, Лукас упивался каждым словом. — Я пришел не для того, чтобы слушать тебя.

— Тогда зачем? Поговорил бы сам с собой в кабинете отца. Теперь ты его занимаешь.

Лукас положил на стол дипломат и нарочито медленно щелкнул замками. На свет появилась тонкая папка.

— Вообще-то я собираюсь продать особняк. Слишком проблематично его содержать.

Амадео разозлился. Неужели Лукас пришел только за этим? Сообщить о продаже особняка? Окончательно лишить Амадео всего, что связывало его с отцом?

— Скорее, ты его продашь только ради того, чтобы мне некуда было вернуться. Называй вещи своими именами. Зачем ты пришел?

— Я не могу продать его без твоего согласия, Амадео. Ты тоже наследник Кристофа, несмотря на то, что доли компании тебя лишили из-за преступления. Однако по завещанию Кристофа половина дома — твоя, и я...

Амадео поднялся, опрокинув стул.

— И не мечтай. Я не дам согласия. Ты, чертов предатель, делаешь все, чтобы уничтожить память об отце. Я тебе этого не позволю. По крайней мере, пока могу.

— Кто бы говорил о предательстве, — процедил Лукас сквозь зубы. — Ты даже не стал оправдываться на суде. Равносильно признанию.

— Не твое дело, — Амадео отвернулся от Лукаса. — Надзиратель Бенедикт, выведите меня отсюда.

— Еще две минуты, — с каменным лицом возвестил тот.

— Он что, вам заплатил? — внезапно понял Амадео. — Вот же... Лукас, ты по-прежнему ведешь игру грязными методами. Ничего не изменилось с кончиной отца. Рано или поздно ты развалишь компанию.

— Не тебе учить меня, как вести дела! — взъярился тот, шлепая на стол папку и настойчиво протягивая ручку через узкое отверстие между перегородкой и столом. — Подпиши документы, и...

— И я больше тебя не увижу? Конечно. Ровно до того момента как потребуется снова что-то продать от моего имени. Подожди еще полгода, я потеряю право на наследство, а потом делай все, что заблагорассудится.

— Мне нужны деньги сейчас! — повысил голос Лукас. — А не через полгода! Через полгода "Азар" объявит себя банкротом! Неужели ты это позволишь?

Амадео стиснул зубы. Как можно было за полгода довести компанию до банкротства? Отец был прав, у Лукаса есть талант — превращать все, к чему ни прикоснется, в груды руин.

— А мне наплевать, — наконец ответил он, хотя грудь стеснило от разочарования. — Не умеешь распорядиться активами компании, значит, отец зря потратил годы на твое обучение.

— Хорошо, Амадео, — прошипел Лукас, вставая. — Уж я позабочусь о том, чтобы ты отсюда никогда не вышел.

Амадео указал на камеру под потолком.

— Поосторожней со словами, Лукас. А то вдруг я захочу покончить с собой, а все решат, что это ты меня заказал? Тебе ведь не впервой отнимать чью-то жизнь.

Тот проследил за пальцем и заметно побледнел.

— Не пори чушь. Все знают, что это ты убил отца.

— Да, убил. Тем, что вошел в вашу семью.

Бенедикт наконец отступил в сторону, и Амадео, едва не толкнув его плечом, вышел из помещения для свиданий.

* * *

Ксавьер сидел за столиком на двоих в небольшом ресторанчике и курил. Дешевые сигареты, но статус сейчас беспокоил меньше всего. Ожидание — вот что сводило с ума.

Ксавьер ненавидел ждать. Умел быть терпеливым, когда нужно, но терпеть не мог время ожидания, похожее на мучительно тянущуюся жевательную резинку. Поэтому его и прозвали "швейцарскими часами" — ни на одну встречу он не опаздывал и требовал ответного уважения.

Он поймал себя на том, что взгляд постоянно скользит к большим настенным часам над барной стойкой в конце зала. Стрелки двигались ужасающе медленно, и хотя до запланированной встречи осталось менее пяти минут, Ксавьер готов был вскочить и передвинуть медлительные кусочки металла собственноручно.

Что это ты так разнервничался, усмехнулся он про себя. Это не партнер, который предложит тебе многомиллионный контракт, не спасательный круг, чтобы удержаться на плаву. Всего лишь информация, которая либо окажется полезной, либо нет.

Стрелка медленно, будто нехотя перевалила за цифру двенадцать, и Ксавьер безотчетно

устремил взгляд к входной двери, однако никто не вошел. Колокольчик не звякнул, и все ожидания едва не покатались в тартарары.

Успокойся, приказал он себе, поджигая очередную сигарету. Эта женщина никогда не соизволит прийти вовремя, даже если стоит вопрос жизни и смерти. Она придет. Должна. Обязана. Своим положением, своей властью, всем, что имеет, обязана ему. И в его силах лишить ее всего точно так же, как лишили его.

— Еще кофе, господин? — пропела над ухом миловидная официантка.

— Да, благодарю, — отозвался Ксавьер, даже не посмотрев на нее. На сигарете вырос столбик пепла, и он аккуратно стряхнул его в пепельницу.

— Давно вы у нас не были, — девушка, похоже, была не прочь поболтать. — А где ваш друг? Обычно вы приходили вдвоем, — она подлила в кружку кофе и пододвинула к Ксавьеру.

Тот недоуменно глянул на нее, сдвинув брови.

— Друг? Кого вы имеете в виду?

Официантка, казалось, смутилась.

— Ну, такой красивый... Длинноволосый. Вы часто сидели за этим столиком и разговаривали. Я подумала, он ваш друг...

— Не понимаю, о ком вы, — Ксавьер взял лежащую на краю стола газету, которую принес с собой, и развернул, ясно дав понять, что тратить время на болтовню не намерен.

Девушка смутилась окончательно и, пробормотав слова извинения, испарилась.

Допив кофе, Ксавьер снова глянул на часы. И одновременно с этим раздался долгожданный звон колокольчика.

Ребекка зашла в ресторанчик, стряхивая капли дождя с черного зонта. Цепкий взгляд стрелял по помещению, выискивая его. Ксавьер поднял руку, чтобы привлечь внимание, и отложил ставшую ненужной газету.

— Рад тебя видеть, Ребекка. Хорошо выглядишь.

— Чего не скажешь о тебе, — парировала та, стягивая плащ. — Ужасный дождь, ненавижу чертовы летние грозы.

— Ты пришла поговорить о погоде, или у тебя действительно есть, что сообщить? — несмотря на то, что минуту назад Ксавьер готов был все бросить и уйти, сейчас он терпеливо ждал.

— Разумеется, есть, стала бы я иначе обрывать тебе телефон, — она уселась и раскрыла небольшой кейс, достав оттуда пачку бумаг. — Появился шанс. Небольшой, но он есть, тут уж все зависит от тебя.

— О каком именно шансе ты говоришь?

— Выбраться из этого дерьма. Вот, посмотри, — она протянула ему одну из многочисленных распечаток. — Прочти как можно внимательней, и ты поймешь, что я имею в виду.

Официантка подошла поинтересоваться, не нужно ли чего-нибудь еще, но Ксавьер ее не слышал. Он сжимал в руке распечатку, не в силах поверить такой удаче.

Неужели все так просто? Ребекка права, теперь успех этого рискованного предприятия целиком и полностью зависит от него. Если все пройдет удачно, он добьется того, чего так хотел.

Риск тоже велик. В случае неудачи Ксавьер потеряет все, что имел, окончательно и бесповоротно. И потребуется гораздо больше времени, чтобы снова встать на ноги.

Но ожидание, пока не представится другой шанс, подобно смерти. Ксавьер ненавидел ждать. И никогда не простит себе, если, допустив вероятность благоприятного исхода хотя бы на десять процентов, не воспользуется предложением Ребекки.

Он сложил бумагу вдвое и сунул между страниц газеты. Ребекка уже знала, что он скажет, но ждала подтверждения, постукивая покрашенным ногтем по скатерти.

— Устрой мне эту встречу, — наконец сказал он. На губах впервые за долгое время появилась торжествующая усмешка.

* * *

Амадео поставил прочитанную книгу на узкую полку и принялся просматривать другие в попытке отыскать ту, которую еще не читал. Но, как назло, под руку попадалось одно старье.

— Уже три заявки сделал, — разочарованно пробормотал он, снимая с полки прочитанного уже дважды "Дракулу". — Последняя поставка была пять месяцев назад!

С тех пор, как ему предложили работу в библиотеке, прошло уже больше полугода. Годфрид недавно вышел на свободу, а перед этим порекомендовал помощника на свое место. Амадео был благодарен ему — пусть платили совсем немного, однако сам факт того, что не приходилось бездельничать, уже радовал.

— Солитарио, — окликнул надзиратель Роджерс. — Тут новые газеты и журналы пришли. Куча порнухи, ты что, совсем страх потерял?

— Что просят, то и заказываю, господин надзиратель, — спокойно ответил Амадео, принимая коробку. — Вам же не нужны преступления на сексуальной почве внутри тюрьмы?

Похоже, сегодня Роджерс был в благодушном настроении и даже позволил себе кривую усмешку.

— Какой ты, однако, умный, Солитарио. Но тут таких умников полно. Разбери то, что привезли, да поживее.

— Слушаюсь.

Амадео открыл коробку и вытащил кипу журналов вперемешку с газетами. Затем принялся сортировать, раскладывая на столе. Заказы — в одну стопку, периодические издания — в другую. Желтая пресса — в третью, новостные газеты — в четвертую. Первая стопка получилась самой толстой. Через полчаса сюда потянутся заключенные, взбудораженные известием о том, что пришел заказ, и разберут все в мгновение ока.

— Книжки заказывать не хотим, а порножурналы — пожалуйста, — покачал головой Амадео, обзрев разложенную на столе периодику.

В глаза бросилась фотография на первой полосе сложенной пополам газеты. Развернув ее, Амадео увидел заголовок: "Долгожданное воссоединение прекрасной и богатой пары!". С фото широко улыбался Лукас, обнимая за талию Викторину. Та выглядела донельзя счастливой, однако глаза стеклянно смотрели в объектив.

— О господи, Лукас, — пробормотал Амадео, раскладывая газету поверх журналов, чтобы было удобней читать.

Несколько дней назад, говорилось в статье, пара объявила, что снова собирается пожениться. И это спустя семь месяцев после официального развода! Амадео едва сдержал

ухмылку. После того, как он отказался продавать особняк, Лукас начал искать альтернативные решения денежной проблемы. Пришел к Сезару, кинулся в ноги и выпросил руку его дочери во второй раз.

— Как ты жалок, черт побери, — прошептал Амадео, складывая газету. — Лукас, до чего же ты опустился.

Закончив с разбором, он запер библиотеку и вышел в коридор. Там прислонился к стене, раскрыл книгу и по привычке отгородился от всех внешних раздражителей, углубившись в чтение. В камеру сейчас не попасть — проводилась еженедельная уборка, поэтому остаться в одиночестве можно было, лишь попав в карцер. А этого совсем не хотелось, хватило и одного раза.

Поступок Лукаса одновременно смешил его и вызывал раздражение. Как мог у Кристофа уродиться настолько никчемный сын? Об "Азар" в статье не было сказано ни слова, однако Амадео не сомневался, что сейчас Сезар Лаэрте приложит все усилия, чтобы поглотить компанию. И Лукас позволит сделать это, чтобы избежать банкротства.

— Тебе-то что, — пробормотал он под нос. — Ты больше не имеешь ни малейшего отношения ни к компании, ни к Лукасу. Выбрось это из головы.

Амадео сосредоточился на чтении. Он настолько погрузился в мрачный дневник Джонатана Харкера, что не слышал, как справа от него, дальше по коридору, новый арестант по имени Крис Уильямс обратился к Йохану Торну, толкнув того в бок:

— Эй. Че за патлаты?

Йохан смерил новенького изучающим взглядом. Крупный мужчина, с копной светлых волос, жиденькая бородка едва пробивается. Огромные кулаки запросто могли проломить голову кому угодно. Место, куда он ткнул Йохана, ощутимо побаливало.

— Не советовал бы к нему лезть, — наконец сказал Йохан, с трудом подавив желание потереть бок.

— Почему это? — удивился Уильямс. — Для девчонки вполне подходящий, глянь на это личико...

— Ты понятия не имеешь, какие люди за ним стоят, Крис, — Йохан предупреждающе посмотрел на него. — И не советую узнавать.

Уильямс хотел сплюнуть на пол, но подумал, что вряд ли надзиратель этому обрадуется. Плевок устремился сквозь зарешеченное окно вниз, во двор.

— Если это так, какого ж он прохлаждается в этой дыре? Чего эти влиятельные перцы его не освободят? — посмеиваясь, он повернулся к Йохану и на мгновение остолбенел.

Глаза парня застыли, превратившись в два камня.

— А это тебя уже не касается. Просто закрой рот и не делай даже шагу в его сторону. Тебе все ясно?

От взгляда Торна внутри Криса что-то заледенело, и он едва не схватился за живот. Но, вовремя спохватившись, изобразил на лице кривую ухмылку.

— А ты че, крышуешь его, что ли? — он затушил бычок о подошву ботинка. — Че ты так о нем печешься?

— Не твое дело, — Йохан следил, как Амадео, заправив прядь волос за ухо, перелистывает страницы.

Валентайн Алькарас протянул руку к интеркому и нажал кнопку.

— К вам Ксавьер Санторо, господин Алькарас, — возвестил чистый, не замутиженный помехами голос секретарши.

— Пропустить, — коротко приказал он, не отрываясь от своего занятия.

Работы никогда не бывало мало. Постоянный круговорот документов, деловых встреч, разъездов — он делал все, чтобы использовать время рационально и терпеть не мог пустой его траты. Давным-давно взял за правило не встречаться с людьми, которые ничем не могли быть полезны. Валентайн никому не доверял и никогда не ждал невозможного от партнеров, но даже так Ксавьер Санторо его разочаровал. Его репутация говорила о том, что с ним количество проколов должно свестись к минимуму, но неожиданно вспыхнувший скандал мгновенно подкосил этого талантливого бизнесмена. Признаться, это удивило Валентайна. Из всех потенциальных партнеров именно Санторо казался надежней других, а чутье редко подводило.

Посетитель зашел в кабинет и сел в кресло напротив Валентайна. Тот по привычке даже не оторвался от проверки документов, лишь кивнув в знак приветствия. Санторо терпеливо ждал, сцепив руки перед собой на коленях и ничем не выказывая нетерпения и беспокойства. Валентайн же продолжал проверять договоры, будто был в кабинете один.

Наконец, отложив в сторону бумаги, Алькарас наконец соизволил посмотреть на гостя. Тот встретил его невозмутимым взглядом, нимало не смущаясь смотреть прямо в глаза. Почти пятнадцатиминутное ожидание его нисколько не покорило.

— Добрый день, господин Санторо, — сочтя паузу слишком затянувшейся, наконец сказал Валентайн. — Мой бухгалтер сообщил сегодня утром, что вы выплатили неустойку, предусмотренную нашим договором.

— Совершенно верно, — кивнул Ксавьер. — Я благодарен за отсрочку, которую вы мне предоставили.

— Вас даже не смутил довольно большой процент, — Алькарас крутил в пальцах ручку. — Вы человек слова.

— И дела, господин Алькарас. Обещания мало что стоят без их выполнения.

— Верно. Однако наш договор...

— Даже у самых предусмотрительных бизнесменов может произойти форс-мажор. Я пришел не оправдываться. Лишь хотел убедиться, что оплата до вас дошла, — Ксавьер поднялся. — Теперь я могу быть свободен?

— Вы так цените свободу, господин Санторо? — вдруг усмехнулся Валентайн.

Он сам удивился проявлению чувств. За ним уже давно закрепилось неофициальное прозвище "Стена", и заставить хотя бы чуть-чуть искривить губы, могло лишь что-то экстраординарное. Но Ксавьер Санторо его развеселил. Впервые Валентайну пришлось в голову сравнить его с другими, с кем партнерство не удалось. Все они покидали кабинет униженными, подавленными, со сторбленными спинами. Однако сейчас он был уверен: этот человек выйдет отсюда с высоко поднятой головой.

Ксавьер бросил на него быстрый взгляд сверху вниз.

— Свобода — единственное, к чему я стремлюсь. Какой толк иметь мало-мальское влияние, если зависишь от других и пляшешь под их дудку?

— И это говорит человек, потерявший все. Как вам такая свобода, господин Санторо? — спокойствие бывшего партнера еще больше веселило Валентайна. Он не мог понять, что же здесь смешного, однако ухмылка становилась все шире.

На этот раз усмехнулся Ксавьер.

— За будущее платят настоящим. Иногда нужно потерять все, чтобы понять истинную цену свободы. И насколько она нужна.

Валентайн задумчиво смотрел на него, постукивая ручкой по столу. Веселость как рукой сняло. Наконец он понял, что его так зацепило, и чего добивался нетипичными для него подтруниваниями. Этот человек никогда не остановится. Даже если его затащат на самое дно, приковав к остову утонувшего корабля, в кармане непременно окажется напильник.

— Присядьте, господин Санторо. У меня к вам деловое предложение.

— Снова добровольно залезть в кабалу? Господин Алькарас, вы и правда считаете меня таким идиотом?

— Я считаю вас монархом, который не капитулирует, увидев, как его верноподданные оседают на землю после первого ружейного залпа. Присядьте. Новый договор не будет иметь ничего общего с предыдущим. Поставщик наркотиков мне не нужен.

После короткого колебания Ксавьер снова опустился в кресло.

— Так чего же вы хотите от изгнанного короля?

Валентайн выбрал одну из многочисленных папок и протянул Ксавьеру.

— Недавно я приобрел одну компанию. Она уже дышит на ладан, и потребуются поистине фантастические усилия, чтобы вернуть ее к жизни. Такому талантливому бизнесмену, как вы, это удастся без особого труда.

Предложение удивило Ксавьера. С какой стати этому бизнес-магнату предлагать такие странные условия? Он взял папку, но открывать не стал.

— Вы хотите, чтобы я восстановил ее из пепла?

— Именно. Я назначу вас исполнительным директором, будете работать под моим началом, но действовать на свое усмотрение.

— В чем моя выгода?

— Двадцать процентов от дохода. И десять — с каждой новой открытой точки.

Ксавьер решительно ничего не понимал. Какой смысл вкладывать деньги в фирму, которой вот-вот настанет конец? Но условия были очень выгодными. Куда выгодней ему, чем Алькарасу. И это настораживало.

— В чем причина, — Ксавьер положил папку обратно на стол, так и не открыв, и скрестил руки на груди, — вашего благосклонного отношения ко мне?

— Если я скажу, что мне жаль, когда пропадают такие таланты, вы ведь не поверите? — в глазах Валентайна снова мелькнула смешинка.

Ксавьер отрицательно покачал головой.

— Мне не нужна жалость, господин Алькарас. Ни ваша, ни чья-либо еще, — он поднялся. — Прошу меня извинить, но я отказываюсь от вашего несомненно щедрого предложения.

— Для начала, — голос Валентайна вдруг стал сухим и жестким, — посмотрите, от чего вы отказываетесь. А потом уже принимайте решение.

Ксавьер смерил его долгим взглядом, тщетно пытаясь понять, чего добивается этот человек. Затем опустился обратно и взял в руки предложенную папку.

Глаза его чуть расширились.

— Вы это серьезно?

— Совершенно серьезно. Я выкупил ее у нынешнего владельца.

— Зачем?

— Та же ситуация, что и с вами — мне жаль, когда подобные титаны обращаются в руины. Но уверен, вы можете не только удержать на плаву этот потрепанный бурей корабль, но и превратить его в прекрасный океанский лайнер. Крупнейшая гостиница этой сети и казино при нем входят в наш договор, советую начать с их восстановления.

— Вы так говорите, будто я уже согласился.

— Я вижу по вашим глазам, господин Санторо. Такой возможности вы не упустите. Я не прав?

Ксавьер вновь и вновь пробежал глазами по строчкам, но не мог отыскать ни единой зацепки, которая помогла бы обнаружить подвох. Документ был составлен идеально. Никакого обмана. Честный договор о найме его в качестве исполнительного директора компании "Азар".

Он не верил в совпадения. Но сейчас перед ним открывалась великолепная возможность начать все сначала. И упустить такой шанс он не мог. Когда зверь сам бежит в силки, надо быть круглым дураком, чтобы упустить вожделенную добычу.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я согласен.

* * *

После того, как в камере погас свет, Амадео отложил книгу и отвернулся к стене. Но сон все не желал приходить. Он вспоминал визит брата несколько дней назад и газетную статью. И кое-как сдерживал злость.

Теперь Лукас работает на "Вентину", но вряд ли Сезар принял его обратно без каких-либо определенных условий. В скором времени дело отца окажется в руках конкурента, и Амадео ничего не мог с этим поделать, только корить себя за беспомощность. Лукас оказался никудышным управленцем, и Амадео в который раз поражался дальновидности Кристофа, сразу разглядевшего, что из старшего сына главы не выйдет. Однако отец не предполагал, что настроит Лукаса против себя настолько, что тот пойдет на убийство. После встречи с братом Амадео не ощущал ничего, кроме горького разочарования, и в который раз пожалел, что не предупредил Кристофа о возможности предательства. Но каким образом Лукасу удалось обанкротить огромную компанию за такой короткий срок? Амадео этого искренне не понимал.

Однако "Камальон" закрылась всего через пару месяцев после ареста Амадео. И это было довольно странно, учитывая, что под прикрытием невинной табачной компании процветала наркоторговля.

Амадео тихо застонал и накрыл голову подушкой. Опять Ксавьер. Когда он уже оставит его в покое? Сколько можно думать о нем?

В библиотеке Амадео ловил себя на том, что просматривает поступающие в тюрьму газеты в поисках хоть какой-то информации о бывшем друге, и каждый раз одергивал себя. Какая разница, что сейчас делает Ксавьер? Раз не пишут, значит, нечего писать. Шумиха с его родней давно утихла, все сплетни вытеснил арест самого Амадео.

Какое ему вообще дело до этого предателя?

Кое-как прогнав набившие оскомину мысли, Амадео наконец задремал.

Вскоре в коридоре и камерах зажегся свет. Мгновение спустя начали раздаваться вялые

возмущенные голоса — заключенные недоумевали, почему их лишают заслуженного отдыха.

— Построиться!! — гаркнул Роджерс, остановившись посреди коридора. Рядом с ним застыли двое надзирателей: Бенедикт и Кортес. Все трое держали наготове дубинки. — Всем! Живо!

Заключенные, потирая глаза и зевая, высыпали из камер. Переговариваться никто не решался — надзиратели выглядели слишком уж свирепо.

Амадео встал рядом с Йоханом. Бетонный пол неприятно холодил босые ноги — заключенным не дали времени обуться.

— Вы слышали? — шепнул ему сосед. — Убили того новенького, Уильямса.

Амадео чуть повернул голову, не отводя, однако, взгляда от надзирателей.

— Не шутишь? Куда же смотрела охрана?

— В некоторых случаях она очень крепко спит, — сосед криво усмехнулся. — Он же только прибыл, кому успел насолить?

Амадео лишь покачал головой. От Йохана он знал, что Уильямс спрашивал о нем, и друг недвусмысленно посоветовал даже не приближаться. Лишь бы надзиратели не прознали об этой стычке.

Но сегодня небеса явно были не на их стороне. Роджерс, прохаживаясь вдоль шеренги, постукивал дубинкой по ладони.

— Двадцать минут назад произошло ЧП. Погиб заключенный, недавно переведенный сюда. Его имя Крис Уильямс. Если кто-то из вас что-то слышал, я требую, чтобы доложили об этом. Конфликтные ситуации, споры, даже просто тычок плечом. Что угодно. Ну? Никто не хочет помочь следствию? Вы меня разочаровываете. Решили выйти отсюда законопослушными гражданами, а на деле рты раскрыть не можете?

— Господин надзиратель! — раздался заискивающий голос из заднего ряда, справа от Амадео.

Роджерс остановился и привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть говорившего.

— Хочешь что-то сообщить? Выйди сюда.

Амадео получил хороший удар под ребра, когда неожиданный свидетель прошел мимо. Выпрямившись, увидел Кудрявого, который с застенчивой улыбкой встал напротив Роджерса. Тот недовольно скривился: этот тип оставался проблемой для всего блока, даже несмотря на то, что его дружка перевели отсюда подальше.

— Что ты хотел сказать? — спросил он. — Не тяни резину.

— Дело в том, господин надзиратель, что, — Кудрявый оглянулся на Амадео и торжествующе улыбнулся, — я слышал, как Йохан Торн спорил с этим погибшим заключенным. Громко так, вот я случайно и подслушал.

— Правда? — Роджерс не отводил взгляда от Кудрявого, хотя все головы в шеренге повернулись к Йохану. — И о чем же они спорили?

— Да конечно об этом арист... ээ... об Амадео Солитарио, господин надзиратель.

— Да что ты... — начал Йохан, но Амадео наступил ему на ногу.

— Тише. Сделаешь только хуже.

— Но он...

— Я сказал, тише, Йохан. Ты тут ни при чем, вот и не веди себя, как виноватый.

Кудрявый глядел прямо перед собой, торжествующе улыбаясь. Роджерс некоторое время с неприязнью изучал его, затем отправил обратно в строй.

— Приму к сведению. А теперь разойтись! — рявкнул он. — Отбой.

Амадео и Йохан вернулись в камеру. Последний пылал праведным возмущением, однако Амадео успокоил его, сказав, что доказательств причастности к этому преступлению все равно нет. Кудрявому нужно было взбаламутить воду, вот и все, а, учитывая его персональную нелюбовь к Амадео, бить он будет не напрямую, а использует Йохана.

Парень успокоился и полез на кровать. Амадео, удостоверившись, что гнев друга остыл, тоже улегся. Вскоре в блоке погас свет, и с верхней койки донесся тихий храп. Сам же Амадео долго лежал без сна, но наконец задремал. И когда через два часа дверь камеры распахнулась, даже не пошевелился.

* * *

Амадео плавал в темной дымке сна и никак не мог проснуться. Чувствовал, как кто-то трясет его, но не мог разлепить глаза.

— Солитарио! — рывкнул в ухо громовой голос. — Живо встал, или я тебя сам поставлю!

Амадео вздрогнул. Над ним возвышался надзиратель Роджерс, поигрывая дубинкой.

— Крепко же ты спишь, Солитарио. Как младенец. Неужели твоя совесть настолько чиста? Вставай.

Амадео поднялся и потер глаза, прогоняя сон. Второй надзиратель светил фонарем в камеру, заставляя щуриться.

— В чем дело?

— Что за чертовщина происходит? — Йохан сонно заморгал от яркого света, когда луч метнулся к нему.

— Солитарио, Торн, на выход, — скомандовал Роджерс. — Живее, я ждать не люблю.

Амадео потянулся за футболкой, однако второй надзиратель, Бенедикт, ударил его фонарем по руке. Дубинка, с которой он никогда не расставался, на этот раз болталась у пояса, а не крутилась в затянутой в перчатку руке.

— Не трать время, она тебе не понадобится.

Амадео прикусил губу. Удар пришелся по локтю и ощутимо отдался во всей руке от запястья до плеча. Спорить было себе дороже, поэтому он просто поднялся и вышел из камеры.

Некстати Бенедикт решил, что света больше не потребуется, и опустил фонарь — Амадео, ослепленный внезапной темнотой, налетел на надзирателя. Тот от неожиданности выронил фонарь, который стукнулся о пол и укатился под кровать.

— Солитарио, где у тебя глаза, мать твою?! — взревел он, наградив Амадео хорошим тычком в спину.

— Прошу прощения, — сипло ответил тот — удар выбил воздух из легких.

— Ты сам виноват, Бенедикт, — резюмировал Роджерс, выводя из камеры Йохана. — Лицом к стене, Солитарио, руки за спину, чтобы мы их видели. Торн, тебя тоже касается, хватит строить из себя сонную муху.

— В чем дело, начальник? — протянул тот, зевая. — Мы же ничего не сделали...

— Рты закрыть! — рывкнул Бенедикт, опускаясь на колени. Фонарь продолжал ярко светить, что свидетельствовало о том, что он каким-то чудом не разбился от удара о бетон. Затем надзиратель вышел и направил яркий луч между Амадео и Йоханом, которые

послушно застыли у стены, заложив руки за спины. — Роджерс, начинайте обыск.

Амадео чуть повернул голову, но разглядеть, что происходит в камере, не удавалось. Их подняли среди ночи, выгнали наружу и теперь обыскивали камеру от пола до потолка.

— Как думаешь, чего это они? — шепнул Йохан, за что моментально получил в бок фонарем.

— Я сказал, закрыть рты! — рявкнул Бенедикт. — Какое из этих слов ты не понял, Торн?

Амадео едва заметно покачал головой, призывая Йохана хранить молчание.

Не прошло и минуты, как Роджерс вышел из камеры.

— Солитарио. Повернуться.

Амадео выполнил приказ и уставился на верхнюю пуговицу форменной рубашки надзирателя. В глаза смотреть не стоило, это могло вызвать очередную вспышку агрессии, которая, к примеру, у Бенедикта уже хлестала через край. Однако дубинку тот все еще не доставал, светя фонарем Амадео в лицо.

В руках Роджерс держал остро заточенный карандаш и махал им перед носом Амадео. На дереве виднелись плохо отмытые красные потеки.

— Это твой?

— Нет. Не мой.

— Не смей врать, карандаш найден в твоей камере.

— Я не вру. Это не моя собственность.

— Обращайся ко мне "господин надзиратель", если не хочешь, чтобы он стал собственностью твоей глазницы.

— Я не вру, господин надзиратель, карандаш не мой, — терпеливо повторил Амадео.

— А чей же? Торна?

— Уверен, что и не его тоже, господин надзиратель.

— Тогда откуда он взялся? Эту камеру вы делите на двоих, сладкая парочка.

— Не имею ни малейшего понятия, господин надзиратель, — голос Амадео оставался спокойным, что еще больше разозлило Бенедикта, который прыгал вокруг Роджерса, как разъяренный кролик.

— Хватит препираться! — рявкнул он, в порыве ярости достав дубинку. Лицо на мгновение перекосила странная гримаса, однако он справился с собой. Дубинка снова отправилась в кольцо, закрепленное у пояса, а Амадео получил удар в живот рукоятью фонаря. — Это твое, сознавайся! Ты у нас библиотекарь, чего стоило припрятать один, а потом воткнуть в глаз Уильямсу!

Амадео разогнулся, даже не поморщившись. Это еще больше взбесило Бенедикта.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, Солитарио, или я сочту твое молчание за неповиновение приказу!

— Снимите отпечатки пальцев, если не верите, господин надзиратель, но я уверяю вас, что карандаш мне не принадлежит. В библиотеке используется другая марка, вы можете легко это проверить, — сказал он, на этот раз глядя прямо в глаза Бенедикту. — И письменные принадлежности используются строго под надзором охраны.

Бенедикт и Роджерс пытали его внимательными взглядами, но Амадео даже не шелохнулся. Йохан потирал бок и одними губами что-то шептал, не отворачиваясь от стены, так как ему на это разрешения не давали.

— Да он врет! — наконец взорвался Бенедикт. — Это его камера, кто заходил туда

кроме него и Торна?

— Подожди, не ори, Бенедикт, — прервал его Роджерс. — То есть, ты утверждаешь, Солитарио, что карандаш, который наверняка использовался как оружие, тебе подкинули.

— Да, господин надзиратель.

— И кого же ты в этом подозреваешь? — лицо Роджерса осталось непроницаемым, однако в глазах мелькнул огонек.

— Наши камеры регулярно убираются, господин надзиратель, — Амадео бросил едва заметный, но от этого не менее красноречивый взгляд на фонарь в руке Бенедикта. — Спросите у уборщиков.

Бенедикт размахнулся и снова ударил Амадео.

— Ты самый умный, что ли? Кто будет разбираться с такой мразью, как ты? За нарушение правил потопаяешь в карцер, все ясно?!

— Не вижу необходимости, господин надзиратель, — хладнокровно ответил Амадео, ничем не показывая, что ему больно. — Я ничего не сделал, чтобы попасть туда.

— Ну все, Солитарио, на этот раз ты нарвался, — Бенедикт схватил его за плечо свободной рукой, однако тут же убрал ладонь. На лице снова промелькнуло то же странное выражение, что и минуту назад.

— Хватит, — оборвал его Роджерс. — Похоже, не врет, это действительно не его. Тогда откуда взялся этот карандаш?

— Не хочу с этим разбираться, оружие найдено под его матрасом, и...

— Давай хотя бы оставим это до утра. Мы перебудили половину блока.

Слова Роджерса не были преувеличением. Большинство заключенных проснулись от шума и торчали у решеток, с любопытством глядя на разыгравшуюся сцену.

— Вы что, выспались?! — рявкнул на них Бенедикт. — А ну живо досматривать свои детские сны!

Амадео и Йохану милостиво разрешили вернуться в камеру. Матрасы, одеяла и подушки валялись на полу, больше ничего не тронуты. Амадео привел кровать в порядок и улегся. Вряд ли надзиратель Роджерс так просто поверил словам Кудрявого о ссоре Уильямса с Йоханом. Кто-то специально дал наводку на их камеру.

— И почему Бенедикт решил убрать фонарь в такой тьме? — пробормотал он, укрываясь одеялом.

— А? — мгновенно отреагировал с верхней кровати Йохан.

— Ничего. Спи.

Сосед засопел практически мгновенно. Амадео же еще долго лежал без сна.

* * *

Наутро Амадео, не дав толком проснуться, поволокли на аудиенцию к начальнику тюрьмы. Убийство заключенного накануне не успело наделать много шума — больше половины блока еще видело сладкие сны, но Амадео то и дело ловил любопытные взгляды сквозь решетчатые двери камер. Кудрявый широко улыбнулся ему и сделал неприличный жест.

Конрад Эфрейн выглядел так, будто не спал всю ночь. Амадео подозревал, что так оно и было — на щеках начала проступать щетина, будто Эфрейн не успел побриться, рубашка

застегнута не на все пуговицы. Большой клетчатый платок так и мелькал в руках.

— Ну-с, Солитарио, — он указал Амадео на стул. — Начинай. Что случилось вчера в блоке С?

— Надзиратели подняли нас вскоре после отбоя и объявили, что совершено убийство.

— А потом? Что произошло после того, как они снова отправили вас спать?

— Меня и моего сокамерника разбудили чуть позже, чтобы обыскать камеру.

— С какой целью? Вам сказали?

— Нет.

— Надзиратели нашли что-нибудь?

Амадео ждал этого вопроса. Эфрейн, разумеется, был в курсе всего, что произошло, однако хотел выслушать версию другой стороны.

— Карандаш. Под моим матрасом.

— И ты сказал, что он тебе не принадлежит, не так ли?

— Да.

— Он действительно тебе не принадлежит?

— Ни в коем случае.

— Но ты заведешь библиотекой, а там полно письменных принадлежностей.

— Они выдаются только надзирателями и подлежат обязательному учету. И потом, я хорошо разглядел карандаш, когда надзиратель Роджерс показывал мне его. Такие карандаши производятся фирмой "Форресто". В нашей же библиотеке — "Дримо". Я уже говорил об этом надзирателю Роджерсу.

Эфрейн снова вытер вспотевший лоб платком. Эта ситуация не доставляла ему ровно никакого удовольствия, и он предпочел бы просто пустить все на самотек и наказать того, на кого пало подозрение, однако Амадео Солитарио был не простым заключенным, а отпрыском знаменитой семьи. Так ли нужна тюрьме подобная реклама?

— Месяц назад к тебе приходил брат, — заметил он скорее для проформы, нежели для установления истины. — Он мог передать карандаш.

— Он ничего мне не передавал. Хотел, чтобы я подписал кое-какие бумаги, но карандашом для этого не пользуются. Охрана, присутствовавшая тогда, может подтвердить, что он так и не передал мне ни бумаг, ни ручку.

Эфрейн молчал, изучая Амадео. Тот держался хладнокровно и слишком спокойно для человека, только вчера совершившего убийство.

— Скажите, начальник Эфрейн, — Амадео наклонился чуть вперед. — На карандаше найдены следы крови? Вы наверняка отправили его на экспертизу, чтобы убедиться, то ли это оружие, которым был убит заключенный, не так ли?

Эфрейн протер лоб платком.

— Солитарио, я, кажется, говорил, что ты слишком настырный. Это материалы расследования, с чего мне делиться такой информацией?

— Начальник Эфрейн, от вашего ответа зависит моя невиновность, ничего удивительного, что я хочу знать больше. Вы ничем не рискуете, за пределы тюрьмы эта информация не выйдет при всем моем желании.

Эфрейн складывал и снова разворачивал платок. Обычно он не цацкался с заключенными, этими отбросами, не заслуживающими ни единого доброго слова, но к Солитарио питал неизъяснимое чувство. Что-то вроде уважения, если это слово можно применить к убийце. В прошлый раз попустительствовал ему с библиотекой, заказав новую

литературу, затем разрешил внедрить практику по досрочному освобождению, которую тот предложил. Каким образом этому сосунку удастся вызывать такое доверие? Уж точно не своим смазливym личиком, которое у многих здесь вызывало одно, вполне естественное желание — сделать его менее привлекательным. Кто-то уже постарался на этот счет — небольшой шрам виднелся на лбу и терялся в волосах, аккуратно убранных в хвост.

Так в чем же секрет этого странного убийцы? Все дело в том, наконец решил Эфрейн, что все свои предложения Солитарио умело аргументировал, не оставляя ни малейшей лазейки, ни единой причины для отказа. И где только он этому научился?

— Я никуда не отправлял этот карандаш. Пока что, — ответил начальник тюрьмы, решив, что вреда не будет, если заключенные получают повод для сплетен. Надо же им чем-то занимать свое время. Разумеется, он не упомянул, что не собирается давать делу ход. Пусть эти звери перебьют друг друга, если им так хочется. — На нем действительно кровь, которую вроде бы пытались отмыть, но принадлежит она убитому или нет — вопрос открытый. И это еще одна причина, почему на тебя до сих пор не заведено новое дело, Солитарио.

— То есть, вы не знаете, чья именно это кровь, — утвердительно сказал Амадео. — Возможно, она не имеет никакого отношения к убитому, однако вполне может принадлежать убийце или кому-то еще.

— Клонишь к тому, что тебя подставили, но кому это нужно?

Амадео помолчал, делая вид, что усиленно думает, затем покачал головой.

— Понятия не имею.

Эфрейн, которого порядком утомила эта болтовня, сложил платок и сунул в нагрудный карман. Он хотел лишь добраться до дома, рухнуть в кровать и ближайшиe восемь или девять часов не слышать ничего об этой проклятой тюрьме.

— Ладно. Можешь идти.

Амадео склонил голову в знак благодарности и направился к выходу. Взявшись за ручку, обернулся.

— Вы хорошо заботитесь о своих людях, начальник Эфрейн, и я не могу не сказать вам, что надзиратель Бенедикт поранил руку. На вашем месте я бы посоветовал ему обратиться в медпункт. Он мужественно терпит, и это делает ему честь, однако если начнется воспаление, он не сможет выполнять свои прямые обязанности. К сожалению, я не рискну давать ему советов, поэтому ставлю в известность вас.

Эфрейн устало уронил голову на раскрытую ладонь.

— Хорошо, Солитарио, я ему скажу. Топай уже, пока я добрый.

— Какого черта ты промолчал, Солитарио? — прошипел ему в ухо Роджерс. Они направлялись обратно в блок. Позади шел Кортес, впереди — Бенедикт. Роджерс шагал рядом, крепко держа Амадео за локоть, будто тот мог сбежать или выкинуть какую-нибудь глупость. — Знаешь ведь, кто это сделал, черт побери, даже дураку ясно! Чего ты добиваешься?

— Я не знаю, кто за этим стоит, господин надзиратель, — Амадео безмятежно смотрел в спину Бенедикту. Тот чуть повернул голову, прислушиваясь к разговору. Правая рука покоилась в кармане форменных штанов.

— Все ты знаешь! — вскипел Роджерс. — И не смей со мной в игры играть, я тебя насквозь вижу!

— Если так, то не давайте повода другим думать, будто я в курсе, — тихо, почти не

разжимая губ, ответил Амадео. — Не все надзиратели добросовестно выполняют свою работу.

Роджерс на мгновение сильнее стиснул его локоть. Затем, ни слова не говоря, разжал пальцы.

Когда Амадео зашел в камеру, он склонился над замком, делая вид, что проверяет его, и тихо произнес:

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Солитарио.

Тот едва заметно кивнул.

Допрос с пристрастием

— Пас мне! Я открыт! — крикнул Йохан.

Амадео бросил мяч другу. Тот подпрыгнул и зашвырнул мяч в кольцо.

— Ха! — он ударил по ладони товарища по команде. — Ведем десять-пять, победа у нас в кармане! Сегодня я разживусь сигаретами.

— Не слишком зарывайся, Торн, — поддел заключенный из команды противника. — Игра еще продолжается.

— Лучше приготовь выигрыш, Пальяно! — расхохотался Йохан. — Придется тебе пару дней прожить без курева!

Амадео выдохнул белое облачко пара и потуже стянул волосы на затылке. Сегодняшняя игра складывалась в их пользу, и друг пребывал в отличнейшем настроении. Но нельзя расслабляться, игра еще не окончена. В любую минуту расклад может смениться.

После убийства Криса Уильямса прошло четыре месяца. К разочарованию Амадео, начальство тюрьмы не стало расследовать преступление, списав все на несчастный случай. Правда, Бенедикта отправили на больничный без сохранения месячного жалования, и теперь он, злой, как тысяча чертей, не мог пройти мимо Амадео, не ударив его, не подставив подножку или просто не осыпав оскорблениями. Но Амадео только улыбался в ответ, чем еще больше выводил надзирателя из себя.

— На кой черт ты злишь его, Солитарио? — высказывал ему Роджерс. — Бенедикт — как бешеная собака, стоит только спровоцировать...

— Эта бешеная собака сидит на цепи, господин надзиратель, — отвечал Амадео. — Однажды она уже попыталась сорваться с поводка, но получила удар током. Второй раз попытка не повторится — вряд ли Бенедикту хочется оказаться на месте заключенных, которых он нещадно мучает. Сейчас его авторитет кое-что значит, но, надень он тюремную одежду — и ему припомнят все издевательства.

Несмотря на спокойствие Амадео, Роджерс не терял бдительности. Бенедикт уже давно внушал ему опасения, и стговор с Кудрявым, который хотел во что бы то ни стало навредить пареньку, стал последней каплей. Но надзиратель и правда вел себя на удивление смирно, и Кортес, которого Роджерс попросил приглядывать за Бенедиктом, ничего необычного не замечал.

— Эй, Солитарио! — крикнул заключенный по фамилии Криденс. Он играл в команде противника на позиции защитника. — Тебя там какой-то парень требует. Говорит, хочет книжку заказать.

Амадео оглянулся. У скамейки стоял, обхватив себя руками, худенький парнишка. Редкие волосы шевелились на ветру, и его самого, казалось, вот-вот сдует. Он поднял тощую руку в приветствии, и Амадео заметил синяк на локтевом сгибе — несмотря на холод, мальчишка был в одной футболке.

Йохан нахмурился.

— Кто это?

— Я видел его раньше, все в порядке. Играй дальше, я сейчас приду.

— Уверен?

— Да, — Амадео отделился от толпы игроков и подошел к парню. Тот уставился на

него мутным, как у дохлой рыбы, взглядом. Хочет попросить книгу? Да этот наркоман вряд ли умеет читать.

Тот улыбнулся, показав подгнившие зубы.

— Ты Солитарио? Библиотекой заведешь, да? — парень жутко нервничал и постоянно оглядывался по сторонам, почесывая локти.

— Да, — ответил Амадео, уже зная, о чем дальше пойдет разговор. — Что тебе нужно?

На губах собеседника мелькнула кривая ухмылка.

— Ну, книжку... Только с сюрпризом в переплете, понял?

— Я не работаю с наркотиками, — перебил Амадео. — Обратись к тем, кто этим занимается.

— Да ладно, это же так просто! Никто ничего не узнает, правда, я заплачу, сколько потребуется...

— Деньги меня не интересуют. Если считаешь, что это просто, доставай сам.

— Вот противный какой... — фыркнул парень, отходя. — И дружка себе под стать нашел.

Амадео проводил его хмурым взглядом. Когда он только начинал работать в библиотеке, к нему часто обращались с подобными просьбами, и обычно хватало пары слов, чтобы не приставали. Но этот новичок оказался подозрительно настырным.

Амадео нахмурился. Новичок? Насколько он помнил, этот мальчишка сидел здесь уже без малого полгода и наверняка осведомлен о правилах.

В следующее мгновение внутренности Амадео скрутило в тугий узел. Юный наркоман подошел к Кудрявому и заговорил, радостно кивая. Затем в руку парня перекинул какой-то пакетик.

Кудрявый поймал взгляд Амадео и ухмыльнулся, приставив палец к виску, как пистолет. И одновременно раздался крик.

— Начальник! Эй, начальник!! Тут человека убили!

Амадео повернулся к игрокам и в следующее мгновение уже расталкивал их локтями, стремясь пробиться к пострадавшему и молясь, чтобы угроза прошла мимо. Но нет. Посреди площадки на боку лежал Йохан. Между ребер торчала заточка, кровь капала на серый бетон.

— Йохан! — Амадео приподнял его. — Йохан!

Глаза друга были закрыты, лицо побледнело. Амадео потянулся к заточке, но в нерешительности остановился. Не вызовет ли это большее кровотечение?

— Отойдите! — рявкали надзиратели, расталкивая толпу. — Живо, прочь, пока не загремели в одиночку! Солитарио, пошел вон!

Амадео не слышал. Он судорожно пытался нащупать пульс, но пальцы так дрожали, что ничего не выходило.

— Солитарио!! — заорал Роджерс. — Свали, пока я тебя не упек в карцер!

Амадео отбросили в сторону. Он хорошенько приложился о бетонный блок, огораживающий баскетбольную площадку, но даже не заметил прострелившей спину боли. Йохана уложили на носилки и унесли. Заключение столпились в центре площадки и возбужденно переговаривались.

Амадео поднялся на ноги, глядя вслед надзирателям и с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься следом — в медпункт его все равно не пустят. Положив испачканную в крови ладонь на плечо ближайшего игрока, спросил:

— Кто это сделал? Ты видел?

Заклученный (им оказался сорокадвухлетний Пако Росса, он обитал в камере напротив) покачал головой.

— Нет, все произошло слишком быстро. Торн побежал за мячом, улетевшим к зрителям, и там его кто-то пырнул. Он успел доковылять до нас, и только потом упал. Мы и не поняли ничего, пока не увидели кровь.

— Ясно. Спасибо, — Амадео отошел в сторону, выслушивая по пути ненужные слова сочувствия и перешептывания за спиной.

На бетонной площадке остались капли крови, которые Амадео попытался стереть, но они уже успели застыть. Его охватила адская злость: на Кудрявого, на его дружка-наркомана, который сыграл роль отвлекающего, на товарищей и противников по команде, которые не поняли, что происходит, и, прежде всего, на самого себя. Мог бы и догадаться, что дело тут нечисто.

— Где твое хваленое умение разбираться в людях?! — прорычал он. Заклученные оглядывались, перешептывались, но ему было наплевать.

У здания тюрьмы он едва не столкнулся с Кудрявым. Позади маячил парень, пытавшийся купить у Амадео наркотики.

— Что, не повезло твоему дружку, да? — прогрохотал Кудрявый. — Надо играть осторожней и не спотыкаться. Кто знает, на какую дрянь наткнешься.

— Да, на таком грязном дворе это немудрено, — лебезил рядом наркоман. Амадео наконец вспомнил его фамилию — Стингер. — Всякое случается, несчастные случаи...

Амадео сжал кулаки. Как же хотелось расквасить эти самодовольные физиономии! Наркоман специально отвлекал внимание, пока один из подельников Кудрявого пытался убить Йохана.

— Дрянь? — прошипел он. — Ты себя имеешь в виду? Как самокритично.

— Че ты сказал? — взвизгнул за спиной Кудрявого Стингер. — Ты на кого бочку катишь?!

— Тихо! — осадил его Кудрявый. — Аристократ в шоке и не отвечает за свои действия. Не так ли, Аристократ? Свиты ты лишился, поэтому почаще оглядывайся. Как бы не попасть в гарем к султану.

Стингер расхохотался во всю мощь своих хилых легких. Кудрявый вторил ему басом.

Амадео размахнулся и врезал в солнечное сплетение Кудрявому, разом оборвав смех.

— Если считаешь, что король без свиты ничего не стоит, ты ошибаешься, — наклонившись, прошептал он. Ушибленная спина сопротивлялась такому обращению, но в ярости Амадео не замечал ничего. Нос Кудрявого он зажал между указательным и средним пальцами, вывернув его в сторону. — Не следует расслабляться, мразь, потому что если Йохан умрет, тебе тоже не жить.

— Ты же... — пискнул Кудрявый, безуспешно дергая головой. — Ты же не убийца...

— Ради такого дела я им стану. Попробуй только подойти к нему, и я за себя не отвечаю.

Стингер вопил, созывая охрану, но Амадео уже шел к медпункту.

* * *

Йохан мрачно разглядывал повязку, тыкая в нее пальцем. Вот неудача так неудача. И

как он только не заметил приближающегося к нему дружка Кудрявого? Видимо, слишком увлекся игрой.

В таком месте нельзя терять бдительность, отругал он себя. Ты здесь уже больше года, пора уже знать, что это не просто грязная улица, а еще более грязная тюрьма. Здесь тебя убьют не ради выживания, а потому, что нечего терять.

Еще и подвел Амадео. Как он там один? Йохан надеялся, что Кудрявый до него не добрался.

— Торн. К тебе посетитель, — возвестил врач, пробегая мимо с охапкой документов.

— Привет, — Амадео присел на кровать. — Как себя чувствуешь?

— Накачали обезболивающим, так что вполне сносно, — Йохан внимательно изучал друга. — А ты как?

— А что со мной будет? — вопросом на вопрос ответил Амадео.

— Ну... Никто не лез?

— Нет. Не беспокойся на этот счет, все в полном порядке. Что говорят врачи?

— Жить буду, — криво усмехнулся Йохан. — Но, понятное дело, этого ублюдка наказывать никто не станет. Здесь подобное часто случается, сам знаешь.

— Сколько тебе еще здесь лежать?

— Около месяца, заточка глубоко вошла. Чудом ничего важного не повредила.

Амадео едва заметно поморщился.

— Говоришь, никто не станет наказывать преступника? Почему?

— А что ему сделают? Добавят срок? Обычно на такое идут закоренелые преступники, которым нечего терять. Ты же помнишь, как было с Уильямсом, — Йохан махнул рукой и скривился от боли. — Ой...

Амадео поднялся и подошел к зарешеченному окну. Похоже, Йохан и не догадывался, кто стоял за этим преступлением. Или тщательно скрывал, что знает. Но Амадео уже решил, что в скором времени разберется с Кудрявым раз и навсегда. Если раньше дело касалось лишь его одного, то теперь в разборки оказался втянут Йохан, а этого Амадео простить не мог.

— Я пойду, — он развернулся и пошел к двери. — Тебе нужно больше отдыхать.

Йохан схватил его за запястье, скривившись от боли, которую причинило резкое движение. Амадео обернулся.

— Что случилось?

— Амадео, дай мне слово, что не будешь мстить, — тихо сказал Йохан. — Я понимаю, что Кудрявый и его банда заслужили это, но я того не стою.

Внезапно Амадео разозлился на Йохана. Его едва не убили, а он считает, что его жизни ничего не стоит?!

— Да как ты смеешь говорить такое! — воскликнул он, вырывая руку. — Считаешь, раз оказался в тюрьме, то жизнь кончена? Многие совершают ошибки и расплачиваются за них, но это не значит, что ценность твоей жизни становится равна нулю из-за того, что ты случайно отнял ее у кого-то другого!

Йохан таращился на него, ошеломленный вспышкой ярости.

— Я... Я вовсе не...

— Ты убеждаешь меня оставить все как есть, чтобы в следующий раз Кудрявый повторил попытку и на этот раз не промахнулся. Ты этого хочешь, Йохан?

— Нет! — выкрикнул он. — Но я не хочу, чтобы ты становился настоящим убийцей из-

за меня!

Амадео раздраженно фыркнул.

— Я не собираюсь его убивать. Что за глупости ты говоришь?

— Тогда оставь все как есть. Пожалуйста, Амадео. Тебе не нужно...

— Прости, Йохан. Но не могу. Однажды я уже совершил подобную ошибку — пустил все на самотек и в результате потерял отца. С меня хватит. Когда, ты сказал, тебя выписывают?

— Через месяц, но...

— Буду тебя ждать. Не беспокойся, со мной ничего не случится.

* * *

Амадео опустил на скамью и раскрыл книгу. Погода сегодня была не очень — постоянно дул пронизывающий ветер, да и солнце то и дело скрывалось за облаками, но взаперти он сидеть больше не мог. Хотя после происшествия с Буйволом прошел год, клаустрофобия только обострилась, и теперь он при каждой возможности старался покинуть камеру, которая казалась теснее, чем раньше. А без Йохана, который все еще пребывал в лазарете, сидеть там было еще хуже.

Его стараниями в библиотеку регулярно завозили новую литературу, и теперь он стремился поскорей начать с ней знакомиться. Потребовалось три письменных прошения к начальнику тюрьмы, однако он во второй раз добился, чего хотел. С пугающей легкостью. Мысли о том, что могла сработать его знаменитая фамилия, он гнал подальше.

Скамейка вздрогнула: рядом сел заключенный, на куртке которого красовался номер: двести семьдесят. Невысокий сухощавый мужчина, на лбу небольшие залысины. Острый нос нацелился на площадку для баскетбола, будто заключенный случайно присел отдохнуть рядом и посмотреть на игру. Однако Амадео сразу понял, что это не так.

С минуту он разглядывал скачущих по площадке игроков. Амадео снова углубился в книгу, однако не понимал ни слова из прочитанного — слишком велико было любопытство. В конце концов, он отложил ее и наклонился вперед, оперевшись локтями о колени.

— Оглянись вокруг, — номер двести семидесятый, нимало не стесняясь, обвел рукой дворик. Амадео заметил несколько заинтересованных взглядов. Остальные вели себя более сдержанно, лишь изредка поглядывали в их сторону. — Все знают, что если я подсел к тебе, то тебя уже нельзя трогать. Можешь не беспокоиться насчет Кудрявого и его компашки. Ни шагу не сделают. Твой друг надолго застрял на больничной койке, так что мое покровительство лишним не будет.

— С чего такая милость? — Амадео выпрямился и посмотрел на мужчину из-под полуприкрытых век. Пялиться прямо в глаза — агрессивный выпад. Отводить взгляд — показать, что боишься.

— У меня к тебе дело. Заведуешь библиотекой, так?

Амадео кивнул, хотя вопрос напоминал скорее утверждение.

— Знаешь, чем я промышляю? — продолжал спрашивать номер двести семьдесят.

— Продажа сигарет, наркотиков, мелочевки, не столь необходимой, однако не лишенной приятностей, — ответил Амадео — Игральные карты, кости, порножурналы, а также индивидуальные заказы. В пределах разумного.

— Неплохо осведомлен, — мужчина рассмеялся. — Что еще раз доказывает: хоть ты и строишь из себя неприступного принца, не желающего лезть в тюремные дела и спокойно мотающего срок, на деле все подмечаешь. К тому же не крысятничаешь, не стучишь, не нарываешься на кого попало. Хорошие качества для моего помощника. Как считаешь?

Предложение ничуть не удивило Амадео. Он знал, что рано или поздно подобное произойдет, и не видел резона отказываться. Как-никак, жизнь не кончена, когда-то он выйдет из этих стен, и прежде всего ему понадобятся связи. Об этом всегда твердил отец.

— Ну, так что? — собеседник попыхивал сигаретой. — Если откажешься, ничего страшного. Кудрявый с его девочками к тебе все равно лезть не будут. И остальные тоже. Это чисто деловое предложение со свободой выбора.

— Меня это не беспокоит, — отозвался Амадео. — И уж точно не является причиной моего ответа. Я согласен.

— Вот это дело! — обрадовался номер двести семьдесят. — Тогда будем знакомы. Называй меня Чип, — он протянул огромную ладонь, никак не соответствующую общему, довольно тщедушному виду, и Амадео пожал ее.

— Почему вы выбрали меня? — спросил он.

— Библиотека, — Чип рассматривал трещины на старой скамейке. — Старик Годфрид не желал иметь со мной никаких дел, а между тем гораздо легче провозить товар вместе с книгами и прочей печатью. Ну и, конечно, твои организаторские способности. Я слышал, ты добился того, чтобы регулярно завозили новые книги. У местного начальника снега зимой не выпросишь, вот я и удивился. И еще, насколько я понял, ты сечешь в азартных играх. Если захочешь стать местным воротилой в этом деле, могу подсобить.

— В каком смысле? Обеспечишь мне охрану? — Амадео не сдержал усмешки. — Здесь играют только в покер и двадцать одно. В основном на сигареты, деньги редко в ходу.

— Верно, — Чип наклонился к нему и заговорщически подмигнул. — Но сигаретами-то будешь заведовать ты.

* * *

Так Амадео стал сначала помощником, а затем, когда Чипа перевели в блок для условно освобождаемых, и вовсе занял его место. Контрабанда в тюрьму проникала очень легко — Чип не зря нацелился на библиотеку, которая благодаря Амадео каждый месяц получала новые журналы и газеты, а каждый квартал — несколько книг. Вместе с печатной продукцией в коробках провозили все, что угодно — нужно было лишь передать список одному из надзирателей. Естественно, за определенную плату, поэтому посылки каждый раз свободно проходили в тюрьму без дополнительных проверок. Об это позаботился Роджерс, который строго следил за содержанием коробок.

Как и говорил Чип, Амадео больше не трогали, даже после того как сам он перевелся в другой блок. К тому времени Амадео уже успел заработать отличную репутацию, и если находились недовольные, их предупреждали не совать нос в его дела. Плюс ко всему, Амадео следил за азартными играми, которые были в ходу в тюрьме. Чаще всего играли в покер и блэкджек, и он отслеживал шулеров и нарушителей правил, получая за это пять процентов с каждого выигрыша, который, вдобавок к сигаретам, составляли теперь и деньги. Со временем он натаскал пару ребят помладше, чтобы не проводить все время за игорным

столом. Надзиратели не обращали внимания на его кипучую деятельность — они получали свою прибыль. Об этом он сразу договорился через Роджерса. Не хотелось застрять в самом начале из-за разногласий с теми, кто мог за малейшую провинность упечь его в карцер. Поначалу было страшновато даже намекнуть о таком, но красноречие Амадео и тут сыграло на руку, и благосклонность Роджерса тоже пошла на пользу. Чип оказался прав: все работники тюрьмы были насквозь продажными. Амадео это полностью устраивало. Он наконец смог заняться делом, а не терять время зря.

Единственное, от чего он отказался сразу — наркотики. Пришлось бы увеличить долю надзирателей, плюс ко всему наркоманы, сидящие бок о бок, рано или поздно воткнут заточку тебе под ребра, если вовремя не дашь дозу. Доверять им нельзя. Подставлять спину — тоже.

Но главной причиной все же оставалось то, что тем же самым промышлял и Ксавьер Санторо. Так или иначе, в тюрьму наркотики попадут с его складов. Он получит прибыль. А этого Амадео допускать не собирался.

Поэтому ограничивался лишь сигаретами и всевозможными мелочами. Дополнительные деньги заключенные получали от родственников и друзей, приходивших навестить их раз в месяц, администрация тюрьмы смотрела на все сквозь пальцы, что было, несомненно, на руку Амадео.

— Зачем ты этим занимаешься? — спросил у него Йохан. Они играли в карты на больничной койке, Амадео обучал его различным шулерским приемам. — Ты же наследник крупной компании, к чему такое рвение?

— Во-первых, Йохан, от моего наследства ничего не осталось, — ответил Амадео, в третий раз мастерски оставляя Йохана в дураках. — Я не вступил в права наследования в течение года, потому и лишился его. Ты снова не заметил мое жульничество, будь внимательней. А во-вторых, мне попросту скучно. Время тянется медленней, когда не занят делом, а куковать мне тут еще почти три года. Если хочешь, могу и тебя взять в долю.

— Я не торговец, — рассмеялся Йохан. — Да и в деньгах особого смысла не вижу. Лучше буду твоим телохранителем.

— Да? — Амадео едва заметно усмехнулся. — Раз тебе не нужны деньги, что ты хочешь в качестве оплаты?

— Сигареты. Любые из тех, что можно достать в этой дыре. Конечно, "Камальон" тут не добудешь, но...

Усмешка тут же сползла с лица, и Йохан это заметил. И в очередной раз отругал себя за длинный язык. Правильно говаривала его мать, что сын слишком болтлив, и до добра это не доведет. Однако Амадео уже овладел собой, на лице вновь появилось равнодушно-вежливое выражение.

— Да, "Камальон" тут не достанешь, пожалуй, — сказал он.

— Они и на воле были мне не по карману, — ответил Йохан даже слишком поспешно. — Но помечтать не вредно, а? Так что, возьмешь на работу?

— Договорились, — уголки губ Амадео чуть приподнялись.

— И все же круто ты все в оборот взял, — восхищенно пробормотал Йохан, сдавая карты. — Мне бы такие мозги...

Но не деньги имели первостепенное значение. Амадео добился самого главного — неприкосновенности. Теперь ни недоброжелатели, ни надзиратели даже не смотрели в его сторону. Первым, хоть и хотелось почесать кулаки о смазливое личико этого новоявленного

торгаша, сразу же грозил карцер, а то и темная от вторых, которые пресекали любые попытки навредить ему. Но все же Йохан решил быть настороже. Постоянно появлялись новые заключенные, которым надо было объяснить, что к чему.

Сезар швырнул в зятя пепельницу. Тот успел развернуть кресло, и осколки полетели в разные стороны.

— Ты что себе позволяешь, Лукас?! — завопил он. — Как смеешь разбазаривать мою собственность?! Кто дал тебе право проворачивать за моей спиной грязные делишки?!

Лукас съежился в кресле, мечтая, чтобы черная кожа поглотила его, и не пришлось выслушивать всю эту пакость. Кабинет начальника службы безопасности, в котором бушевал сейчас глава "Вентины", представлял собой тесную комнатку без окон. Здесь едва помещался стол и два стула, под потолком лениво вращался вентилятор, раскачивая единственную лампочку.

— Я с тобой говорю! Отвечай, когда спрашивают!

— Я... — в горле встал ком. С трудом сглотнув его, Лукас попытался выпрямиться, чтобы не выглядеть нашкодившим школьником, однако рядом с Сезаром это никогда не удавалось как следует. А сейчас он вдобавок возвышался над Лукасом, загораживая собой прыгающий свет.

— Я принял тебя обратно в семью, отдал тебе свою дочь, устроил на престижную должность — и ты смеешь меня обворовывать?

— Да вы не платите мне ни хрена! — вдруг прорвало Лукаса. — Да, должность хорошая, но денег она не приносит! Что удивительного в том, что я решил подзаработать на стороне?!

— Да хоть на трех сторонах! — рявкнул Сезар. — Но ты решил продать мою собственность без моего ведома! Это называется воровство, жалкий ты отброс!

— Оно стоит гроши, а у вас договор. Можете заказать еще хоть миллион этих чертовых фишек!

Глаза Сезара сузились. Краснота ушла с лица, уступив место мертвенной бледности.

— Считаешь, что украденные тобой фишки, колоды карт, кости стоят немного, и я запросто могу возместить их стоимость? В этом ты прав. Но они — собственность моего казино, Лукас. И не тебе распоряжаться ими. Ты ворующь у меня, пусть даже по мелочи, но ворующь. Я не могу этого так оставить. Кому ты их продал? Отвечай.

— Я не знаю...

— Впарил их, и не знаешь кому?

— Ну... Фишки маркированные, если кто-то попытается использовать их для игры в ваших казино, их сразу най...

Сезар сел на стул. Плечи опустились, он устало смотрел на Лукаса, вдруг разом постарев лет на десять.

— Моя дочь выбрала в мужья полного идиота. Ты когда-нибудь слышал о подпольных казино? О тюремных? Какая им разница, откуда взялись фишки? — внезапно он рассмеялся. — Моими уникальными фишками будут играть зеки! Великолепно!

Лукас обескураженно теребил воротник рубашки. Он и не думал, что продажа мелкой партии фишек и игральных карт повлечет за собой такой скандал. Он и раньше

подворовывал, и теперь выходило, что Сезар обо всем знал, но ничего не предпринимал, позволяя зятю тешить самолюбие. Это, судя по всему, оказалось последней каплей.

— Еще один прокол с твоей стороны, Лукас, и я вытолкаю тебя в шею.

— Вы не можете! — Лукас самодовольно ухмыльнулся. — Забыли? Репутация семьи Лаэрте сильно страдает, если ваша дочь подаст на развод второй раз.

Сезар сжал губы. Разумеется, он принял Лукаса в семью лишь затем, чтобы упрочить свою репутацию, и теперь этот щенок вертел им, как хотел, мстил за невыгодную должность, как только мог. Но чаша терпения когда-нибудь должна переполниться. Лукас сильно зарывался. Детектив, работающий при отеле и расследующий внутренние преступления, не раз докладывал о мелком воровстве со стороны начальника службы безопасности. Сезар закрывал на это глаза, посчитав меньшим из зол, однако теперь Лукас перешел черту, запустив лапу в сейф казино. Да, эти куски пластмассы ничего не стоили вне сети "Вентина", однако Сезара коржило от одной мысли о том, что грязные шулера и закоренелые преступники прикоснутся к его детищу, пусть даже через фишки или карты.

— Мне наплевать на общественное мнение. Ты легко вернулся, Лукас, даже слишком легко. Настолько же легко будет от тебя избавиться при необходимости, — усмешка тестя не предвещала ничего хорошего.

И вот тут Лукас испугался. Перед ним наконец раскрылся весь ужас его положения. Он жил в доме Сезара, занимал одну из высших должностей в его казино — но так и остался никем. С Викторией они спали в разных комнатах, лишь иногда здороваясь, когда пересекались в коридоре. Подчиненные его ни во что не ставили, выполняя указания заместителя. Зарплата оставляла желать лучшего, что и привело в конце концов к этому позору.

Лаэрте ничего не стоило приказать своим громилам избавиться от него. Почему нет? Списать все на несчастный случай, на неисправные тормоза в машине, на шторм во время катания на яхте. Выстрел — и он отправится кормить рыб на морское дно, а в газетах напишут, что случайно поскользнулся. Даже если тело найдут, Сезар все замнет. Ему ничего не грозит. А до причин смерти Лукаса никто не будет докапываться.

Сезар ждал ответа, скрестив руки на груди. Нос надменно задран вверх, в глазах — лишь холод, ни капли сочувствия. Он никогда не любил зятя. Равно как и Кристоф никогда не любил Викторю. Однако его отец хотя бы умело скрывал недовольство.

— Я все понял, — наконец выдавил Лукас. — Больше не повторится, господин Лаэрте.

* * *

Кудрявый, в миру Грег Сэндерсон, стоял у входа в блок, наблюдая за игрой в баскетбол, и мял в пальцах самокрутку. В прошлый раз все прошло как нельзя лучше, но Аристократу удалось непостижимым образом отвертеться. Он сумел доказать, что карандаш подкинули, и избежал заслуженного наказания. Черт побери, а Кудрявый так надеялся, что этот красавчик задержится тут подольше!

С первого дня появления здесь Кудрявый поставил себя практически на самую вершину тюремной иерархии. В этом, безусловно, помог Буйвол, но скажи такое кто-нибудь в лицо Кудрявому, тот мгновенно перебил бы наглецу нос и свернул челюсть. Он правил этим блоком, и теперь, когда Буйвола перевели в другую тюрьму, стал единоличным заправилкой.

О том, что есть люди, которых даже сам Буйвол запрещал трогать, и которые одним движением пальца могли опустить его и шмякнуть о бетонный пол камеры, Кудрявый предпочел не вспоминать.

Строптивный мальчишка быстро присмирееет после потери своего верного вассала, это стопудово. Пусть шкет выжил, однако в лазарете проведет длительный отпуск. За это время Кудрявый успеет подмять под себя хренова аристократа, который без своего дружка и мизинца не стоит.

От охватившего его восторга Кудрявый так стиснул самокрутку, что тонкая бумага порвалась, и часть табака высыпалась на бетонное крыльцо.

— Мать твою, — ругнулся он под нос, не ощущая, впрочем, ни злости, ни раздражения — все поглотила радость от предвкушения победы над непокорной красавицей.

— Возьми, — раздался вдруг справа чей-то голос.

От неожиданности Кудрявый даже вздрогнул, но тут же овладел собой и с насмешливым видом повернулся к говорившему.

И испытал следующее потрясение. Аристократ, о котором он только что размышлял, стоял, прислонившись к стене рядом, и протягивал сигаретную пачку. Волосы, уже отросшие ниже плеч, были стянуты на затылке, лишь несколько прядей выбилось из аккуратной прически, на красивом лице застыло отсутствующее выражение.

— Чего тут забыл? — не слишком любезно отозвался Кудрявый, раздраженный тем, что сладкие мечты прервали. — Еще и как-то странно себя ведешь.

— Ты уронил сигарету, я решил предложить тебе свою. В чем тут странность?

Кудрявый колебался лишь мгновение, затем выхватил сигарету из пачки и, чиркнув спичкой о стену, прикурил. Амадео, ничуть не изменившись в лице, убрал пачку в карман.

Кудрявый молча курил, разглядывая его. В который раз решил, что личико слишком милое для мужика, хоть тело и в форме — насколько он знал, Аристократ не гнушался тюремного спортзала, а во время прогулок часто играл вместе со своим дружком в баскетбол. Угостив Кудрявого сигаретой, не ушел, а продолжал стоять, чуть отклонившись назад и опираясь на стену, будто чего-то ждал. И это изрядно напрягало. Кудрявый запоздало сообразил, что Аристократ не курит.

— Чего тебе, птичка? — он щелчком отправил недокуренную сигарету в сторону ограждения. Та ударилась о сетку и упала на бетон. Младших за подобные вольности убили бы — сигареты ценились, как ничто другое, бросать бычки, в которых оставался еще хоть миллиграмм табака, считалось тягчайшим преступлением. Но с Кудрявым никто не смел связываться.

— Надо поговорить, — по губам Амадео скользнула легкая полуулыбка. — Только не здесь. Слишком людно. Сможешь прийти в прачечную в девять?

Кудрявый, раскрыв рот, смотрел на него. Амадео отвернулся, сделав вид, что разглядывает баскетбольную площадку. Ветер взметнул выбившиеся из хвоста волосы, и Кудрявый отбросил посторонние мысли. Эта дамочка наконец поняла, кто тут главный, и хочет доказать свою преданность. Широкая ухмылка исказила физиономию.

— Конечно, я приду, красавица, — он поймал прядь волос Амадео и потянул на себя. Тот никак не среагировал, не вздрогнул, не отодвинулся, что еще раз убедило Кудрявого в том, что победа осталась за ним.

— Тогда в девять, — голос оставался все таким же мягким. — Не опаздывай.

Кудрявый пришел даже раньше назначенного времени, но Аристократ уже ждал его. Стоял у гладильного автомата, опустил голову, рядом на столе были аккуратно сложены простыни и полотенца. Охраны поблизости не наблюдалось, наверняка принцесса их подкупила, чтобы им никто не мешал. Тем лучше.

Кудрявый закрыл за собой дверь и, нацепив обычную похабную ухмылку, подошел к нему.

— Ты рано, — сказал Амадео, не поднимая голову. Волосы были распущены и падали на лицо.

— Не мог стерпеть, — ответил Кудрявый, с трудом сдерживаясь, чтобы не повалить его на простыни. — Так что ты хотел мне сказать? Давай быстрее, я ждать не люблю.

Из-за завесы волос донесся тихий смешок, от которого Кудрявого продрал мороз по спине.

— Зря ты пытался убить Йохана, Грег.

В горле вдруг встал ком. Откуда принцесса знает его имя?

— Че... Че ты сказал? — сипло проговорил он.

Амадео поднял голову, и черный лед обжег его с ног до головы. Кудрявый с трудом подавил желание отшатнуться.

— Грег, не надо сейчас глупых отмазок. Ты пытался убить его, — Амадео оттолкнулся от стола и шагнул навстречу Кудрявому.

Тот инстинктивно отступил.

— Не понимаю, о чем ты, Аристократ. Ты же меня видел, я в тот момент...

— Стоял и обсуждал с жалким наркоманом, как здорово получилось меня отвлечь, — холодно сказал Амадео. — А кто-то из твоих дружков в этот момент порезал Йохана. Не смей отрицать, мне все известно.

Кудрявый шагал назад, пока не уперся спиной в дверь. Нашарил ручку, но та не поворачивалась. А черноглазый демон все наступал и наступал на него. Кудрявый даже не подумал о том, чтобы защититься, когда из-за гладильного автомата вышло двое заключенных с самодельными кастетами и небольшими дубинками, завернутыми в полотенца.

— Вы... — пискнул он. — Ты, Солитарио, это ты все подстроил!

— Чудеса логики, Грег, — хладнокровно ответил тот. Как же Кудрявого бесило, когда тот произносил его имя! Словно кусок грязи выплевывал. — А теперь будь умницей, и...

— Черта с два! — взревел он, бросаясь вперед, чтобы навсегда закрыть эти ужасные черные глаза.

В затылке вспыхнула боль, в голове помутилось. Кудрявый смутно осознал, что те двое не были единственными, кого Аристократ позвал на подмогу. Затем все вокруг погрузилось в темноту.

Когда он очнулся, вокруг было темно. Поморгал, чтобы убедиться, что глаза открыты,

но так ничего и не смог разглядеть. Затылок ныл, но, попытавшись потянуться к нему, Кудрявый обнаружил, что связан по рукам и ногам. Приподняться тоже не получалось — грудь перехватывал кусок ткани, наверняка простыня. Кто-то примотал его к столу.

Внезапно вспыхнувший свет резанул по глазам, и Кудрявый зажмурился.

— Проснулся, Грег? — спросил странный, лишенный какого-либо выражения голос.

Наконец глаза немного привыкли, и пленник смог рассмотреть говорившего.

Амадео стоял слева от него, так близко, что Кудрявый мог бы сломать наглецу шею, однако не мог пошевелиться — его спеленали простынями, как младенца.

Амадео склонился над ним, волосы скользнули по щеке Кудрявого. Он инстинктивно дернулся, но путы держали крепко.

— Ты... Ты чего это, Аристократ? — пропыхтел он, безуспешно пытаясь освободиться. — Жить надоело, что ли, или как?

— У меня к тебе несколько вопросов, Грег, — произнес Амадео, и бугай пораженно замер. Из голоса парня ушли все эмоции, он был ровным, без малейшего намека на злость или гнев.

— Если по поводу твоего дружка, то я тут ни при чем, — самодовольно ухмыльнулся он. — Сам упал, сам напорол...

— Прекрати врать, — все тот же безразличный тон. — Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что именно ты организовал покушение. Но у меня еще один вопрос.

— Да чего тебе? — Кудрявый дергал руками, но умело завязанные узлы не ослабевали. Изрядно бесило, что этот тип звал его по имени. Он никогда не считал свое имя чем-то ужасным, однако в устах этого парня оно звучало как "дерьмо". — За информацию надо платить, знаешь ли, — он попытался похабно ухмыльнуться, но вышло скорее жалко, чем пошло.

Лицо Амадео оставалось непроницаемым, и впервые Кудрявому стало страшно. Над столом, к которому он был привязан, горела лишь одна-единственная лампочка, стены скрывались в тени. И оттуда доносилось тихое перешептывание. Кудрявый вспомнил двоих заключенных с невесть откуда взявшимся оружием в руках.

— Подстраховался, да? Привел дружков. Побоялся прийти один, как мужик!

— Ты тоже никогда не действуешь один, Грег, — Амадео вышел за круг света и вернулся, держа в руке полотенце. — Чтобы ранить Йохана, подговорил того наркомана для отвлечения внимания плюс еще кого-то. Тогда, в душе, ты был с Буйволом. Признай, что не можешь ничего в одиночку.

— Да пошел...

— Вот мой вопрос, Грег, — продолжал Амадео, подходя ближе. — Кто заплатил тебе за убийство Уильямса?

Тот на мгновение даже перестал вырываться. Откуда этот сосунок узнал, что именно он прокрался ночью к камере Уильямса, зная, что тот спит головой к решетке, и воткнул в горло заточенный карандаш? Подкупил охрану, и те рассказали? Но Бенедикт тоже получил свою долю и не должен был...

— Хочешь знать, откуда мне это известно? — Амадео наклонился к нему, помахивая перед лицом полотенцем. — Брось, Грег, неужели ты настолько туп? Ты свидетельствовал против Йохана, нужно быть круглым дураком, чтобы не догадаться. Убив Уильямса, ты сознательно подставил меня, но тебе никакой выгоды, если меня переведут в другой блок или посадят в карцер. Кто тебе заплатил?

— Да я тебя ненавижу, Аристок...

— Кто. Тебе. Заплатил? — переспросил Амадео. — Хватит уверток, я вижу тебя насквозь. Ответишь, или мне спросить иначе?

— Вот и попробуй разглядеть, раз я такой стеклянный, — захихикал Кудрявый, все еще храбрясь. — Иди ты в задницу, Аристократ!

Амадео едва слышно вздохнул.

— Ладно. Ты сам напросился. Скотч.

Из темноты высунулась рука с мотком липкой ленты. Амадео оторвал кусок и заклеил рот Кудрявому. Тот вытаращил глаза и бешено замычал.

— Держите его, — скомандовал Амадео. — Чтобы случайно не вырвался.

Из тени выступили четверо. Двоих из них Кудрявый успел разглядеть — они угрожали ему дубинками и кастетами. Тяжелые ладони легли на запястья и лодыжки пленника, прижимая его к столу. Он задергался сильнее, но все было тщетно.

— Знаешь ли ты, что такое пытка водой, Грег? — Амадео встал у изголовья, равнодушно глядя на заключенного сверху вниз. — Это очень жестокая вещь, после которой человек рассказывает все, что ему известно. Тебе будет казаться, что ты тонешь, что вода заливается в легкие. Будешь задыхаться, захлебываться, кашлять, однако это мало поможет, — он заправил прядь волос за ухо. — Твое положение осложняется тем, что у тебя заклеен рот. Носом кашлять не получится.

В глазах Кудрявого отразился неподдельный ужас. Он сделал последнюю попытку вырваться, однако молчаливые лакеи вонючего аристократа держали крепко. Полотенце легло на лицо, и в следующее мгновение холодная вода залилась в нос.

Пытка длилась несколько секунд, однако ему показалось, что прошла пара часов. Наконец полотенце отлепилось от покрасневшей от холода кожи.

— Ну что? — Амадео снова склонился над ним. — Желаете что-нибудь сказать?

Тот бешено вращал глазами, на шее вздулись вены.

— Нет? Как печально, придется повторить. Это ведь как раз то, чего ты боишься больше всего на свете, Грег — утонуть. Я понял это еще тогда, когда вы с Буйволом приставали ко мне в душевой.

— А тебе не кажется, что это слишком жестоко? — раздался робкий голос над левым ухом Кудрявого. Он выгнул шею, но не смог разглядеть говорившего.

Амадео поднял голову. В глазах застыло все то же равнодушное выражение.

— Слишком жестоко? А убить человека, не имеющего к этому никакого отношения, только чтобы подставить меня — это, по-твоему, не жестоко? Попытаться избавиться от моего друга, чтобы добраться до меня — это допустимо?

— Но это же пытка... Они запрещены Женевской...

— Удивлен, что ты знаешь, что такое Женевская конвенция, Паоло, — холодно отрезал Амадео. — Если нет иного способа заставить его говорить, я пойду и на это, — он снова склонился над Кудрявым. — Не появилось желания рассказать мне все?

Тот яростно замотал головой, издавая нечленораздельные звуки сквозь скотч.

— Ладно.

Снова полотенце, снова темнота, снова ледяная удушающая вода. Кудрявый устал сопротивляться. Он задыхался от льющейся в нос воды, руки и ноги ломило от навалившихся на них заключенных, и он желал только одного — чтобы это побыстрее закончилось.

Снова лицо этого ублюдка. Слишком красивое для мужика, с таким только в борделе

работать, обслуживая клиентов со специфическими вкусами, однако он сумел сделать так, чтобы Кудрявый почувствовал себя ничтожеством.

— Теперь будешь говорить? — все тот же равнодушный голос.

Кудрявый энергично закивал. Что угодно, лишь бы это прекратилось! Разумеется, он и раньше слышал о подобных пытках, но не думал, что будет так ужасно.

Резкая, обжигающая боль — скотч содран.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Это... Это мужчина... Посетитель...

Амадео чуть склонил голову набок.

— Дальше.

— В дорогом костюме... Невысокий, темноволосый... Дал денег, чтобы я пришел того парня... И... И подкинул карандаш, но это уже Бенедикт, я не смог бы...

— Указание было именно на меня?

— Да! Да, черт побери, проклятый аристократ, на тебя! — из глаз полились слезы, и Кудрявый ничего не мог с этим поделать. — Он заплатил и сказал, что тебя должны засадить на всю жизнь, ты заслужил!

Амадео вздрогнул. К счастью, в полумраке никто ничего не заметил.

— Опиши его внешность подробнее, — потребовал он.

— Я... Я его не разглядывал.

Мокрое полотенце шлепнуло по лицу.

— Нет, только не это! Я скажу! Волосы прилизаны, будто он на них целую банку этого... геля потратил. Голос противный такой, слегка даже визгливый.

Амадео сжал кулаки.

— Ясно. Еще один вопрос. Йохан Торн. За что он пострадал?

Кудрявый попытался презрительно фыркнуть, но в носу до сих пор булькала вода.

— Из-за тебя, Аристократ. Слишком борзый, надо было тебя приструнить.

— Вы рассчитывали вывести его из строя, а потом закончить то, что начали в один из первых дней моего пребывания здесь?

— А ты думал! Да такую бабу, как ты...

Амадео шлепнул полотенце ему на лицо, не обращая внимания на панические судороги пленника.

— Солитарио, — снова занял один из подручных. — Зачем ты так жестоко? Можно было просто...

— Считаете, он заслуживает того, чтобы пожать ему руку, поблагодарить за сотрудничество и отпустить?

— Нет, но...

— Многие из находящихся здесь заключенных пострадали от его банды. Я не знаю, есть ли такие среди вас, и знать не желаю. Меня это не интересует. Я хочу выяснить правду и дать понять этому ублюдку, что он не сильнее всех на свете, — он сдернул с лица Кудрявого полотенце. — С этого дня ты больше не подойдешь ни к Йохану, ни к кому-либо еще. Если я услышу о том, что ты продолжаешь свои бесчинства — ситуация повторится. Ты меня понял?

Кудрявый быстро-быстро закивал.

— Д-да. Я понял. Понял, псих ты ненормальный!

Амадео отошел на шаг и кивнул заключенным.

— Отпустите.

Те молча повиновались.

— Но, Солитарио, — снова робко возразил один из них. — Ты что, так и оставишь его...

— Привязанным? Почему нет? Утром будет обход, его найдут.

И, не произнеся больше ни слова, он направился к выходу. Заключенные еще с минуту помедлили, затем, по очереди оглянувшись на Кудрявого, хныкавшего, как мальчик, разбивший коленку, последовали за ним.

Амадео шел не торопясь, на лице застыло то же безразличное выражение. Заключенные, укладывающиеся спать, даже не удостоивали его взглядами.

Только оказавшись в камере, он наконец дал выход злости. Размахнувшись, ударил кулаком в стену, лицо исказила гримаса ярости.

— Лукас! — прошипел он, не обратив внимания, что разбил костяшки в кровь. — Какая же ты мразь!

Два года спустя

Вестибюль "Азарино" был ярко освещен. Огромная люстра сверкала крошечными хрустальными капельками, отражаясь в драгоценностях собравшихся тут знатных дам, дорогих наручных часах кавалеров и до блеска натертом паркете. Всюду слышались восхищенные разговоры и смех, в соседнем зале не переставая трещала рулетка, мелодично перезванивались игровые автоматы. Официанты едва успевали разносить шампанское.

— Ты наконец-то стал единоличным владельцем "Азар", — сказала Ребекка. Длинное черное платье подчеркивало фигуру, светлые волосы скреплены за затылке изящной золотой заколкой. В руке хозяйка "Новостей и фактов" вертела почти опустевший бокал с шампанским. — Не слишком ли пафосно устраивать в честь этого целую вечеринку?

— О каком пафосе ты говоришь, Ребекка? — отозвался Ксавьер, с легкой полуулыбкой наблюдая за гостями. — Они должны знать, кто здесь хозяин.

— Да, никто не предполагал, что ты выкупишь "Азар", — хмыкнула та. — Мартинес едва инфаркт не получил, когда ты забрал у него букмекерскую точку, основанную Кристофом три с половиной года назад.

— Забрал? И снова громкие слова. Женщины так склонны к преувеличениям. Он не смог отказаться от моего предложения, только и всего. Я щедро заплатил, что еще надо?

— Недовольство осталось, — Ребекка одним глотком допила шампанское и поставила бокал на поднос проходящего мимо официанта. — Честно говоря, мне даже жаль этого мальчишку, Амадео. Пострадал ни за что.

— Многие люди страдают ни за что, Ребекка. Но так нужно. Сильные выживают, слабые — погибают. Не вижу в этой схеме ничего сенсационного. Если бы не он, меня бы здесь сейчас не было, — ответил Ксавьер. — Хотя, признаю, ты тоже сыграла свою роль. Если бы ты вовремя не узнала о том, что Валентайн купил "Азар"... — глаза на мгновение сузились. — Это, случаем, не Сезар Лаэрте там?

— Явился не запылится, — фыркнула Ребекка. — Пришел позлопыхать на вернувшегося конкурента.

Сезар подошел к ним. Седые волосы аккуратно зачесаны назад, на губах застыла вежливая улыбка, лишь побелевшие пальцы, сжимавшие бокал, выдавали злость.

— Добрый вечер, господин Санторо, — поздоровался он. — Великолепный прием.

— Благодарю. Рад, что вам нравится.

— Признаться, я думал, что мой зять выручил солидный барыш за этот отель, однако теперь считаю, что он продешевил. Вы превратили эту развалину в конфетку всего за пару лет.

— Совсем недавно он был бывшим зятем, не так ли? — отметил Ксавьер, сделав вид, что не услышал комплимента. — Кажется, ваша дочь развелась с ним сразу после скандала с Кристофом Солитарио.

Лицо Сезара перекосило, будто он раскусил горькую пилюлю, но лишь на мгновение. Он тут же взял себя в руки и снова изобразил вежливую улыбку.

— О, причина развода вовсе не в этом. В каждой семье случаются скандалы, так бывает. Но теперь все в порядке, дети снова вместе, и я как отец этому очень рад, — лицо его однако особой радости не выражало, и он предпочел перевести тему. — Как же вам удалось встать на ноги за такой короткий срок, господин Санторо? Кажется, вас назначили исполнительным директором "Азар" около двух лет назад.

— Двух с половиной. Я не могу раскрывать профессиональные тайны, господин Лаэрте. Считайте, что мне просто повезло, — Ксавьер улыбнулся, однако глаза остались холодными. — И почему вы интересуетесь моими методами? "Вентина" взлетела к небесам после смерти Кристофа, не так ли? Значит, во главе стоит не менее талантливый управленец и стратег, посчитавший, что самым быстрым способом будет устранение главного конкурента.

Краска снова бросилась в лицо Сезару. Он-то считал, что за годы на должности генерального директора "Вентины" научился держать эмоции в узде, однако этот молокосос недвусмысленными намеками выводил его из себя.

— Не понимаю, о чем вы, господин Санторо, — голос не дрожал, и Сезар мысленно похвалил себя. — У меня есть целый отдел, планирующий работу компании на год вперед. Одному человеку тут сложно управиться.

— Хотите сказать, что целый отдел планировал убийство директора "Азар"? — продолжал издеваться Ксавьер. — Вы, однако, очень смелый человек, господин Лаэрте. У меня бы не хватило духу посвятить в свой план столько людей.

— Это оскорбительно! — вскричал Сезар. Несколько гостей обернулись, и он понизил голос до тихого шипения. — Как вы смеете кидаться подобными обвинениями, да еще без доказательств!

— Прошу прощения, — Ксавьер с трудом удержался от ухмылки. — Я вовсе не имел в виду, что это сделали именно вы, что за реакция? Я могу лишь предполагать, ведь, как вы верно подметили, доказательств у меня нет. Это мог сделать кто угодно, кому Кристоф Солитарио мешал.

На губах Сезара появилась торжествующая улыбка.

— Даже вы! Вы теперь занимаете его место, и первый, на кого пало бы подозрение...

— Вы правы, — Ксавьер холодно улыбнулся. — Даже я.

* * *

Йохан уныло бродил туда-сюда по тесной камере, грызя ногти. Неделю назад начальник

Эфрейн вызвал его и объявил, что Йохана ждет блок для условно освобождаемых. Сегодня он провел последнюю ночь в камере, и к вечеру его здесь уже не будет. А это означало, что Амадео останется один.

Всю неделю Йохан ломал голову над тем, как бы задержаться здесь подольше. Он не сказал Амадео об освобождении, хотя тот, безусловно, заметил нервное состояние друга и даже пытался вывести его на разговор. Но Йохан отшутился. А теперь не знал, что делать.

Подражаться с каким-нибудь задиристым пацаном, чтобы лишиться права выйти раньше? Или напасть на надзирателя? Что угодно, лишь бы остаться здесь!

Йохан схватился за голову и опустил на корточки. Нет, нельзя. Амадео так старался ради него, приносил книги, помогал писать чертовы сочинения, не подозревая, что Йохану это совсем не нужно. Он не может так подвести единственного друга, просто не может!

— Ну почему все так сложно? — пробормотал он, запустив пальцы в волосы. — Почему этот тип не додумался состряпать дело без права условного освобождения?

Йохан понимал, что с другом ничего не случится: во всем блоке его уважали и относились с должным почтением, а новичкам быстро растолковывали правила поведения. Кудрявого перевели отсюда практически сразу после того, как Йохан вышел из лазарета. Но сердце все равно было не на месте: противное чувство, что он предает Амадео, не покидало. Выйти на свободу на пять месяцев раньше! Мечта любого заключенного, но только не его.

Еще и придется объяснять Санторо, почему не выполнил задание. Да этот монстр его просто на кусочки разорвет! Сбежать? Скрыться? А получится ли? Йохан снова начал всерьез задумываться над тем, чтобы задержаться здесь, но стыд за вранье и усилия, потраченные Амадео ради него, пересиливали.

— Что с тобой, Йохан?

Он поднял голову. Амадео стоял у решетки с очередной книгой в руке — недавно в библиотеке снова была поставка. Великолепные волосы, которые он ни в какую не хотел стричь, спускались ниже лопаток — сегодня принц почему-то не собрал их в хвост. Шрам, оставленный Буйволом три с половиной года назад, несколько не портил красивое лицо, на котором застыло беспокойство. Беспокойство за него. Йохан прижал ладони к глазам и глухо застонал.

— Йохан, да что с тобой? Тебе плохо? — Амадео присел рядом, положив книгу на край кровати. — Отвечай!

Он помотал головой.

— Все в порядке, просто я... Я скоро выйду на свободу. Начальник сказал, что сегодня меня переводят, и...

— Так это же замечательно, — в голосе прозвучала искренняя радость, и Йохану стало еще хуже. — Почему ты ведешь себя так, будто совсем этому не рад?

— Я рад, просто... Амадео, — Йохан отнял руки от лица и умоляюще посмотрел на него. — Обещай, что наймешь нового охранника. А лучше двух. Ладно?

На губах Амадео появилось подобие улыбки.

— Так вот что тебя беспокоит. Йохан, ты прекрасно знаешь, что мне ничего не грозит.

— Знаю! — огрызнулся тот. — Но все равно! Почему я не должен волноваться о своем единственном друге?!

Амадео сжал его плечо. Слова Йохана тронули до глубины души. Друг был с ним все время, ни на шаг не отступился, даже узнав, за какое преступление сосед по камере попал сюда, и заставил снова вспомнить о доверии, которое Амадео похоронил глубоко в душе.

Некстати вспомнился Ксавьер, но он пинком прогнал эту мысль. Йохан совсем не такой, никогда не лгал, даже по мелочам. Такой человек не умеет обманывать, у него все написано на лице.

— Йохан, — он обнял друга. — Спасибо большое, что заботился обо мне все это время, защищал, выслушивал, поддерживал. Я очень тебе благодарен, без тебя я бы не выжил здесь. Ты заслужил свободу, поэтому, прошу, не отказывайся от нее.

Тот шмыгнул носом и кивнул.

— Хорошо. Но у меня есть одна просьба.

— Какая?

Йохан отстранился, вытер глаза и очень серьезно посмотрел на Амадео.

— Можно я буду навещать тебя, пока ты не выйдешь?

* * *

Огромная гостиная была погружена в полумрак. Свет исходил лишь из камина, у которого в больших мягких креслах удобно расположились трое. Женщина потягивала вино, мужчины — виски. В одном из стаканов тихонько постукивал лед, в другом не было ничего, кроме алкоголя.

— Дорогая Жаклин, — наконец нарушил тишину крупный, широкоплечий мужчина. Когда-то его можно было назвать красивым, но сейчас лицо пересекал огромный алый шрам, тянувшийся от правого виска через переносицу к левой щеке. — Вы говорили, что никаких проблем с Санторо не предвидится, что он потонет в собственном дерьме. Так, кажется?

— Леди не полагается оперировать такими выражениями, — холодно отозвалась та, делая глоток из бокала. — Но вы правы. Я и предположить не могла, что он сумеет выбраться из ямы, в которую его загнали.

— Он выбрался. Как вы это объясните?

— Вы сами натравили на него Валентайна Алькараса, Крейг, — тон стал еще холоднее. — Могли предположить, что им захочется сотрудничать и после.

— Этого никто не мог бы знать, — Беррингтон выловил губами льдинку и тут же выплюнул обратно в стакан. Жаклин состроила гримасу отвращения. — Алькарас никогда не заключает повторных договоров, достаточно одной промашки, чтобы...

— И тем не менее, он передал ему "Азар" в качестве второго шанса, — вмешался в разговор третий мужчина. Седые волосы были стянуты на затылке в небольшой хвостик, нос с горбинкой надменно задран вверх. — Этого хватило, чтобы Санторо вновь вознесся на вершину. Этому ублюдку чертовски везет.

— Ошибаетесь, Сезар, — перебила Жаклин. — На одном отеле и казино далеко не уедешь. Чтобы восстановить из пепла поверженного титана, нужны деньги.

— Он же заключил соглашение с Алькарасом.

— На условиях того, что Ксавьер сам выкрутится из этой ситуации. Разумеется, Алькарас финансировал его, но не настолько, чтобы этот мальчишка сумел выкупить компанию всего за два с половиной года.

— Наша прекрасная Жаклин права, — сказал Беррингтон. Та поморщилась от фамильярного обращения, но ничего не сказала. — Санторо берет деньги откуда-то еще.

— Но вы же все проверили, Беррингтон, — с плохо скрываемой неприязнью отозвался

Сезар Лаэрте. — Наркотиками он не занимается, а это едва ли не единственный способ достать огромную сумму в относительно короткий срок.

— Если я не нашел доказательств, это не значит, что он не торгует наркотиками, — отмахнулся Беррингтон. — Вы тоже хороши, Сезар. Почему ваш протеже не отдал компанию вам, пока была такая возможность?

— Я собирался немного подождать. Лукас дошел бы до последней стадии отчаяния, это не заняло бы много времени, учитывая, сколько он пьет. И тогда я бы протянул руку помощи и выкупил компанию за бесценок.

— Но вы опоздали, — Жаклин поставила пустой бокал на стеклянный столик. — Алькарас предложил больше, и теперь "Азар" в руках Ксавьера. Это только ваш промах, Сезар.

— Кто же мог предположить...

— ...что обвинение в убийстве так удачно ляжет на младшего сына, — ядовито заметил Беррингтон. — Ваш зять оказался не промах, как бы вы его ни принижали.

От этой похвалы Сезар Лаэрте сжал кулаки.

— До сих пор жалею, что позволил дочери выйти замуж за этого бесполезного червяка.

— Но если бы он преподнес вам "Азар" на блюдечке, как планировалось изначально, вы бы так о нем не отзывались, — Беррингтон поднял ладонь, призывая к молчанию. — У вас был шанс подняться выше, однако вы им не воспользовались, предпочитая почивать на лаврах. Так чего же вы хотели?

Сезар покраснел, обычно невозмутимое лицо перекосила гримаса ярости. Казалось, еще минута — и он ударит Беррингтона, невзирая на последствия. Тот насмешливо смотрел на него, всем своим видом приглашая совершить это безрассудство.

— Прекратите петушиться, — Жаклин снова взяла бокал. — Лучше налейте мне еще вина, Крейг. Оно великолепно.

Тот, так и не согнав ухмылку с лица, взял бутылку.

— Разумеется, Жаклин. Я специально принес ваше любимое.

Сезар откинулся на спинку кресла, сжимая стакан с остатками виски. Краснота ушла, он снова напустил на себя безразличие.

— Так что с Санторо? — спросил он. — Выходит, он все же занимается наркотиками, однако мы не можем его уличить. Он слишком осторожен.

— Да, — Жаклин отпила вина. — У нас нет ни малейшего шанса, только если он где-нибудь не проколется. Мы можем лишь ждать удобного момента.

— Или создать условия для подобного прокола, как это было с Алькарасом, — Беррингтон кинул в стакан несколько кубиков льда.

— Второй раз это не пройдет. Ксавьер осторожен и не повторяет ошибок.

— Вы слишком идеализируете его, Жаклин. Он всего лишь человек, а человеку свойственно ошибаться. Нужно найти слабое место, и победа за нами.

— Мы считали, что таковым является Амадео Солитарио, но жестоко ошиблись, Крейг. Ксавьер наоборот способствовал тому, чтобы парень сел в тюрьму. Его изначальной целью была "Азар", это как пить дать. Однако с Алькарасом ему просто повезло. Уверена, если бы не дьявольское везение, он бы сам нашел способ получить компанию.

— Вовсе нет, — с принужденным смехом ответил Сезар. — В таком случае я успел бы раньше.

— Вы видите тут что-то смешное, Лаэрте? — спокойно спросил Беррингтон, и смех как

рукой сняло. — Не указывайте нам на свои ошибки, мы и так прекрасно поняли, что вы полный неудачник.

Сезар возмущенно фыркнул, но предпочел не отвечать.

— Вы знаете Санторо лучше, чем кто-либо из нас, Жаклин, — тон Беррингтона изрядно смягчился. Он взял ее руку и поцеловал тыльную сторону ладони. — Подумайте хорошенько и найдите его слабое место. И тогда мы надавим туда так, что он умрет от боли.

Возвращение в Старый квартал

— Вот твои вещи, — Роджерс подал небольшую коробку. — Забирай и вали, без тебя тут народу полно.

Амадео поправил пиджак и взял из рук надзирателя коробку, однако открывать не стал.

— Спасибо вам, — сказал он. — Если бы не вы, я давно бы уже сдался.

Обычно каменное лицо Роджерса смягчилось, но он не позволил себе иного проявления чувств, кроме как похлопать Амадео по плечу.

— Надеюсь тебя больше никогда не увидеть, Солитарио. По крайней мере, в чертовой арестантской робе. Костюм тебе идет больше, — он придирчиво оглядел Амадео. — Не забудь надеть пальто, на улице жуткий холод.

Роджерс не заметил, что говорит и ведет себя, как заботливый отец, но у Амадео защемило сердце. Человек, потерявший сына, и человек, потерявший отца, прощались, зная, что больше не увидятся, но не могли сказать друг другу ничего, кроме бессмысленных слов.

— Знаю, — Амадео оглянулся через плечо на падающий на улице снег. — Сегодня праздник. Обещайте, что проведете его не один. Рождество — не лучшее время для одиночества, а я случайно услышал, как Кортес приглашал вас в бар.

— Ах ты, хитрый жук! — Роджерс легко стукнул его кулаком в плечо. — Вот в чем секрет твоего успеха, Солитарио — ты слушаешь и наблюдаешь. Давай, иди уже, пока я не передумал.

Амадео крепко пожал надзирателю руку. И наконец ступил за порог тюрьмы.

На улице валил снег. Амадео на мгновение остановился и прикрыл глаза, ощущая хлопья, тающие на лице и стекающие по коже тяжелыми каплями.

Он взял с надзирателя Роджерса обещание не проводить праздник одному, но сам не мог иначе. За пять месяцев Йохан ни разу не пришел, но Амадео не мог его за это винить — свобода меняет так же, как и тюрьма. Может быть, друг нашел работу, может, переехал в другой город — могло случиться все, что угодно. Амадео оставалось лишь смириться, но чувство горечи никуда не делось.

Отойдя подальше от тюрьмы, он остановил такси. Стряхнув снег с волос, уселся поудобнее и открыл коробку. Внутри лежали ключи от особняка, от джипа, бумажник, три скрученных в цилиндры пачки денег, которые он заработал в тюрьме, мятая визитка Ребекки и пластиковый прямоугольник.

Пропуск в "Азар".

Амадео взял карточку и всмотрелся в свое же лицо. Ясный, незамутненный взгляд, еще не знающий, что такое предательство. Легкая полуулыбка. Совсем не похож на того мужчину, который мелькнул в стекле двери, когда Амадео вышел из здания тюрьмы.

— Куда едем? — спросил водитель. — Вы так и не сказали.

Амадео рассовал содержимое коробки по карманам, раздумывая, куда податься. У него был дом, которого он теперь лишился — Лукас наверняка уже продал особняк. Ксавьер его не ждет, Йохан пропал. Ребекка... Работает на Ксавьера, да и кто он такой, чтобы она помогала, да еще бесплатно.

Пальцы скользнули в карман и наткнулись на карточку. Пропуск жег руку, требовал, чтобы его достали, чтобы им воспользовались. Пусть и в последний раз.

— Компания "Азар", — сказал он терпеливо ожидающему водителю и протянул две купюры. — Напротив Центрального парка.

* * *

Через четверть часа он стоял перед зданием "Азар". Вокруг многое изменилось, но напротив так и остался красивый, сейчас заснеженный парк, где они когда-то гуляли с отцом. Сама компания выглядела так же внушительно, как и четыре года назад. И, кажется, охраны стало больше.

Это подтвердилось, когда Амадео зашел внутрь — к нему тут же подошел одетый в черный строгий костюм охранник. Еще трое остались на своих постах, однако вперили в незваного гостя испытующие взгляды.

— Цель визита? — бесстрастно спросил сотрудник службы безопасности.

— Я здесь работаю с сегодняшнего дня, — Амадео достал пропуск и покрутил у носа мужчины в надежде, что пропускная система за четыре года не изменилась. — Только вот не запомнил, как пройти на свое рабочее место.

— В какой отдел?

— Финансового планирования.

— К тому лифту. Четвертый этаж, — он указал нужное направление.

Амадео поблагодарил и пошагал туда. Тут, похоже, ничего не претерпело изменений. Лукасу больше нравилось играть в директора крупной компании, сидя в кожаном кресле с бокалом виски в руке и куря дорогую сигару, чем заниматься реорганизацией компании.

Амадео приложил пропуск к панели рядом с лифтом, и дверцы разъехались в стороны. Значит, систему безопасности не меняли. На табло одна за другой загорались красные цифры, вскоре лифт мелодично просигналил, и Амадео вступил в коридор, в котором был бессчетное множество раз.

Слева располагалась дверь в отдел финансового планирования, которым заправлял Ричард Крамер. Чуть дальше по коридору — кабинет управляющего "Азарино" Эмилис Валиона. Еще дальше — конференц-зал. И в самом конце — массивная дверь с золотой табличкой.

У Амадео замерло сердце. Здесь все осталось по-прежнему, мгновенно оживляя воспоминания. Вот он, одиннадцатилетний, впервые пришел с Кристофом на работу. Высокие люди в строгих костюмах здороваются с ним за руку. Улыбаются, говорят разную чушь, свойственную взрослым и совершенно непонятную мальчику. Но Амадео приятно, что с ним обращаются, как с взрослым, как с равным себе, и ему это льстит. Кристоф гордо улыбается, затем ведет сына к огромной, темного дерева двери, к которой прикреплена золотая табличка с именем и фамилией. Чуть ниже написана должность: генеральный директор.

— Это вы? — спрашивает Амадео. — Вы генеральный директор?

— Да, — улыбаясь, отвечает Кристоф. — Я.

— А что это значит? Вы тут самый главный?

Кристоф смеется и открывает перед ним дверь...

Амадео тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не время для них. Подойдя ближе, понял, что кое-что все же поменялось — имя. Черным курсивом на табличке было

выправировано: "Ксавьер Санторо, исполнительный директор".

Если бы в Амадео ударила молния, он бы этого не заметил. Он тупо глядел на табличку, не в силах поверить глазам. Протянул руку и дотронулся до букв, пытаясь убедиться в их реальности.

— Быть того не может, — прошептал он и вздрогнул от звука собственного голоса.

Рука сама потянулась в ручке двери. Он нажал на нее и зашел в хорошо знакомую приемную, в которой бывал множество раз с отцом, а потом и без него, когда Кристоф был не в состоянии покинуть дом.

Приемная не особо изменилась. Кристоф всегда отличался отличным вкусом, и, по-видимому, новый хозяин решил ничего не менять. За столом, за которым обычно сидела секретарша, никого не было, хотя Амадео ожидал увидеть там вездесущего Серджио.

Он на мгновение остановился, оперевшись на стол ладонями. В глазах потемнело, и он зажмурился, чтобы унять неожиданный приступ. Возникло острое желание вернуться к двери и снова посмотреть на табличку. Может быть, он ошибся? Может, не так разглядел?

Но нет. Внутренний голос подсказывал, что ничего нового он там не увидит. Ксавьер действительно теперь возглавлял "Азар".

Как во сне, Амадео выпрямился. Ноги сами понесли ко второй двери, которая вела непосредственно в кабинет. Не потрудившись постучать, толкнул ее и вошел.

Ксавьер сидел за столом отца и что-то печатал на клавиатуре, сосредоточенно глядя в монитор. На вошедшего даже не поднял глаз. Амадео знал, что от работы его может отвлечь только атомный взрыв.

Или неожиданно нагрянувший бывший друг.

— Здравствуй, — севшим голосом произнес он.

Стрекот клавиш стих. Пальцы замерли над клавиатурой. Ксавьер поднял голову и уставился на Амадео. В глазах застыло смешанное выражение — впервые за долгое время он не знал, что сказать, как себя повести. Амадео не удержался от горькой усмешки.

— Добрый день, — наконец произнес Ксавьер, отодвигая клавиатуру.

— Вижу, ты все-таки заполучил это кресло, — горечь никуда не ушла, вдобавок накатила невыносимый холод, сжимая сердце, превращая его в кусок льда.

— Ты не...

— Не так все понял? Брось, ты сам тогда сказал, что Жаклин была права. С самого начала ты метил на это место, Ксавьер, — Амадео стиснул зубы, чтобы удержать подступившие слезы. — Извини, что мешал тебе. Я снова пал жертвой собственной наивности. Маленький глупый мальчишка, который когда-то верил тебе.

— Все не так, как ты думаешь, Ама...

— Замолчи, — он зажмурился. — Просто... Не говори ничего. Не надо.

Ксавьер послушно закрыл рот.

— Я верил тебе, как самому себе, Ксавьер. Верил всей душой, всем сердцем, ты был для меня не просто другом. Ты был мне братом. Тем, кем никогда не смог бы стать Лукас. А ты... — Амадео отвернулся. — Прощай.

Он потянул на себя дверь, стараясь не обращать внимания на голос Ксавьера, зовущий его. Такой родной. Такой теперь далекий. Так сильно режущий, будто острым лезвием.

Не оборачивайся, говорил он себе, стараясь заглушить боль внезапно оттаявшего сердца. Не оборачивайся, иначе не сможешь уйти.

— Господин Санторо! — раздался вдруг в приемной еще один знакомый голос.

Амадео застыл, надеясь, что это лишь слуховая галлюцинация. Он слишком погрузился в себя. Слишком заикнулся на разочаровании. Но...

Йохан замер напротив, сжимая в руке пачку бумаг. На лице отразилось величайшее потрясение.

— Ама... Господин Со... Солитарио... — наконец выдавил он. — Ты... Вы...

Амадео не мог поверить глазам. Что тут делает сокамерник? Почему он работает на Ксавьера? Одет в строгий костюм, обращается "господин", когда друг успел так измениться? Лишь выражение смешной растерянности осталось тем же, и это окончательно убедило Амадео в том, что его снова предали.

— Что ты тут делаешь, Йохан? — хрипло спросил Амадео. Горло будто выстелили наждачной бумагой, каждое слово причиняло скрежещущую боль.

— Я... Господин Соли...

— С каких пор ты зовешь меня так?! — выкрикнул он. — С каких пор ты работаешь на него?!

— Выслушай, Амадео, — вмешался подоспевший Ксавьер. — Ты...

— Не собираюсь я ничего слушать, — Амадео зло вытер глаза тыльной стороной ладони. — Удачи вам обоим.

Магнитный пропуск, пролетев через приемную, ударился о грудь Ксавьера и шлепнулся на пол. Тяжелая дверь хлопнула о косяк, несмотря на установленный доводчик.

— Стоять, Йохан, — скомандовал Ксавьер, так как тот бросился за другом. — Это бесполезно.

— Но, господин Санторо, он...

— Это бесполезно, — повторил Ксавьер. — Пусть идет, куда ему вздумается.

Амадео смог остановиться только на улице. Легкие жгло от быстрого бега, глаза — от выступающих слез. Он снова вытер их, но слезы продолжали литься. Уже который раз его предают, но менее больно от этого не становилось. Сколько еще предстоит вытерпеть предательств самых близких людей? Сколько?

Хватит. Больше никогда. Никакого доверия.

— Ты пытался сделать из меня бездушного робота, Ксавьер, — выговорил он, не обращая внимания на то, что говорит вслух, и люди, проходящие мимо, оборачиваются. — Поздравляю. Тебе это удалось.

* * *

— Налейте мне еще, Джо, — Амадео поставил пустой стакан на подставку. — Того же самого.

— Со льдом, без? — участливо спросил бармен в ослепительно белой футболке. На вид ему было лет тридцать пять, но волосы, торчащие ежиком, уже начали седеть. Неизменная улыбка сияла на лице, сменяясь с радушной на сочувствующую в зависимости от настроения посетителей, которых он обслуживал.

— Без, — коротко ответил Амадео, подперев голову рукой и уставившись в полированное дерево стойки.

Бар "У Джо" находился у границы Старого квартала и являлся единственным приличным местом на многие километры вокруг. Амадео не знал, куда пойти после того,

как покинул "Азар", и сейчас сидел за стойкой и глушил виски стакан за стаканом.

Сегодня в баре было многолюдно — проходил один из спортивных вечеров, и группы болельщиков заняли почти все свободные места, выкрикивая оскорбления в адрес противников любимой команды и подбадривающие слоганы. Джо едва успевал наливать пиво, и изредка подходил к одиноко сидящему клиенту у дальнего конца стойки.

— Прошу вас, — он поставил перед Амадео очередную порцию. — Что ж вы не смотрите игру? Не любите спорт?

— Не особо, — Амадео отпил немного.

— Тогда что вас привело сегодня сюда?

— Неважно.

Бармен все понял и не стал задавать вопросов.

Амадео прислонил стакан к пылающему виску. Голова раскалывалась от тупой, пульсирующей боли, грудь сдавливало, пальцы рук холодели.

Он не ожидал, что предательство Ксавьера будет иметь такие последствия. Неужели он и в самом деле с самого начала задумал завладеть компанией и для этого сблизился с Амадео? Как низко. Отец с большим уважением отзывался о нем, неужели это было только притворство? В тюрьме Амадео старательно убеждал себя в этом, однако так до конца и не поверил, что друг способен на такое, но сейчас выходило именно так. Ксавьер все же заполучил "Азар".

Еще и Йохан переметнулся на его сторону. Сердце болезненно сжалось. Единственный друг, который был с ним все эти четыре тяжелых года, не бросал в беде, поддерживал и помогал — и тот предал. Амадео остался совсем один.

Сильный тычок в бок вернул его к реальности. Стакан вылетел из пальцев и, ударившись о край стойки, разбился.

— Ой-ой, — темноволосый парень лет двадцати испуганно округлил глаза. — Извините, я не хотел вас толкать, это случайно!

— Ничего страшного, — пробормотал Амадео, отворачиваясь. — Джо, налейте еще, пожалуйста.

— Сию минуту, — мгновенно отозвался тот. — Только поговорю с этим шалопаем, — он перегнулся через стойку и схватил паренька за шиворот. — Кейси! Что ты опять тут делаешь, я же ясно сказал — не налью!

— Ну дядя Джо, — умильно смотрел на него тот яркими зелеными глазами. — Ну немножечко, мне же уже есть восемнадцать...

— Обойдешься. Не заработал. А за стакан заплатишь.

Парень понуро поплелся собирать осколки, ворча под нос не слишком заковыристые ругательства.

— Простите его, — добродушно сказал Джо, подавая Амадео виски. — Бестолковый, но добрый, специально зла никому не причинит. Он вас сильно толкнул?

— Нет, все в порядке, — Амадео взял стакан и сделал глоток. — Ваш работник?

— Нет-нет, вы что. Просто болтается тут. Мой дальний родственник. Не доверяю я свой бар другим, уж такая у меня ревность просыпается, что просто караул.

— Ревность? Вы так это называете?

— А как же иначе? — бармен обвел рукой пространство за стойкой. — Это же мое детище, и меня прямо дрожь берет, как представлю кого чужого за стойкой.

Амадео невесело усмехнулся и допил виски, ясно представив Ксавьера Санторо за

столом Кристофа Солитарио. Болельщики взорвались восторженными воплями: их любимая команда забила гол.

* * *

Было далеко за полночь, когда Амадео вышел из бара. Его слегка пошатывало — последний стакан был лишним.

Последние три стакана, поправил он себя. Никогда не умел пить умеренно, да и организм, отвыкший от алкоголя за четыре года, сдался довольно быстро.

Повернув за угол, Амадео на мгновение остановился, прислонившись к стене, и прикрыл глаза, ожидая, пока холодный воздух немного протрезвит.

Куда сейчас отправиться? Где провести ночь? В Старом квартале наверняка есть люди, сдающие комнаты внаем, но Амадео не был тут с восьми лет и понятия не имел, к кому обратиться. Можно спросить у бармена, но тот наверняка уже закрыл заведение — оттуда не доносилось ни звука, последние болельщики разбежались сразу после матча. В непривычной тишине слух уловил какую-то возню, донесшуюся из глубины переулка.

Амадео оттолкнулся от стены и шагнул туда. Из темноты выкатилась пустая бутылка и ударилась о ботинок. Он наклонился и поднял ее.

Возня не прекращалась, до него донеслись глухие звуки, будто кого-то били. Сжав бутылку крепче, Амадео шагнул в темноту.

— Будешь знать, как рыпаться, — пропыхтел чей-то голос, затем снова раздался звук удара и сдавленный хрип. — Смелый нашелся, если я сказал — давай деньги, ты их даешь и не возникаешь! Понял, мелкий?

— Не думаю, что поймет, пока вы его бьете, — громко сказал Амадео.

Тень развернулась, свет из зажегшегося окна соседнего дома упал на высокого, жилистого мужчину с бритой головой. По шее змеилась татуировка. Кожаная куртка распахнута, являя взору впалую грудь — майку или футболку он надеть не удосужился, хотя был конец декабря. Потертые джинсы, на ногах — тяжелые армейские ботинки, которыми он пинал пьяницу, повернувшего при выходе из бара не в ту сторону.

— Ты кто такой еще? — недоуменно смотрел на него бандит. За его спиной маячила еще одна тень — на несчастную жертву напали двое, если не больше. Уличные бандиты никогда по одному не ходят, напомнил себе Амадео. Тем более в Старом квартале.

— Не ваше дело. Просто прекратите бить его, — Амадео кивнул на паренька, свернувшегося в клубочек и тщательно закрывающего голову от ударов.

— Не мое дело? Знаешь, че, — мужчина подошел к Амадео и ткнул его пальцем в грудь. — Кажется, это ты тут лезешь, куда не просят. Хочешь, чтобы и тебе досталось, красавица? Пусть будет так, — он замахнулся.

Амадео перехватил его руку и едва уловимым движением вывернул за спину. Бутылка звякнула об асфальт, изо рта мужчины посыпалась ругань, отскакивая от стен, как теннисные мячи, но он не закричал. Пока не закричал.

Амадео тряхнул головой, чтобы сознание немного прояснилось. Затем чуть сдвинул пальцы, и громкий вопль вознесся к крыше бара.

— Ну так что, уйдешь сам, или тебя проводить? — прошептал он, наклонившись к бандиту. — Имей в виду, я не из терпеливых и долго ждать ответа не стану.

— Са... Сам, — чуть не плача, проговорил тот. — Только отпусти... Больно...

Амадео ослабил хватку. Затем, подтащив мужчину к выходу из переулочка, отпустил, толкнув напоследок в спину.

— Чтобы больше не появлялся. Увижу еще раз — покажу кое-какие новые приемы. Но они тебе вряд ли понравятся.

Сзади раздался яростный вопль, и Амадео развернулся, подавшись в сторону. Его зашатало, и он едва не упал, чудом успев схватиться за выступ в стене. Нож свистнул мимо, и второй бандит, крикнув, осел на землю.

Паренек, минуту назад не подававший признаков жизни, стоял над ним, тяжело дыша. Пальцы крепко сжимали горлышко пивной бутылки, которая чудом не разбилась о голову нападавшего.

— Вы как, в порядке? — прерывисто дыша, спросил он. — В порядке...

Он сел на асфальт, выпустив оружие, которое, весело звеня, покатилося во тьму переулочка. Это оказался тот самый парнишка из бара, расколотивший стакан. Он смотрел на Амадео из-под темной челки так, будто видел впервые в жизни, испуганно и с недоверием. Как же его звали?

— Кейси, — наконец произнес Амадео. — Давай вставай, нечего сидеть на асфальте, как побитая собака.

— А вы... — он осторожно ощупывал бока, будто не веря, что цел. — А откуда вы знаете мое имя?

— Память у тебя, похоже, такая же короткая, как у рыбки в аквариуме, — Амадео подал ему руку и помог встать. — Пойдем, провожу до бара. Твой родственник не сильно обрадуется, увидев тебя в таком состоянии, но это уже не мое дело.

— А... При чем тут... — Кейси сосредоточенно хмурил брови. Затем его лицо озарилось пониманием. — А! Так это вас я толкнул сегодня! Простите, пожалуйста, это правда была случайность...

— Знаю. И давай забудем, — Амадео толкнул дверь бара.

Джо протирал стаканы. Повернувшись на звук открывшейся двери, начал было улыбаться, но при виде Кейси в лицо бросился нешуточный гнев. Он покраснел и отшвырнул полотенце в сторону.

— Кейси! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не брал мое пиво без разрешения!

— Пиво? — Амадео недоуменно посмотрел на ставшее очень и очень виноватым лицо Кейси. Парень юркнул за его спину и вцепился в пальто.

— Да, пиво! Этот мелкий хулиган тырит у меня выпивку, когда я ему не наливаю! Ну в кого ты такой пошел, а? И не стыдно тебе?

— Я... — пискнул Кейси. — Я же оставил деньги в кассе...

— Да на кой они мне, дурья твоя башка! Ты прекрасно знаешь, что с тобой бывает от алкоголя, и продолжаешь втихаря напиваться! Что на этот раз натворил?!

— Ничего, Джо, правда! — выкрикнул Кейси из-за спины Амадео. — Я всего лишь...

— Всего лишь попытался подраться, — Амадео отошел и сел на барный табурет. — Но ничего не вышло, его просто поколотили. Не кричите, Джо, его едва не ограбили и не убили.

Если он надеялся как-то разжалобить бармена, то жестоко ошибся. Тот разозлился еще больше. В несчастного Кейси полетел стакан, от которого мальчишка едва успел увернуться.

— Я держу тебя здесь не за тем, чтобы ты дрался с какими-то гопниками! — орал он. — От тебя никакого проку, но ты хотя бы под присмотром! Что сказала бы моя сестра, мир ее

праху, если бы узнала, как ее сын проводит время?! Да она бы тебя сама пришибла, неблагодарный засранец! Пьет, лезет в драки, ладно хоть за бабами особо не волочится, и на том спасибо! Хотя из-за кого ко мне ходят одни мужики, а?! Конечно, из-за Кейси, который постоянно проливает на девушек напитки! Тебе конкурс мокрых маек устроить?!

— Не надо, тут же одни мужчины, — тихо, но ехидно заметил Кейси. Джо, услышав, еще больше распалился.

— Вот специально приглашу кого пожирнее, и посмотрим, как ты их обольешь! Никакого уважения! Никакой совести! Никакой! Черт побери! Ответственности! — стаканы один за другим летели в несчастного Кейси.

Амадео слегка морщился от звона, когда очередной стакан разлетелся о стену, разбрызгивая осколки. В голове начинало проясняться, алкогольные пары улетучивались, и первые признаки головной боли не замедлили явиться.

— Джо, — он оперся о стойку. — Вижу, вы собрались закрываться, но, может, нальете виски запоздавшему клиенту?

Бармен мгновенно успокоился и с улыбкой повернулся к нему.

— Надо же, принц, а вы же только что от меня. Неужели уже протрезвели?

— Еще минута — и буду трезв, как стеклышко, — заверил Амадео. — Виски. Две порции.

— Две? — удивился Джо. — Слово клиента закон, — хмыкнул он.

Амадео поманил к себе Кейси. Тот неуверенно опустился на табурет подальше от дяди.

— Держи, — Амадео толкнул к нему стакан. — Заслужил.

— А? — парень недоуменно уставился на него. В зеленых глазах читалось замешательство наполовину с радостью. — Чем это я заслужил?

— Тем, что не уполз в угол и треснул тому бугаю по голове бутылкой. Это было храбро, хоть и безрассудно, — ответил Амадео.

Джо подозрительно посматривал на него, но не стал возражать, когда стаканы Амадео и Кейси соприкоснулись с легким звоном.

— Джо, — обратился Амадео к бармену. — Где здесь можно снять комнату на ночь?

— На третьей улице, у аптекаря, — ответил тот, яростно протирая стойку. — Боунс, знаете такого? Хотя откуда вам, вы в Старом квартале впервые, это сразу видно.

Стакан застыл на полпути ко рту.

— Аптекарь? — эхом повторил Амадео.

— Да, он когда-то был аптекарем, но прикрыл свою лавочку после одного происшествия. — Джо наклонился вперед и сделал страшные глаза. — Но об этом лучше спросить его самого, мне жутко об этом рассказывать.

В голове все поплыло, и Амадео схватился за стойку, чтобы не упасть. В памяти одно за другим всплывали страшные воспоминания. Лукас, топающий ногами и кричащий, что Микки больше нет, Кристоф, говорящий, что его друга застрелили при попытке ограбить аптеку...

На плечо легла чья-то ладонь, и картинка перед глазами перестала двоиться.

— Эй, вам нехорошо? — в глазах Кейси читался неподдельный испуг. — Только не надо тут умирать, ладно?

— Я... Я не собирался, — Амадео вытер губы тыльной стороной ладони. — Значит, вы сказали аптекарь Боунс?

— Да, на третьей улице, отсюда недалеко. Пройдете два квартала и свернете налево у

бакалейной лавки старика...

— Эдуардо, — Амадео соскользнул с табурета. — Спасибо, Джо.

— Э, так вы тут уже бывали? — бармен внимательно смотрел на него. — Почему я вас не помню?

Амадео оставил этот вопрос без ответа.

* * *

До бывшей аптеки он добрался без происшествий. Улицы были темны и пустынные, ни одна живая душа в это время не рисковала высовываться наружу. Обычно вся ночная жизнь Старого квартала крутилась у баров и притонов, но здесь царила тишина, лишь изредка откуда-то доносился приглушенный скрежет. Амадео знал — это качалась на ветру старая вывеска бакалейного магазина Эдуардо. Прошло столько лет, а старик до сих пор не удосужился ее смазать.

Вот и аптека. В треснутой витрине все еще висели плакаты, рекламирующие чудодейственные средства против аллергии и простуды, хотя лекарства тут больше не продавали. На двери висела табличка "Закрывается", но старик Боунс не спал, о чем свидетельствовал еле заметный свет откуда-то из глубины помещения.

Амадео постучал, стараясь не обращать внимания на то, что сердце бешено колотится. Поначалу он не слышал ничего, но вскоре за дверью раздались шаркающие шаги.

— Кто там? — послышался надтреснутый голос.

— Мне... — горло сдавило, и Амадео пришлось откашляться, чтобы продолжить. — Мне сказали, у вас можно снять комнату.

Молчание. Затем дверь с жалостливым скрипом распахнулась, и в нос Амадео уставилось дуло дробовика.

Мороз пробежал по коже — именно этот дробовик оборвал жизнь Микки. Ноги подкосились, и Амадео стоило больших трудов устоять на ногах. Злость вперемешку со страхом заставила голову закружиться, и он постарался взять себя в руки.

— Мистер Боунс, — он поднял ладони, держа их на виду. — Мне нужна комната на сегодняшнюю ночь. В баре у Джо сказали, что я могу обратиться к вам.

Голос звучал мягко, вкрадчиво и почти не дрожал. Старик с минуту смотрел на него, подозрительно ощупывая взглядом, затем опустил ствол.

— Хорошо. Заходите, — он повернулся и пошаркал вглубь аптеки.

* * *

— Держи, — старик поставил перед ним жестяную кружку, до краев наполненную каким-то пойлом. — Сегодня Рождество, надо хоть немного промочить горло.

— Спасибо, — Амадео попробовал напиток. Губы и язык обожгло огнем, по горлу будто пробежала кошка, выпустив когти. Приятное тепло разлилось по груди.

— Что это? — спросил он.

— Самопал, — хмыкнул Боунс, садясь напротив. — Сам делаю. Ты пей, праздник же. За окном падал снег, отчего казалось, будто на улице светлее, чем внутри. Боунс не

включал свет, довольствуясь неверно горящей свечой. Комната, которую он предложил Амадео, находилась на втором этаже и больше напоминала шкаф. В ней еле-еле помещалась старая скрипучая кровать и некое подобие тумбы.

Сейчас же они сидели в помещении бывшей аптеки, не слишком просторном, но, даже несмотря на практически полное отсутствие освещения, довольно уютном. Бывший прилавок служил барной стойкой, покрытые пылью пузырьки и флаконы казались богатым ассортиментом выпивки.

— Долго ты тут, парень? — Боунс подлил огня в кружку, снова наполнив ее до краев.

— В Старом квартале? С сегодняшнего дня.

— А я всю жизнь, сынок, всю жизнь, — старик крикнул. — Проклятое место. Ни дня без смертей, ни единого дня. И нет здесь ни одного человека, который хоть раз не замарал бы руки. Таков этот район, парень, или ты, или тебя.

— И вам приходилось? — ни голосом, ни лицом Амадео не выразил эмоций, но внутри все сжалось. Сердце подскочило к горлу, и он сглотнул противный ком, залив его пылающей жидкостью.

Старик вздрогнул. Птичий взгляд вцепился в Амадео.

— Кто тебя сюда послал?

— Джо сказал, что вы сдаете комнаты, мистер Боунс, — невозмутимо ответил Амадео. — Вы не ответили на вопрос.

Скрюченные, в старческих пятнах пальцы сцепились между собой. Старик низко опустил голову, сияя проплешиной на макушке.

— Да, — наконец проговорил он. — Господи Иисусе, да. И мне пришлось однажды замарать руки в невинной крови.

Амадео ждал, ни словом, ни жестом не торопя старика, хотя внутри все кипело от нетерпения.

— В невинной крови, мальчик мой, в самой что ни на есть чистой. Может, ты слышал от Джо, но обычно он не любит разбазаривать свои истории посторонним. Но это неважно. Я должен еще хоть кому-то поведать об этом. Все старожилы, знающие о моем позоре, уже поумирали, так что стыд мне более не страшен. Лишь Джо знает, что произошло в ту ночь, но я больше не в силах взваливать эти воспоминания лишь на него. Ты ведь простишь меня?

Амадео кивнул, храня молчание, а внутри все так и вопило: заканчивай с предисловиями! Расскажи о том, как ты убил Микки! Как выстрелил в него, как ошметки внутренностей размазались по двери! Расскажи!

Боунс залпом выпил адское пойло и налил еще. Узловатые пальцы обхватили кружку, чтобы унять дрожь.

— Несколькими годами ранее этого ужасного происшествия мою аптеку ограбили, избили жену и искалечили меня. С тех самых пор я не расставался с дробовиком. Запирал на все замки двери и окна, клал оружие рядом на подушку, как любимую женщину, и только тогда мог заснуть. Но в ту страшную ночь мне почему-то не спалось. Вероятно, виной тому был дождь, ливший всю ночь напролет. Этот мерный стук не убаюкивал, а лишь раздражал. Именно поэтому я услышал, как кто-то пытается открыть заднюю дверь.

Аптекарь снова замолчал, а Амадео едва не подался вперед в стремлении вырвать слова из глотки старика.

— Я поднялся и схватил дробовик. Жена рядом зашевелилась, но не проснулась. Наша спальня находилась вон там, — он махнул рукой куда-то в темноту. — Я прокрался к двери и

убедился, что мне не послышалось — щеколда ходила ходуном, еще немного, и она бы не выдержала. Затем я увидел, как в щель просовывается тонкая проволока и толкает запор вверх. И тогда я... — старик закрыл лицо руками, — я взвел курок и нацелил оружие на дверь. Я хотел выстрелить по ногам, я не собирался никого убивать! Но...

Амадео не мог пошевелиться. Тело будто налилось свинцом, неведомая перегрузка готова была расплющить его о стойку, и больших трудов стоило удержаться в вертикальном положении. Голова снова закружилась, и он кое-как заставил себя слушать.

— Как только дверь открылась, я выстрелил, — тихо закончил Боунс. — Вниз, по ногам, как и собирался. Но это оказался ребенок! И выстрел пришелся точно в грудь. От удара его отбросило назад, он шлепнулся в огромную лужу и... И начал дергаться. Не издал ни звука, только слегка подрагивал. Ничего более ужасного я в своей жизни не видел. Дробовик выпал из рук, да и я сам тут же рухнул на колени, не в силах поверить в то, что совершил.

Амадео молча смотрел на аптекаря. Внутри образовалась странная пустота, будто нечто, мучившее его долгое время, вдруг исчезло, забрав с собой не только боль, но и что-то светлое. Вот как погиб Микки. Это была глупость с его стороны, как и сказал тогда Кристоф. Но тогда Амадео не интересовало, насколько глупо поступил друг, он же пытался спасти Тереситу.

— Ты можешь ненавидеть меня за то, что я сделал, сынок, — Боунс горько усмехнулся. — Я сам себя ненавижу. Не проходило и дня, чтобы я не думал о том, могло ли все сложиться иначе. И всегда задавался вопросом — зачем такому маленькому мальчику забираться в аптеку? Больших денег лекарства никогда не приносили, а для наркомана он оказался слишком юным... Наверное, я никогда не узнаю ответа на этот вопрос.

Он опустил голову, коснувшись лбом стойки и, казалось, задремал. Амадео, не отрываясь, смотрел на пламя свечи. Глаза слезились то ли от яркого света, то ли от нахлынувших воспоминаний. Микки, хохочущий над мокрым с головы до ног Амадео, Микки, загоняющий камешки в пустые консервные банки. Микки, напряженно думающий, как спасти Тереситу. Микки, с решительным видом шагающий навстречу своей смерти.

— Он хотел спасти сестру, — голос не дрожал, но в нем сквозила тихая печаль. — Она серьезно заболела, и он хотел достать лекарства.

Аптекарь вскинул голову. В голубых глазах застыло изумление.

— Но откуда ты знаешь?

— Микки был моим другом, — уголки губ чуть приподнялись в горькой улыбке. — И в ту ночь наша сестричка заболела. Сильно простудилась, у нее был жар, она бредила. Микки вызвался сходить за лекарствами. Да, он поступил глупо, просто не постучав и не попросив вас о помощи. Но он хотя бы попытался что-то сделать.

Боунс потрясенно молчал.

— Он не вернулся, и к утру Тересита умерла. Я заболел тоже, но по непонятной причине справился с болезнью.

— Боже мой, — прошептал Боунс. — Боже мой. Так на моей совести не одна невинная жизнь, а целых две...

— Нет, мистер Боунс, — покачал головой Амадео. — Вы не виноваты. По крайней мере, не в той степени, в какой считаете. И я рассказал вам это не для того, чтобы усугубить чувство вины. Вы сказали, что хотели бы узнать, зачем мальчик залез в аптеку. Я открыл эту тайну.

— Но ты... — Боунс поправил очки. — Ты пришел сюда для того, чтобы... отомстить за

друга?

Амадео не удержался от фыркания.

— Вовсе нет, с чего вы взяли такую глупость? Прошло уже девятнадцать лет, Микки сам свалил дурака, да и у меня из-за этого жизнь сложилась совершенно иначе, чем могла бы.

— Но если бы ты мог все вернуть, то отговорил бы твоего друга залезать в аптеку? — неожиданно спросил Боунс.

Амадео с минуту смотрел на него, затем усмехнулся.

— Честно? Я не знаю. Я много потерял в ту ночь, но приобрел не меньше. Это слишком многое изменило в моей жизни, чтобы я мог так просто взять и решить. Не позволяй я Микки пойти за лекарствами, Тересита так или иначе умерла бы, но сам Микки остался бы жив. Этот выбор очень дорого бы мне обошелся, и я бы себе никогда этого не простил. Микки попытался спасти ее, хоть и не получилось. Так что, повторись ситуация снова, я бы не стал его отговаривать. Или пошел сам, — он помолчал. — И тем самым спас жизнь еще одного дорогого мне человека.

— Кого же? — пламя свечи отражалось в очках Бонуса.

— Моего отца.

И он одним большим глотком допил жидкий огонь.

* * *

Утром Амадео проснулся с такой тяжелой головой, что едва смог оторвать ее от подушки. В висках ухали молоты, тело ломило, будто хорошенько подрался.

— Удивительно, что я не в карцере после такого, — в горле пересохло, и он откашлялся. — Йохан, что я вчера...

Он открыл глаза и в недоумении уставился на незнакомый желтый потолок, весь в трещинах, как кожа старика.

— Йохан, — снова позвал он. Ответом была тишина.

С улицы донесся автомобильный гудок, вызвав вспышку головной боли, и Амадео вспомнил.

Тюрьмы больше нет. Надзирателей, драк и карцера тоже. Так же, как и Йохана. Все в прошлом.

Амадео с тихим стоном сжал голову руками, стремясь удержать осколки сознания. Что вчера было? Сколько он выпил? И — чего? С виски голова так не трещала бы.

Он с трудом сел, заработав приступ тошноты, и, зажмурившись, глубоко вдохнул и выдохнул. Стало немного легче, но горло все равно драли дикие кошки.

Открыв глаза, осмотрелся. Тесная комнатуха, где из мебели стояла лишь кровать и маленькая тумбочка. Сквозь грязные стекла лился дневной свет, на улице валил снег, и сплошная белизна резала глаза, вызывая нестерпимую боль в центре лба. Из щелей между рамой окна и стеной задувал холодный ветер, изредка выплевывая пару-тройку снежинок, которые незамедлительно таяли.

— Аптека, — хрипло пробормотал Амадео, наконец сообразив, где находится. — Ну конечно. Вчера я пришел в аптеку Боунса.

Снизу доносился звон посуды — кажется, аптекарь готовил завтрак или свое адское пойло, которым вчера потчевал Амадео. С улицы неслись звуки, которые он давным-давно

позабыл: матери звали детишек завтракать, мужчины переругивались, бродячие собаки сцепились в схватке. Где-то истошно орал кот, у которого посреди зимы вдруг наступил март.

Амадео накинул на плечи пальто и спустился вниз, где Боунс и впрямь готовил завтрак. Завидев постояльца, поднял тощую руку в приветственном жесте.

— Доброе утро, парень. Как самочувствие? Вижу, что не очень. Садись, поешь, к обеду, глядишь, оживешь.

Амадео поблагодарил и устроился у импровизированной барной стойки, покрытой старой пожелтевшей газетой. Боунс поставил перед ним тарелку с яичницей и дымящуюся кружку с чаем.

— А как же вы? — спросил Амадео, приняв завтрак с благодарностью, хотя при одном взгляде на еду начинало мутить.

— Я рано встаю и уже успел позавтракать. А ты давай налегай, не стесняйся. Как бы плохо ни было, поесть нужно. Сразу полегчает. Я знаю, о чем говорю.

Амадео невольно вспомнил Розу, которая вечно ворчала, но никогда не отказывала в помощи. Где она сейчас? Вряд ли работает на Лукаса после того, что произошло. Лишь Роза и Дэвид были убеждены в его невиновности. Но вряд ли он когда-либо их увидит и сможет поблагодарить.

— Кстати, — старик опустил на табурет напротив, наблюдая, как Амадео без особой охоты расправляется с завтраком. — Ты вчера так и не назвал свое имя. Если ты когда-то жил в Старом квартале, я должен тебя помнить.

— Вряд ли, мистер Боунс, — Амадео отложил вилку и обхватил ладонями кружку, согреваясь — в помещении аптеки оказалось не теплее, чем наверху. — Мне было всего восемь.

— Вот и проверим мою стариковскую память. Ну?

— Амадео. Меня зовут Амадео.

— Амадео, — Боунс задумался. — Имя знакомое, но я слышал его относительно недавно. Может, года три или четыре назад. Не припомню, чтобы оно встречалось мне раньше.

— Неважно, — отмахнулся Амадео. — Мое имя ничего вам не говорит, и я этому только рад. На какой срок вы можете сдать комнату?

Старик задумался. Затем снял очки и протер их полый старой изношенной рубахи.

— А ты надолго собрался тут задерживаться? Плохая это идея, мальчик мой, очень плохая. Тут тебя ничего хорошего не ждет.

Амадео отпил чай. Голова по-прежнему болела, и хотелось просто лечь и проспать до завтрашнего утра, но он не мог себе этого позволить.

— Мистер Боунс, а как здесь с работой?

Очки едва не выпали из узловатых пальцев. Аптекарь водрузил их на нос и строго уставился на него.

— Парень, я еще раз говорю: гиблое это дело. Чего ты к этому кварталу привязался, вокруг огромный город! Полно возможностей, почему ты...

— У меня есть причины, мистер Боунс. Если не ответите, я, пожалуй, поищу объявления в колонке "Работа"... — Амадео опустил взгляд на газетную скатерть.

— Да уж конечно, напечатают они тебе вакансию в газете почти трехлетней давности... Сейчас дам таблетку, погоди, а то у тебя такой вид, будто вот-вот в обморок хлопнешься...

Парень, чего застыл, как статуя?

Амадео уставился в стойку, не веря глазам. Газетная статья, полускрытая тарелкой, извещала о том, что в "Вентине" наконец-то арестован вор, обкрадывающий компанию на протяжении полугода. Им оказался заместитель начальника службы безопасности, некий Коллен Арденс. Автор статьи язвительно замечал, что начальник службы безопасности Лукас Солитарио с удовольствием дал комментарии по этому поводу. "Уж не покрыл ли Арденс преступления самого Солитарио? — вопрошала газета. — Иначе зачем так радоваться аресту заместителя? Напомним, что Арденса подозревали в краже и сбыте местному подполью фишек, игральных карт, костей и прочих мелочей, без которых работа казино...".

Амадео подавился чаем от внезапно нахлынувшего приступа истерического смеха. Боунс, всерьез обеспокоившись, хлопал его по спине, приговаривая:

— Куда ты так торопишься, на тот свет, что ли?

— Ничего, все в порядке, мистер Боунс, — сипло выговорил Амадео, наконец откашлявшись. — Простите, что напугал.

Смех уже не рвался наружу, но он все равно не мог успокоиться. Подумать только, Лукас поставлял фишки для тюремного казино! Разумеется, Амадео сразу узнал продукцию конкурента, когда получил посылку, хоть логотип и постарались уничтожить, но чтобы это сделал именно Лукас? Разменялся на такую мелочевку? По всей видимости, под крылом Лаэрте живет не так привольно, как кажется со стороны. Когда все вскрылось, Сезар не захотел скандала, и преступление свалили на первого попавшегося сотрудника.

— И чего тебя там так насмешило? — Боунс заглянул в газету. — А, об этой компании столько слухов ходит, некоторые и правда смешные. Чтобы начальник службы безопасности сам стал вором... Это ж надо такое придумать. Он наоборот должен следить, чтобы подчиненные не распускались. Так?

— Разумеется, мистер Боунс, — Амадео взял опустевшую тарелку и кружку. — Где можно помыть посуду?

* * *

Через полчаса Амадео добрался до главного здания "Вентины". На улице продолжал идти снег, и он поспешил войти внутрь, не забыв отряхнуть хлопья с пальто и волос. У стойки регистрации посетителей он остановился.

— Добрый день, — пропела девушка в белой блузке. На груди был прицеплен бейдж с именем: "Линда". — У вас назначена встреча?

— Нет, но мне нужен начальник службы безопасности. Он на месте?

— Господин Солитарио? Одну минуту, — она склонилась над ноутбуком. — Да он в своем кабинете. Прошу прощения, мне нужно выписать временный пропуск. Позвольте ваши документы.

Амадео без лишних вопросов протянул паспорт. Изящно очерченные брови Линды взлетели вверх.

— Минуточку, — пролепетала она, наскоро выписывая пропуск. — Прошу прощения за задержку, держите, — она положила карточку и паспорт на стойку и отдернула руку так поспешно, будто те были обжигающе горячими. — Пройдите по тому коридору, на лифте на

второй этаж, а затем налево. Всего вам доброго, мистер Солитарио.

— И вам, Линда, — вежливо ответил он, забирая документы.

Оказавшись у кабинета, Амадео на мгновение остановился. Но вовсе не потому, что засомневался в решении навестить брата. В дальнем конце коридора показался Сезар Лаэрте.

Он шагнул, по обыкновению задрал нос вверх, и слушал отчет невысокого мужчины в костюме-тройке и начищенных до блеска ботинках. Не смотря по сторонам, они пронеслись мимо Амадео и скрылись в лифте. До него донесся обрывок разговора:

— ...мы не можем больше конкурировать с ними, это опасно, господин Лаэрте. Задействовать резерв слишком рискованно, и...

— Меня не интересует, что ты думаешь, выполняй. Мы потопим всех, кто встанет на пути, и в первую очередь Сан...

Дверцы лифта захлопнулись. Амадео задумчиво прищурился, но, вспомнив, зачем пришел, толкнул дверь приемной.

Секретарша, миловидная блондинка в темно-зеленом брючном костюме вскочила с места, едва он вошел.

— Извините, господин Солитарио сейчас никого не принимает, — засуетилась она, бросаясь наперерез. — Если вы назовете свое имя и цель визита...

— Неважно, — ровным голосом произнес Амадео, направляясь к двери, за которой находился непосредственно кабинет. — Меня он примет.

— Но... Но как же... — растерялась она. — Так нельзя...

— Мне можно, поверьте, — он толкнул дверь и вошел.

Кабинет Лукаса не поражал размерами. Яркий свет от люминесцентных ламп, кожаное кресло, небольшой стол светлого дерева. Мигающая настольная лампа, несколько невысоких шкафов с наглухо запертыми дверцами, вмурованный в стену сейф. Куча бумаг, в беспорядке раскиданных по поверхности стола.

Лукас сидел, обхватив голову руками, и, казалось, дремал. Амадео подошел ближе и заметил наполовину пустую бутылку виски. Стакана, однако, не наблюдалось.

— Лукас, — позвал он.

Брат вздрогнул, пробудившись, и уставился на него, словно на привидение. На лице застыла печать неподдельного ужаса и растерянности. Длилось это долю секунды, Лукас почти сразу взял себя в руки, однако Амадео не упустил из виду то, что брат был жутко напуган его появлением.

Секретарша вынырнула из-за спины Амадео и залепетала:

— Я сказала, что вы не принимаете, господин Солитарио, но он не послушал, и...

— Все... Все в порядке, Лейла, — хрипло произнес тот. — Оставьте нас.

— Мне вызвать охрану, господин Солита...

— Я сказал, оставь нас! — рявкнул Лукас. — Пошла прочь и не смей входить, пока не прикажу!

Бедная девушка вздрогнула, глаза наполнились слезами.

— Слушаюсь... Господин Солитарио, — прошептала она. Дверь тихо закрылась.

— Не слишком-то вежливо обращаешься с подчиненными, — заметил Амадео, присаживаясь на стол — больше ни единого стула или кресла в кабинете не было.

— Как ты сюда попал? — спросил Лукас, откидываясь на спинку кресла.

Ни приветствия, ни вопроса "Как дела?", ни малейшего беспокойства о брате, который

провел четыре года за решеткой. Амадео это покорило бы, не зная он, что это все вина Лукаса.

— Тебе стоило бы нанять охрану получше, лентяй, — уголки губ чуть приподнялись, но глаза остались холодными. — И как тебе тут? Вижу, муки совести не заедают, — он щелкнул пальцем по бутылке. — Потому что ты их, видимо, запиваешь.

— Что бы ты понимал, — Лукас пригладил всклокоченные волосы. — Зачем пришел?

— Хотел посмотреть, как тебе живется.

— Как видишь, великолепно, — Лукас откашлялся. — Я теперь работаю на Лаэрте, а суд постановил лишить тебя наследства как недостойного этой чести. Так что извини, мне нечего тебе дать, — он поднял руки. — Ах да, дом отца я продал. Тот особняк. Слишком накладно содержать его.

Амадео сжал губы, стараясь удержать возмущение. Если вопрос о праве наследования его не слишком волновал, то новость о продаже дома, где он провел большую часть жизни, разозлила. Разумеется, Амадео знал, что этим закончится, когда Лукас просил подписать отказ от наследства, однако новость все же неприятно поразила его. Для брата не осталось ничего святого.

Он же не постеснялся убить Кристофа. Что ему до какого-то там дома?

— Не думал, что зайдешь настолько далеко, — он сглотнул, и в горле что-то щелкнуло. — Не знаю, чем тебе мешал дом, но ты мог хотя бы не предавать память отца.

— Я уже сказал! — Лукас повысил голос. — На содержание дома уходило очень много средств! Я не мог позволить себе такие траты!

— У тебя была огромная компания во владении, Лукас! — крикнул Амадео. — Куда ты тратишь деньги?!

— А это не твое дело! Мне пришлось ее продать!

— Пришлось? И ты выбрал для этого именно Санторо?

Лукас захлопал глазами, пытаясь прогнать пьяную пелену.

— Санторо? Я продавал "Азар" не ему, как она вообще попала во владение Санторо?

— Не знаю и знать не хочу, — из горла Амадео вырвался смешок. — Тебя обдурили, Лукас. Наивный идиот. Санторо всех нас обвел вокруг пальца, а ты был лишь пешкой. Впрочем, как и я.

Лукас уронил голову на стол. Бутылка едва не упала с края стола. Амадео рефлексивно подхватил ее.

— Выходит, мы все дураки, Амадео, — голос брата звучал глухо. — Полное дурачье. И я, и ты, и отец...

Амадео грохнул бутылку на стол. Руки сами собой сжались в кулаки.

— Ты убил его, чтобы завладеть компанией, Лукас. Я хотел увидеть, что тебя хотя бы немного мучает совесть, но теперь понимаю, что зря надеялся. В тебе не осталось ничего святого. И вряд ли когда-то было.

— Мир бизнеса таков, что приходится идти по головам, — Лукас поднял голову и пьяно усмехнулся. Он изо всех сил старался казаться невозмутимым, однако голос предательски дрогнул. — Даже если подворачиваются близкие люди. Ты мешаешь, Амадео. Лучше держись подальше от моей нынешней компании, иначе я буду вынужден избавиться от тебя.

В кабинете повисла тишина. Амадео не сводил взгляда с упрямо сжавшей губы брата.

— Нет нужды угрожать мне, Лукас. Я лучше умру, чем увижу тебя еще раз, — он развернулся и пошел к двери. Взявшись за ручку, на мгновение остановился. — Ах да.

Большое спасибо за фишки и карты. С их помощью я заработал куда больше, чем они стоили.

Секретарша вскрикнула от неожиданности, когда на стол полетел временный пропуск, сбив баночку с лаком для ногтей. Красная густая жидкость медленно расплзлась по какому-то документу. Девушка удивленно уставилась на имя, указанное на карточке, и подняла голову, чтобы окликнуть гостя, но он уже скрылся за дверью.

* * *

Этим вечером в баре было немногочисленно. Спортивные трансляции закончились, на улице мела метель, редкие прохожие заглядывали погреться. Джо занимался излюбленным делом — полировал стойку, Кейси тихо матерился за дальним ее концом, уткнувшись в старенький ноутбук.

— Что он делает? — спросил Амадео, кивнув в сторону парня.

Джо нахмурился и бросил мрачный взгляд на племянника.

— Ерундой страдает. Лазит в своей машинке, а потом за ним полиция приходит.

— Полиция? — удивился Амадео. — По какому поводу?

— Я взломал сайт! — радостно возвестил Кейси из-за монитора. — Не знаю, чего они так разозлились, это же была шутка...

— Вот как? Шутка?! — в Кейси полетело полотенце. — А сколько нервов мне твоя шутка стоила, ты помнишь? Идиот! — Джо, выдохнув, повернулся к Амадео. — Этот дурак умудрился взломать сервер полицейского управления и разослал им похабные картинки.

— Если им не понравились девушки-полицейские, то я не виноват!

— Заткнись! Хорошо, что они не узнали о второй твоей шуточке, юморист хренов!

— А что было во второй раз? — заинтересовался Амадео.

— В прошлый раз... — Джо оглядел бар. Трое посетителей смотрели телевизор, по которому шел какой-то концерт, еще двое разговаривали за дальним столиком в углу. Он наклонился ближе к Амадео и театральным шепотом поведал. — В прошлый раз он взломал чей-то счет и спер оттуда значительную сумму денег.

— Я же вернул! — возмутился племянник. — И не нужны они мне были, просто шутка...

— Потому что я заставил вернуть! — рявкнул Джо. — Этот идиот прибежал ко мне хвастаться. Я ему всыпал хорошенько, и он сделал, как было.

— Выходит, Кейси, ты хакер? — Амадео отбросил волосы за спину. — Как интересно...

Тот зарделся и спрятался за ноутбуком.

— Правда интересно? Ну не то чтобы хакер, так, балуюсь...

— И любой сайт можешь взломать?

— Эй, эй, ты на что это его подбиваешь, а? — насупился Джо. — Мало ему приводов в полицию из-за всякой ерунды, еще и киберпреступлений не хватало!

— Да кто меня засечет, дядя? — возмутился Кейси. — Я научился использовать...

— А меня не волнует! А ну пошел живо отсюда, пока я снова тебе не вмазал! И чтобы до завтрашнего утра я тебя тут не видел!

Кейси захлопнул ноутбук и, сунув его под мышку, ретировался, тихо ворча. Амадео ободряюще кивнул и похлопал парня по плечу, когда тот проходил мимо.

— Проблем с ним не оберешься, — фыркнул Джо, поднимая полотенце. — Вечно

залезет в какую-нибудь задницу, а мне приходится бросать бар, чтобы его вытащить...

— Почему вы не хотите нанять еще одного бармена, Джо? — спросил Амадео. — Вам самому было бы проще, можно куда-то отлучаться, работать посменно...

Тот презрительно фыркнул.

— Да ни за что. Мне нравится моя работа, и поручать ее кому-то другому выше моих сил. Как представлю кого-нибудь за стойкой, кроме меня, так мороз по коже дерет.

— Понимаю, — кивнул Амадео. — Сложно отдать то, что принадлежит тебе. Даже на время.

Джо схватил тряпку и принялся полировать стойку. За эти несколько дней Амадео подметил, что это одна из его любимых привычек. На втором месте стояло протирание стаканов, а на третьем — выслушивание жалоб посетителей.

— И откуда ты такой умный взялся, а? — как бы невзначай вырвалось у бармена. — Приходишь уже второй вечер, заказываешь виски, а потом сидишь до закрытия.

Амадео моментально понял намек.

— Это долгая история, Джо. И потребует много сил. Вот если бы вы предложили мне работу, я бы подумал, рассказать или нет.

Ход сработал. В глазах Джо мелькнул злобный и одновременно заинтересованный огонек.

— Ах ты, хитрый койот. Решил таким образом меня развести? Я же сказал, что...

Бармен схватился за карман и секундой позже выудил телефон, который бешено мигал разноцветными огнями и требовательно орал.

— Да! — рявкнул он в трубку. — Куда тебя черти унесли, малец, я тебя...

Амадео поднял голову и без малейшего удивления увидел, как лицо Джо становится все краснее и краснее. Казалось, он сейчас взорвется.

— Да ты. Ты знаешь. Что я с тобой сделаю. Мелкий ты паршивец, — голос звучал почти ласково, однако Амадео уже знал, к чему это приведет. Джо был очень и очень зол. — Я не могу оставить бар, у меня тут куча народу! А ты требуешь, чтобы я из-за одного мелкого хомяка все бросил? Да ты...

Похоже, что связь оборвалась. Джо зло подпрыгнул, сжимая телефон так, будто хотел раздавить его.

— Мелкий гаденыш! — шипел он под нос. Орать мешали посетители. — Да чтоб ты провалился, да как ты вообще...

— Что случилось, Джо? — спросил Амадео.

Произошла мгновенная метаморфоза. Из разъяренного быка Джо снова превратился в улыбчивого доброго бармена.

— Ничего-ничего, все в полном порядке, дорогой клиент, — залебезил он. — Налить вам еще виски?

— Нет, спасибо, лучше расскажите, что произошло. Снова Кейси напортачил?

При упоминании имени племянника на щеке Джо вздулась вена, хотя он всем своим видом показывал искреннее дружелюбие.

— Да подумаешь, опять попал в полицию, ничего серьезного. К утру его отпустят, точно говорю...

— Я вижу, как вы переживаете, Джо, — спокойно проговорил Амадео. — Идите за ним.

— Не могу, — руки Джо устало опустились, голова поникла. — Как я оставлю бар, не выгонять же посетителей! Знаю, что надо, но...

— Если хотите, могу постоять за стойкой минут пятнадцать, пока вас не будет, — небрежно предложил Амадео, сделав глоток виски.

Джо удивленно уставился на него, собираясь было отказать, но в следующее мгновение закрыл рот. В голове шелкали счеты, просчитывая возможные убытки, которые он понесет, если бар останется на некоторое время без бармена, и возможную выгоду, если за стойку встанет этот парень. Видимо, выгода перевесила, потому что он кивнул и жестом пригласил Амадео занять его место.

— Тут одни мужчины, пьют в основном пиво. Сложные коктейли вряд ли кто закажет, поэтому даже говорить об этом не стоит. Виски стоит здесь, бутылочное пиво в холодильнике, разливное наливается так, — он дернул ручку, в стакан полилась пенная жидкость. — Наклоняй стакан, чтобы пены было поменьше. Все понял?

— Да, — кивнул Амадео, собирая волосы в хвост. — Идите, Джо, ваше дело не терпит отлагательств.

— Не думаю, что придется делать что-то сверхъестественное, парень. Но на всякий случай ссылайся на то, что я сейчас подойду. Не провоцируй конфликты. Если кто-то начнет спорить, потрезвонь с ним, пока не вернусь, все ясно?

— Идите, Джо, — Амадео ободряюще кивнул. — Я справлюсь.

* * *

Джо волоком втащил Кейси в бар, ругая на чем свет стоит. Тот съежился в комочек и боялся даже пикнуть. Бармен был очень зол, тем более ожидая увидеть в своем баре полный раздрай, однако то, что предстало его глазам, совершенно выбило из колеи и заставило замолчать.

Три девушки сидели у стойки и хихикали, потягивая мартини. Амадео отвечал им с вежливой полуулыбкой, наливая пиво еще нескольким клиентам, ждущим рядом.

— Дядь, чего застыл? — робко подал голос Кейси, безуспешно пытаясь выкрутиться из мощных рук.

— Замолкни, — лаконично ответил Джо, швыряя племянника, как котенка, на ближайший стул. — Сидеть тут.

— Уже вернулись, Джо? — приветливо сказал Амадео. — Налить вам чего-нибудь?

Джо бросил оценивающий взгляд на трех подружек, которые то и дело стреляли в красавца-бармена соблазняющими взглядами. Тот держался дружелюбно, однако вместе с тем отстраненно. Джо это понравилось.

— Как тебе удалось? — спросил он, понизив голос. — В моем баре женщин не было уже полгода минимум, не считая случайно зашедшей бабульки.

Амадео пожал плечами.

— Я на минуту выглянул на улицу, чтобы поправить рекламный щит. Его сдуло ветром.

Джо с минуту изучающе таращился на него, затем в голос расхохотался.

— Ах ты, плут! Щит он поправил, видите ли! Каков хитрец! — затем снова понизил голос. — Бьюсь об заклад, эти дамочки как только тебя углядели, сразу же помчались сюда быстрее того самого ветра.

— Это мне неизвестно, Джо, — невозмутимо отвечал тот. — Так что будете пить?

Так Амадео нашел работу. Джо учил его всему, что знал, и нарадоваться не мог на талантливого ученика: тот схватывал на лету и вскоре научился довольно ловко управляться с бутылками, бокалами, стаканами и прочими атрибутами профессии бармена.

— Ты настоящее сокровище, парень, — восхищенно говорил Джо. — И что ты со своими талантами забыл в баре? Тебе бы быть главой какой-нибудь корпорации.

— Был. Не понравилось, — на полном серьезе отвечал Амадео, а Джо лишь смеялся.

Слухи быстро разносились, и вскоре в бар начали чаще заходить существа женского пола, что несказанно радовало и хозяина, и, в особенности, Кейси. Он теперь все свободное время торчал в баре, либо околачиваясь у стойки, либо, когда клиентов было мало, ковыряясь в ноутбуке, который всюду таскал с собой. Время от времени до Амадео доносились проклятия, состоящие из специфических терминов, значения которых он не понимал. Ругательства сопровождалось ударами кулаком по стойке, и тогда Джо прикрикивал на не в меру разошедшегося племянника.

— Что ты делаешь? — однажды поинтересовался Амадео, протирая стойку.

— Да никак не могу всунуть этот чертов эксплойт, чтоб его... Файрволлов понаставят, и хрен пробьешься. Попробовать брутфорс, что ли, хоть это уже устарело и муторно, но я смогу...

— А не сатанинским языком? — взмолился Амадео, заставив Кейси захихикать.

— Говоря проще, я запустил вирус, чтобы взломать один сайт, а он не пашет. Наверное, наткнулся на... А, какая разница, ты все равно не поймешь. В общем, хочу сейчас попробовать метод перебора паролей, вдруг сработает.

— Будешь подбирать пароли один за другим? И сколько времени на это уйдет?

— Целый вечер, а может, и ночь, — Кейси обреченно стукнулся лбом о полированное дерево. — Но я должен это сделать!

— Выходит, ты мастер по взлому?

— Угу, — глухо отозвался парень. — Но, видимо, фиговый, раз не могу влезть в эту систему.

— Кейси, хватит стенать, от твоих воплей разочарования клиенты разбегаются! — Джо швырнул в него полотенцем. — Просто невыносимый парень, говорил я: найди нормальную работу. А он только и делает, что за своим компьютером сидит. Правильно говорят, что от этого тупеют.

Амадео пожелал Кейси удачи и отошел. Но время от времени бросал любопытные взгляды на горе-хакера.

В один из вечеров, когда основная масса посетителей уже схлынула, а Джо с интересом слушал рассказ какого-то парня (еще одна слабость бармена), Амадео сел напротив Кейси и протянул кружку пива.

— Целый день работаешь. Не пора ли отдохнуть? Твой дядя говорит, что ты испортишь себе зрение, если будешь столько времени сидеть за компьютером.

— Да что он понимает? — фыркнул Кейси, мечтательно глядя на запотевшую кружку. — В моем возрасте это уже невозможно. И потом, что мне делать? За стойку он меня все равно не пускает, я лишь мусор убираю, а уборка только после закрытия или завтра утром.

— Тоже верно. И все же, — Амадео подвинул ему пиво, — от глотка ты не откажешься?

Кейси радостно схватил кружку обеими руками и разом опустошил наполовину.

— Вкуснота-а-а, — довольно протянул он. — А этот злобный амбал не дает мне пить! А я уже совершеннолетний, между прочим! — в голосе звучала детская обида.

— Значит, у него на это есть причины, Кейси, — Амадео перегнулся через стол, пытаясь заглянуть в экран ноутбука. — Над чем на этот раз трудишься?

Кейси допил пиво и отодвинул кружку. Глаза засияли, он с готовностью повернул ноутбук к Амадео.

— Вот, смотри, я пытаюсь взломать этот сайт. У него три степени защиты, и две из них я уже прошел, осталось совсем чуть-чуть.

— Ты можешь ломать даже такие системы? — удивился Амадео. — Парень, ты просто гений.

Кейси покраснел от похвалы.

— Да не, не то чтобы...

— Но я уверен, один сервер даже самый лучший хакер не взломал бы, — Амадео откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Зеленые глаза Кейси моментально вспыхнули интересом.

— Да? Это какой?

— Забудь, слишком сложно. Еще никому не удалось проникнуть за эту систему защиты. Уж там-то применяются совершенно новые технологии, куда тебе со своими эксплойтами и брутфорсами...

Кейси выпятил нижнюю губу и обиженно засопел.

— Ты бы хоть сказал, что за сервак! Я хочу попробовать, давно пора переходить на новый уровень!

Амадео хмыкнул.

— Кейси, я же сказал: для тебя слишком сложно, — он поднялся. — Все, чего ты добьешься, это хорошего пинка под зад.

— А мне не привыкать! — запальчиво воскликнул парень. — Спорим на пиво, что смогу!

Амадео покачал головой.

— Чтобы твой дядя мне потом голову открутил? — он задумался на мгновение, а затем заговорщически подмигнул. — Три пива.

— Отлично! — Кейси размял пальцы. — Так куда надо залезть?

Амадео сел напротив и подпер подбородок ладонью, будто все еще раздумывал. Кейси нетерпеливо подпрыгивал на стуле.

— Ладно, раз уж я это предложил, отступать не буду, — Амадео наклонился ближе, словно боялся, что кто-то подслушает. — Главный сервер телеканала "Новости и факты".

* * *

Ребекка сидела за своим рабочим столом и курила сигарету за сигаретой. Сегодняшняя ночь выдастся напряженной: завтра Беррингтон снова официально вступает в должность министра. И какие идиоты за него голосовали? Какими нужно быть слепцами, чтобы избрать это чудовище?

Ребекка устало отшвырнула пачку документов и подошла к очередной сигарете. Никакие изболтательные статьи не помогли, Беррингтон всюду распевал приятные песенки о ложности обвинений, о любви к детишкам и прочей ерунде. Врал и даже не краснел, лишь шрам, который оставила ему приемная дочь, пламенел поперек лица. А он еще имел совесть сказать, что заполучил его, когда катался на велосипеде и попал под ветку!

Тогда, много лет назад, после этой истории Ребекка приложила все усилия для того, чтобы Беррингтон попал за решетку. Именно ей пришел толстый пакет документов в неподписанном конверте, в котором оказалось достаточно материалов, чтобы надолго упереть Беррингтона в тюрьму: доказательства связей с наркокартелями, подложные документы об установлении опеки над детьми из детских домов (на самом деле их отправляли, как скот на убой, на зверские эксперименты) — достаточно, чтобы этот монстр больше никогда не увидел дневного света. И тут, как гром среди ясного неба, приходит сообщение о том, что Крейг Беррингтон выходит из тюрьмы, так как найдены доказательства его невиновности! Что, черт побери, за бред?

Позже, когда всплыла связь Беррингтона с некой Жаклин Коллинз, все встало на свои места. Без поддержки Беррингтона Жаклин очень быстро опустилась на самое дно колодца, куда ее толкнул бывший подопечный. И, собрав последние силы, эта змея смогла вытащить партнера из тюрьмы в обмен на то, что он поможет расправиться с предателем.

— Какого черта ты меня-то вмешал в это дело, Ксавьер? — пробормотала она, вновь собирая раскиданные по столу документы.

А она бы отказалась? Смогла бы, после того, что Ксавьер для нее сделал? Своим положением, своим креслом Ребекка была обязана ему. Именно он помог ей, тогда совсем неопытной, но запальчивой девчонке скинуть с места прошлого директора и водворить свою персону во главе телеканала. Ксавьер Санторо не требовал денег. Он требовал информацию. В любое время дня и ночи, когда потребуется, она обязалась держать его в курсе событий.

И он помог. Сдержал слово. А теперь она должна держать свое. Ребекка не строила иллюзий насчет своей неуязвимости и понимала, что может лишиться своего кресла так же легко, как получила его. Но пока Ксавьер на ее стороне, этого нечего опасаться.

— Мисс Кэмпбелл! — вдруг прорезал тишину голос верного помощника.

— В чем дело, Марко? — раздраженно рявкнула Ребекка, хватаясь за пепельницу.

Тот произвольно присел, хотя она не собиралась ее швырять.

— Мисс Кэмпбелл, у нас происшествие.

Начинается.

— Что там еще? Беррингтон пришел собственной персоной давать интервью?

— Нет, мисс, Кэмпбелл. Лучше посмотрите сами, — помощник указал на тонкий монитор на столе Ребекки.

Она, непонимающе сдвинув брови, шевельнула мышкой. Заставка исчезла, и во весь экран высветилась черная надпись на белом фоне.

Ребекка выронила сигарету прямо на бумаги, не веря глазам. Беррингтон мгновенно вылетел из головы, невеселые мысли выдворила злость и невесть откуда взявшееся веселье. Ребекка крепко сжала губы, чтобы не рассмеяться. Надо же, как забавно.

— Это на всех компьютерах, мисс Кэмпбелл, — пролепетал несчастный помощник, аккуратно подцепив сигарету двумя пальцами и отправляя в мусорку. — Что прикажете делать?

— Отследить пробовали?

— Да, но хакер использует прокси. Дайте еще несколько минут, и мы его найдем.

— Понятно, отставить, — скомандовала она, поднимаясь. Собранные было документы снова разлетелись веером по столу.

— Отставить? — выдохнул Марко. — Но как же...

— Это чья-то глупая шутка, не более, — губы искривились в усмешке. — И бьюсь об заклад, что знаю виновника.

* * *

— Чего это Кейси довольный, как сто индейцев? — Джо подозрительно косился на племянника, который потирал ладони, таращась в неизменный ноутбук.

Амадео пожал плечами и поставил перед посетителем высокий стакан с пивом. Была пятница, на Старый квартал опускался вечер, и народу прибавлялось. Джо припоминал, что не видал такой посещаемости с самого открытия, и довольно тыкал Амадео локтем в бок, когда какая-нибудь девушка, одна или в компании подружек, усаживалась за стойку, а не за столик.

— Понятия не имею, — Амадео приветливо кивнул компании молодых людей, вошедших в бар. — Наверняка опять что-то замыслил. Ладно вам, Джо, он ничего криминального пока не совершил.

— Пока! — Джо ткнул пальцем в нос Амадео. — Ключевое слово — пока. Если так и дальше пойдет, обязательно загремит за решетку, и что я тогда буду делать?

— Он не настолько глуп. Конечно, амбиций у него море, но о последствиях думает. Пусть и немного.

— Ага. Думает он, — проворчал Джо. — Бестолковка. И свалилось же мне на голову такое счастье...

Изо дня в день бармен ворчал на нерадивого племянника, гонял по поручениям, швырялся полотенцем (стаканы шли в ход только в самом крайнем случае), но Амадео не мог не видеть, как сильно Джо любит Кейси — единственного родного человека, оставшегося у него после смерти сестры. Хоть где-то родственные связи действительно имеют значение, горько усмехнулся про себя он, смешивая коктейль.

С того дня, как он покинул "Вентину", о брате ничего не было слышно, и Амадео этому только радовался. Он закрыл эту страницу своей жизни, теперь уже навсегда. Больше ничего не связывало его с Лукасом.

— Женщина, — восхищенно выдохнул Джо. Несмотря на то, что девушки тут бывали регулярно, он все никак не мог перестать удивляться каждой бабочке, залетевшей на огонек. — В моем баре снова женщина! И какая!

Амадео поднял голову. В зеркале, висящем над стойкой, отразилась блондинка с точеной фигурой, шагающая напрямик к нему. Дорогое пальто распахнуто, будто она вышла из автомобиля прямо у дверей бара, на светлых волосах ни снежинки. Она остановилась за спиной Амадео, сверля его взглядом.

— Какого, прости, черта ты делаешь в этой дыре? — резко спросила она, сдергивая пальто и швыряя на стойку.

Амадео даже не обернулся.

— И я рад тебя видеть, Ребекка.

— А я нет! — она плюхнулась на табурет. — Мне текилу и поживее!

Амадео все еще не смотрел на нее, продолжая работу. Она же изучала его цепким, внимательным взглядом.

Волосы, обрезанные Лукасом, снова отросли, разве что стали чуть короче. На красивом лице застыло жесткое выражение. В глазах... Ребекка чуть изогнулась, стремясь поймать его взгляд, но ей не удавалось — Амадео все время отворачивался.

— Прекрати! — наконец рявкнула она. — Мы не виделись четыре года, а ты даже посмотреть на меня не хочешь?

— Одну минуту, я занят коктейлем. Джо, обслужите даму вместо меня?

Ребекка схватила стопку с текилой, которую Джо поставил перед ней, опрокинула в себя, даже не поморщившись, и знаком потребовала налить еще. Бармен восхищенно присвистнул.

— Будьте моей женой!

Та даже не взглянула на него, продолжая изучать Амадео, который поставил коктейль на стойку, вежливо кивнув очередной клиентке, и наконец повернулся к ней.

— Добрый вечер, Ребекка. Давно не виделись.

— Достаточно давно, чтобы твоя шевелюра стала еще шикарней, чем была, балда. Каким ветром тебя занесло сюда?

— А мне было куда идти? — Амадео достал из холодильника бутылку пива, открыл и отдал мужчине, севшему рядом с Ребеккой. Тот не сводил с нее восхищенного взгляда и нагло лыбился.

— Мог бы вступить в права наследования, и...

— Сидя в тюрьме? Ребекка, каких сказок ты начиталась?

Та покосилась на соседа, который придвинул табурет ближе, явно рассчитывая на более близкое знакомство, и страдальчески закатила глаза.

— Если этот урод не прекратит, я ему врежу. Мы могли бы поговорить в другом месте? Здесь слишком шумно.

— У меня смена до закрытия.

— Ты можешь взять отгул. И ты его возьмешь.

Джо, совершенно очарованный Ребеккой, ангельски улыбнулся.

— Может, все же возьмете меня, мисс?

— Амадео, — Ребекка хлопнула стопку на стойку. — Или мы уходим, или я начинаю убивать.

— Не надо, Ребекка. Джо, прошу прощения, на сегодня я беру отгул. Можете вычесть из моей зарплаты, ничего страшного.

Бармен махнул рукой, полным сожаления взглядом провожая Ребекку, которая, шлепнув на стойку купюру, накинула пальто и шла к выходу, заставляя завсегдатаев бара оборачиваться ей вслед.

— Не беспокойся. Заставлю пахать этого недоросля, — он злобно зыркнул на Кейси и рявкнул. — Живо сюда! А ты, — он снова ткнул в Амадео пальцем, — потом расскажешь, откуда знаешь эту красотку. Иначе лишу половины зарплаты. Все понял?

Сидя в кресле, Амадео зябко кутался в теплый плед. Кружка с чаем дымилась на краю стола. Хозяйка кабинета пила кофе, изредка бросая на Амадео любопытные взгляды.

На улице царила глубокая ночь. Из бара, в который привезла его Ребекка, они уехали далеко за полночь, оба изрядно набрались. Но, пока добирались до дома, хмель слегка выветрился. Ребекка же выглядела так, будто вообще не пила.

— Хорошая сопротивляемость алкоголю, — усмехнулась она. — А вот у тебя, гляжу, совсем ни к черту, милый.

Амадео спорить не стал.

Дом Ребекки выглядел так, будто сошел со страниц футуристического журнала. Обтекаемая форма, прерываемая резкими, четкими линиями создавала впечатление хищника, стремительного, с острыми зубами, затаившегося, но готового ринуться за добычей при первой возможности. Квадраты и прямоугольники, множество стекла, преобладают черный и белый цвета. Вместо традиционной крыши — плоская площадка. Амадео смело предположил, что она вполне может быть предназначена для вертолета. Ребекка в ответ лишь усмехнулась, и он решил, что не так уж далек от истины.

Внутри все было выдержано в том же стиле. Черная плитка, белые с черными полосами стены, причудливо изогнутая барная стойка со стульями, напоминающими расплавленный металл. Все будто находилось в вечном движении, стремилось сорваться с места и обогнать само время.

Горячий чай разнес приятное тепло по телу, окоченевшие руки начали понемногу отогреваться. В голове прояснилось, и Амадео снова задался вопросом, который возник, когда Ребекка села за стойку.

— Как ты меня нашла? Я не говорил о Старом квартале, а тот вирус... Просто шутка.

Она снисходительно улыбнулась.

— "Все вы мои собачки". Как только ты запомнил эту фразу? Я уже давно о ней забыла.

— Это было наше первое знакомство, Ребекка, и раз ты догадалась, от кого это сообщение, значит, твоя память не так уж и плоха. Но ты не ответила на вопрос.

Та рассмеялась и вытащила заколку из волос. Светлые локоны рассыпались по плечам, она с наслаждением потеряла шею.

— Я торгую информацией, милый. Как думаешь, насколько тяжело мне найти только что освободившегося из тюрьмы человека, которому, к тому же, некуда идти?

Амадео плотнее обхватил кружку руками, наслаждаясь теплом.

— Но зачем? Зачем ты меня забрала? Насколько я тебя знаю, ты и пальцем не пошевелишь, если не увидишь выгоды.

— Не спрашивай меня о причинах, и я не спрошу тебя, какого черта ты так быстро сдался. Бармен в захолустном баре! Для человека с твоими талантами не нашлось работы получше?

Амадео задумчиво смотрел в окно, кутаясь в плед.

— Сдался? А у меня был выбор? Я потерял все. Семью. Лучшего друга. И верного товарища, который не дал мне сгинуть в тюрьме. И все это забрал Лукас, который сейчас не думает о том, куда я ушел, чем занимаюсь и жив ли вообще. Ему наплевать. Все девятнадцать лет ему было плевать. И еще... Ты знала, что Ксавьер теперь владеет "Азар"? Разумеется, знала.

— Трудно утаить в мешке такое шило, — туманно ответила Ребекка.

Амадео отпил ароматный чай.

— Теперь я понял, почему он так обошелся со мной четыре года назад. Почему оттолкнул, разорвал контракт. Он уже задумал это. Договоренность. Не с моим отцом, не со мной — с Лукасом. Я был лишь средством к достижению его цели. И... — Амадео едва слышно вздохнул. — Теперь я никому не верю. И тем более Ксавьеру. Прости, могу я где-нибудь прилечь? Жутко хочется спать.

Ребекка махнула рукой.

— Гостевая комната дальше по коридору. Вторая дверь налево.

Амадео поднялся и поставил пустую кружку на стол. Ребекка в который раз за этот вечер поразила переменам, произошедшим в наивном пареньке, которого она когда-то знала. Из глаз ушел блеск, уступив место мрачному выражению темной затаенной боли, на губах не осталось ни намек на улыбку. Даже там, в баре, после нескольких стопок текилы он старался быть дружелюбным, однако все попытки улыбнуться превращали прекрасное лицо в гримасу.

За четыре года Амадео превратился в человека, который больше не может смеяться.

— Спасибо, Ребекка. За все спасибо.

Едва Амадео скрылся за дверью, она схватила телефон и набрала номер.

* * *

На следующее утро Ребекка встала рано. Пресса никогда не спит, удивительно, что удалось отдохнуть целых пять часов. Но ее немало удивило, когда без четверти семь в дверь постучали.

— Войдите! — крикнула она, пытаясь разорваться между двумя телефонами, электронными письмами и факсом.

— Доброе утро, — Амадео заглянул в кабинет. — Я не помешал?

— Нет, все в порядке, — она кивнула на кресло. — Садись.

Амадео послушно опустился на сиденье, наблюдая за Ребеккой. Зажав в зубах карандаш, либо заткнув его за ухо, когда приходилось делать звонок, она действовала четко и размеренно, без суетливости и паники, чем обычно грешат молодые руководители. Она в своем деле была профессионалом, ничего удивительного, что дослужилась до такой высокой должности. Но только Амадео знал, что без помощи тут не обошлось. Он едва сдержал усмешку. Трудно добиться чего-то, однако удержаться на вершине еще сложнее, если не обладаешь нужными навыками. Ребекка обладала, несомненно. Однако он все еще помнил, как смутил ее в первую встречу, и что-то подсказывало, что немногим это удавалось.

Ребекка выхватила бумаги из факса и села за стол, разложив их перед собой. Светлые волосы, сколотые на затылке, слегка растрепались, прядь выбилась из пучка и вилась у правой щеки. Она достала из-за уха карандаш и перечеркала полученные листы, делая пометки на полях. Закончив, швырнула их на край стола и уставилась на Амадео.

— Как спалось? Похмелье не мучает?

— Нет, все в порядке, — покачал головой он. — Марко был так любезен, что принес мне минералку. Почему он живет здесь?

— Марко мой личный секретарь, — она снова заткнула карандаш за ухо. — И пока ты здесь, он будет за тобой присматривать.

— То есть, нянька, — понимающе прищурился Амадео. — Он заслуживает большего.

Способный малый.

— Я прекрасно осведомлена о его способностях. Думала, ты будешь спать до обеда.

— Я привык рано вставать, — лицо Амадео стало непроницаемым, будто он неуловимым движением надел маску. — В тюрьме подъем в семь утра.

Ребекка почувствовала себя неловко, что случалось крайне редко, и чтобы скрыть смущение, взяла в руки телефон. Амадео Солитарио всегда оставался для нее загадкой. Даже с Ксавьером она не чувствовала себя настолько не в своей тарелке. Ребекка терпеть не могла людей, которых не удавалось прочесть, однако этот паренек вызывал интерес. С самой первой встречи.

"Иначе сидел бы ты сейчас в своем баре", — беззлобно подумала она, закуривая.

— Ребекка, — Амадео смотрел на нее в упор, и ей стало неудобно. Она не помнила, чтобы до тюрьмы этот взгляд так давил, заставлял почувствовать себя ничтожеством. Да, награждал некоторой снисходительностью, но не оставлял послевкусия пережженного кофе, чувства полного уничтожения, как это происходило сейчас. Правду говорят — тюрьма меняет людей настолько, что от прежней личности остаются только жалкие ошметки, которые едва-едва прикрывают новую суть.

Ребекка подавила желание поежиться и накинуть на плечи пиджак.

— Слушаю тебя, дорогой, — она положила телефон на стол и сложила руки перед собой.

— Мне нужно, чтобы ты нашла для меня кое-кого.

Ребекка удивилась. Насколько ей было известно, в этом мире у Амадео не осталось никого, кто ему нужен? И неужели мальчик считал, что она будет помогать бесплатно? Рано или поздно потребует плату за свои услуги, и...

— Разумеется, я заплачу тебе за информацию.

Быть не может. Он словно проник в ее мысли. Ребекке стало еще холоднее, когда она осознала, что парень читает ее, как раскрытую книгу.

— О чем ты говоришь? — она изобразила на лице самую милую из своих улыбок. — Я привела тебя в свой дом, может, мне стоит потребовать и арендную плату?

— Я хочу сделать заказ, Ребекка, и вполне логично, что за него нужно заплатить. Разве нет?

— Разумеется, — она ткнула сигаретой в Амадео. — Я не работаю бесплатно, даже для самых близких друзей. Тем более для них. Ты прекрасно это знаешь.

— Да, — кивнул он. — Это правильный подход. Так ты возьмешься за мой заказ? Он непростой, но для тебя нет ничего невозможного.

— Не льсти мне, — непринужденно рассмеялась она, но смехе прозвучали нервные нотки. — Что именно тебе нужно?

— Информация об одном человеке. В частности, телефон, адрес, номер банковского счета. Больше ничего. Только цифры, личные и семейные подробности меня не интересуют.

— Ничего? — она затушила сигарету в пепельнице. — Я думала, ты запросишь полное досье, но это стоит дороже.

— Дело не в деньгах. Кроме этого мне ничего не понадобится.

Не нравилось это Ребекке, совсем не нравилось. Слишком подозрительно вел себя паренек. Внешне сохранял спокойствие, но глаза так и пылали, будто поставил себе сверхсложную цель, и теперь ему не терпелось приступить к ее достижению.

— Хорошо, — она вертела в руке портсигар, на котором было выгравировано ее имя —

с одной стороны, и название телекомпании — с другой. Ребекка Кэмпбелл — Новости и факты — Ребекка Кэмпбелл — Новости и факты. Обычно это успокаивало, однако сейчас заставляло еще больше нервничать. Она отложила портсигар и сцепила пальцы перед собой. — Кого я должна найти?

Амадео не сводил с нее лихорадочно горящего взгляда, однако лицо осталось непроницаемым.

— Жаклин Коллинз.

Жаклин вышла из автомобиля, зябко кутаясь в пальто. Несмотря на то, что внутри было тепло, она все равно мерзла. Жаклин ненавидела зиму. Эти слишком короткие дни, стылые ветра, обжигающе холодные хлопья, слезами стекающие по щекам. И лед, на котором так легко упасть.

Уже наступил вечер, с неба начала сыпаться снежная крупа. Телохранитель без просьбы раскрыл над ней зонт.

Небольшой ресторанчик зазывал посетителей изящной вывеской, обещающей чашку горячего пунша в этот холодный зимний вечер. Жаклин направилась ко входу, цокая каблуками по брусчатке и стараясь не обращать внимания на страх поскользнуться. Так или иначе, верный Джейкоб, не отстающий ни на шаг, не даст изобразить балерину. Но как же она ненавидит зиму!

Звонок застал ее совершенно неожиданно. Сначала она не поверила говорившему, однако через пару минут уже согласилась встретиться с ним, что было ей совершенно несвойственно. Однако за последние несколько лет все кардинально переменялось.

Ксавьер Перейра, он же Ксавьер Санторо во второй раз унизил ее, опустил, растоптал, смешал с грязью. И теперь Жаклин была готова на все, лишь бы отомстить ему.

Она зашла в ресторан, где царил приятный полумрак, и тепло тут же обняло ее. Посетителей почти не было и, скинув пальто и сделав Джейкобу знак оставаться на месте, она шагнула в зал, без труда вычислив нужный столик.

В дальнем углу, у электрического камина, боком к ней сидел красивый молодой человек. Длинные черные волосы были забраны в хвост, две верхние пуговицы черной рубашки не застегнуты. Рядом стояла чашка кофе, которую он изредка подносил к губам. Единственным ярким пятном в излучающем тьму образе была потрепанная книга в мягкой обложке, которую он сосредоточенно читал, не обращая внимания ни на что вокруг.

Жаклин подошла к столику и почувствовала запах шоколада, а не кофе. Ей на мгновение стало смешно: взрослый мужчина, а пьет горячий шоколад, как ребенок. Однако в следующую секунду он поднял глаза, и Жаклин едва подавила желание отшатнуться — ее обожгла непроницаемая чернота.

— Амадео Солитарио, — сказала она, совладав с собой. — Давно не виделись.

— Четыре года, мисс Коллинз, — ответил он. — Присаживайтесь, прошу, — он указал на стул напротив.

Та села, попутно отметив глубину и красоту его голоса. Как он повзрослел за эти четыре года. И сильно изменился: теперь он совсем не производил впечатления пустоголового красавчика. Ее подруга наверняка запала бы на этого паренька с первых минут общения, однако ее уже десять лет не было в живых.

Отослав подошедшего официанта взмахом руки, Жаклин глянула на Амадео из-под полуопущенных ресниц, надеясь произвести на него впечатление. Мужчины — дураки, теряющие голову от женской красоты, и навсегда ими останутся. Однако в его глазах она не увидела ни восхищения, ни обожания, которое так часто сопровождало ее на официальных приемах. Более того — в его глазах она вообще не могла ничего прочесть, кроме легкой снисходительности. Это разозлило Жаклин. Да кто он такой, чтобы смотреть на нее так?

— Когда ты мне позвонил, я не поверила, — начала она, надеясь фамильярным обращением показать, кто тут хозяин. — И сейчас не слишком верю в то, что ты собираешься мне помочь. Докажи, что слухи не врут, и ты с Ксавьером Санторо...

— Слышал, вы намереваетесь уничтожить его, — мягко перебил Амадео, закрывая книгу. Жаклин мимоходом отметила название: "Граф Монте-Кристо". — Докажите, что слухи не врут.

Жаклин слегка растерялась. Этот Амадео оказался не так прост, как она рассчитывала. Сразу перехватил инициативу и теперь вел игру. Она собиралась сделать то же самое, однако красавчик каким-то образом обратил ее усилия в ничто.

И теперь Жаклин не оставалось ничего, кроме как играть по правилам, которые установил этот человек. Она раскрыла сумочку и достала оттуда фотографию.

— Я и Ксавьер Санторо. На тот момент Перейра, — она подтолкнула фото к собеседнику. — Церемония открытия нового здания моей компании. На текущий момент оно принадлежит ему. Этот человек убил мою подругу, лишил меня компании и... Я ведь говорила тебе об этом, разве не помнишь?

Амадео мельком взглянул на фото. Ксавьер выглядел моложе, на лице светилась улыбка, которой в жизни он никогда не видел. Всем доставалась лишь насмешливая ухмылка, и он не стал исключением.

— Помню, мисс Коллинз, поэтому и пришел, — он чуть наклонился вперед, не дотрагиваясь до фотографии. — Не только вы пострадали от его уловок и фальшивого доверия. Хотели бы вы взять реванш?

Жаклин потрясенно замерла, не веря тому, что услышала. Много лет назад, когда она собирала досье на партнеров Ксавьера Санторо, ей попало на глаза личное дело Амадео Солитаро, с которым Ксавьер водил дружбу, если это слово вообще можно применить к беспощадному наркодельцу. Жаклин даже приехала в город, чтобы лично познакомиться с его протеже. Милый мальчик с ясными глазами, новичок в гостиничном и игорном бизнесе, ничем не примечателен, кроме внешности. Чем же привлек Ксавьера? Она не понимала. Но теперь видела: чтобы добиться своего, этот красивый молодой человек пойдет на все. И если на пути возникнут препятствия — устранит, не поморщившись.

— Реванш? — Жаклин недоверчиво скрестила руки на груди, хотя внутри ликовала: ей наконец удалось найти способ уничтожить проклятого Перейру, который унизил ее. — Каким образом? К нему не подобраться, слишком осторожен. Я уже пыталась.

— Я не зря сказал о доверии, которое когда-то существовало между мной и Ксавьером Санторо. Он доверял мне многое, но потом по каким-то причинам предал меня. Однако у меня есть то, что поможет вам уничтожить его, растоптать, смешать с грязью, как он сделал это с вами. Я могу вам в этом помочь.

Он настолько точно повторил ее мысли по пути сюда, что Жаклин на мгновение стало страшно. Да кто такой этот парень?

— Откуда столько ненависти на этом красивом лице? — наконец спросила она, облизнув губы. — Что же страшного мой мальчик тебе сделал?

И тут же всякое выражение исчезло из глаз Амадео.

— Прошу прощения, мисс Коллинз, но это не ваше дело. Если вам нужна информация о Санторо, я дам вам ее. Даже больше, чем вы смеете надеяться. Если же нет... — он поднялся.

— Подожди! — почти вскрикнула Жаклин и понизила голос. — Я не буду спрашивать,

если не хочешь говорить, просто расскажи мне... — она взяла его за руку, — все расскажи, каждую мелочь, не смей ничего забывать, Амадео Солитарио.

Амадео высвободил руку и снова сел напротив.

— Не думаете же вы, что я за это ничего не потребую, мисс Коллинз. Для начала обговорим условия сделки.

* * *

Звонок телефона вырвал Ксавьера из сна. Ему казалось, что он заснул пять минут назад, однако, бросив взгляд на светящееся табло рядом с кроватью, убедился, что проспал не меньше двух часов.

Взглянув на дисплей, недовольно поморщился. Неужели самые срочные дела не потерпели бы? Или у этой женщины напрочь отсутствуют этические нормы?

— Четыре утра, Ребекка. Ты с ума сошла или напилась, и тебе необходим собеседник?

Та не преминула отозваться колкостью:

— А тебя что, мучает похмелье? Есть разговор, Ксавьер, не телефонный. Я сейчас подъеду к тебе.

Она бросила трубку. Ксавьер, окончательно проснувшись, откинул одеяло.

Через десять минут он, уже одетый, сидел в кресле и листал газету, но в голове не откладывалось ни строчки из прочитанного. Еще ни разу за все время Ребекка не приезжала к нему домой, тем более среди ночи. Что могло произойти?

После той жуткой сцены, разыгравшейся в офисе, Йохан ходил, как в воду опущенный. Бедняга принял все слишком близко к сердцу. Пару раз Ксавьеру казалось, что Торн вот-вот положит на стол заявление об увольнении, однако этого не произошло. Он молча терпел приказы, которые отдавал Ксавьер, ни словом, ни жестом не выказывая недовольства, однако все движения были скованными, будто плохо смазанный механизм с трудом подчинялся движущей силе. В конце концов, Ксавьер приказал ему отправляться домой. Пусть отдохнет.

По правде говоря, передышка требовалась не только Йохану. До конца дня Ксавьер не мог сосредоточиться ни на чем, мысли снова и снова возвращались к ссоре. Наконец он запер кабинет и, приказав телохранителям не сопровождать его, поехал домой, где принял душ, а потом безуспешно пытался заснуть в течение трех часов.

И вот, когда это только-только удалось, звонит Ребекка и требует встречи. И где справедливость?

Не прошло и четверти часа, как охрана внизу доложила о приезде гостьи. Приказав впустить ее, Ксавьер перелистал газету на начало.

Ребекка, цокая высокими каблуками по паркету, зашла в гостиную, говоря что-то в мобильник. Не дожидаясь приглашения, уселась на диван и, отключив телефон, сунула его в черную сумочку.

— У нас проблема, — начала она, не поздоровавшись. — Но ты и так это уже понял. Амадео Солитарио.

Ни один мускул не дернулся на лице Ксавьера.

— И что с ним? — он снова погрузился в мнимое чтение, старательно изучая колонки текста. — Амадео был у меня недели две назад, его нашли мертвым?

— Я в курсе, что между вами произошло, не пудри мне мозги, — отмахнулась Ребекка. — Этот психованный мальчик создает огромные проблемы из-за своей детской обиды, Ксавьер, — она помолчала. — Два дня назад он попросил найти информацию о Жаклин Коллинз.

Ксавьер замер лишь на секунду, затем перелистнул страницу.

— И ты дала?

— Разумеется. Иначе он что-нибудь заподозрил бы. Попросил только телефон, адрес и банковский счет. Ничего больше. Сказал, что все остальное ему без надобности.

Ксавьер сложил газету и бросил на стол.

— Будешь сама расплачиваться за свой длинный язык, — заведомая ложь. Оба понимали, что в этой ситуации сильнее всего попадет именно Ксавьеру. — Так что он хотел от Жаклин?

— Амадео установил контакт с Коллинз. Пригласил ее в ресторан. Подробности мне неизвестны, и я не собираюсь спрашивать. Сам знаешь, чем это чревато. Но не сомневаюсь, что тебе это грозит огромными неприятностями. Как и ему.

— Вот как, — Ксавьер поднялся и отошел к окну. Достал сигарету из пачки, стараясь унять внезапно возникшую дрожь в руках. — И что он пообещал ей?

— Этого я пока не знаю. Но наверняка хочет уничтожить твой бизнес на корню, это самый очевидный вариант.

— Наивный дурак, — Ксавьер затыкнул и покачал головой. — Совсем не стремится убить меня за то, что я с ним сделал. Удивительно. Хотя, если подумать, не такое уж глупое решение. Я бросил его к подножию — и теперь он хочет, чтобы я занял место рядом. Вот только Жаклин не оставит меня в живых. Видимо, этого Амадео не знает.

— Да, он наивный дурак, согласна, — Ребекка закинула ногу на ногу и заправила прядь волос за ухо. — Что собираешься предпринять?

Ксавьер продолжал смотреть в окно, за которым стояла непроглядная ночь. Уличные фонари слегка разгоняли ее, привлекая ночных насекомых ослепительным светом. Точно так же, как принц своим сиянием притягивал неприятности.

— А что я могу, Ребекка? Жаклин, несмотря на поддержку Беррингтона, сейчас слаба, серьезного ущерба причинить не может.

— Не могла, — поправила Ребекка. — Пока к ней не явился этот самоуверенный пацан и не предложил сдать тебя с потрохами.

Ксавьер отбросил челку со лба, другой рукой бросил недокуренную сигарету на ковер и растер пяткой, прежде чем осознал, что делает.

— Я могу лишь пойти его искать и нарваться на Жаклин, — он смотрел на раздавленный окурочок, но не видел ничего. — Черт с ней, с Жаклин, если я найду Амадео и попытаюсь убедить в том, что эта женщина его надует, то он не поверит ни единому слову, и это беспокоит меня больше всего. Но если останусь сидеть на месте, может произойти что угодно. Прекрасный принц очень много знает. Он знает обо мне все.

— Я могу попытаться убедить Амадео не делать этого, но меня он тем более слушать не будет, — Ребекка вытянула тонкую сигарету из портсигара. — Он знает, что я тебе обязана, и решит, что я лгу, лишь бы удержать его от глупой мести, — она чиркнула зажигалкой и выпустила струю дыма в сторону. — После тюрьмы он изменился. Сильно изменился.

Ксавьер повернулся так резко, что она едва не выронила сигарету от испуга. Сердце бешено заколотилось, и Ребекка с трудом смогла взять себя в руки. На лице Ксавьера

появилось невиданное доселе выражение: неприступная скала была вне себя от гнева.

— Изменился? — едва не вскрикнул он. — Ребекка, ты не видишь дальше своего носа! В поиске информации тебе нет равных, но сейчас ты ошибаешься. Такие люди, как Амадео, никогда не меняются. Они подстраиваются под обстоятельства, чтобы потом снова превратиться в себя с полным осознанием того, что натворили, и корить, бесконечно корить себя за это! Он излучал горькую ненависть, когда явился в мой офис, кричал, бесился, угрожал, но глаза его плакали, — он подошел к столу и раздавил так и не прикуренную сигарету в пепельнице. — Я буквально слышал тихие всхлипы сквозь его гневную тираду. Он словно шептал: Ксавьер, я доверил тебе даже свою жизнь, как ты мог меня предать?!

В гостиной стало тихо. Ксавьер тяжело дышал, опустив голову, встрепанная челка упала на лоб. Ребекка, пораженная внезапной вспышкой ярости, не сводила с него глаз, на тонкой сигарете вырос столбик пепла.

— Что ж, — наконец произнесла она. Рука дрогнула, и пепел полетел на ковер, распадаясь на мелкие хлопья. — Переступив через эти слезы, он отправился к Жаклин Коллинз и выдал тебя. Раньше он бы не сделал этого, даже если бы жаждал мести. Тюрьма заставляет прятать чувства и делать то, что считаешь правильным. У принца было слишком много времени, чтобы подумать над этим, — она бросила окурок в пепельницу и поднялась. — Целых четыре года. Сообщи, если решишь предпринять какие-то шаги, а я пока постараюсь дезинформировать ищек Жаклин.

— Занимайся своим делом, — отрезал Ксавьер, опускаясь в кресло. — С моими проблемами я справлюсь сам.

* * *

Жаклин разглядывала маленькую серебристую флэшку, которую Амадео положил на стол, между чашкой шоколада и книгой. Она боялась предположить, что за данные содержатся на ней, ждала, когда Амадео сам скажет, однако тот молчал. Наконец она не выдержала:

— Это что?

— То, что вы хотели, — Амадео взял чашку и сделал глоток. — Данные о бизнесе Ксавьера Санторо.

На лице Жаклин появилась снисходительная улыбка.

— Я все знаю о его бизнесе, и меня мало интересуют азартные игры, гостиничный бизнес и круговорот табака по торговым путям.

— Схемы наркотрафика, графики поставок и все прочее, — не обратив на ее реплику никакого внимания, продолжил Амадео. — Замаскировано под приличной вывеской компании "Азар".

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба. Жаклин, забыв о приличиях, подалась вперед и впилась острым взглядом в Амадео.

— Ты шутишь? — голос прозвучал хрипло, как у старухи, она поморщилась и откашлялась. — Что эти данные делают у тебя? Как ты их добыл? Это самое важное, что может быть в бизнесе, это его основа, его каркас. Ты украл их? Как? У него очень много охраны...

— Я уже говорил вам, — Амадео откинулся на спинку стула. — Когда-то между мной и

Ксавьером Санторо существовало доверие, какое вам и не снилось, — в глазах на мгновение мелькнула боль, и он быстро отвел взгляд. — Помните о моих условиях, мисс Коллинз. Я не люблю, когда нарушают договор.

Жаклин нетерпеливо теребила цепочку на шее, поглядывая на серебристый кусочек пластика.

— Помню, не трогать Ксавьера Санторо, — раздраженно отозвалась она, но тут же смягчила тон. — Однако... Меня смущает, что ты больше ничего не просишь взамен. За такие данные я готова отдать тебе весь свой бизнес, — она предложила сигарету, но он отрицательно покачал головой. — Ты знаешь, что можешь попросить намного больше, нежели жизнь твоего врага.

— Мне не нужен ни ваш бизнес, ни ваши деньги, мисс Коллинз, — ответил Амадео. — К сожалению, богатство счастья не приносит. От него одни проблемы и разочарования. В том числе, и в себе, — он поднялся. — Прощу меня извинить, мне нужно идти.

Как только Амадео скрылся за дверью ресторана, Жаклин цепкими пальцами схватила флэшку. В зеленых глазах светилось безмерное торжество.

* * *

Ксавьер сидел за столом в кабинете Ребекки, вперив невидящий взгляд в стену. Пачка сигарет в руках так и мелькала, казалось, еще немного, и она превратится в черно-золотое расплывчатое пятно. То, что сообщила Ребекка, никак не хотело принимать форму законченной мысли. Факты были налицо, но поверить в это он попросту не мог.

— Ребекка, если ты мне лжешь, я наставлю на тебя пистолет, — после долгого молчания произнес он. — А потом кто-нибудь из твоих мальчиков будет соскребать мозги с панорамного окна. Амадео не мог, Ребекка, он не мог передать Жаклин мои данные, — пачка выпала из руки и с глухим стуком ударилась о столешницу, но Ксавьер этого даже не заметил. — Влезть в систему, украсть все данные о моем бизнесе — это я могу допустить. Но отдать их Жаклин? Он не мог.

Ребекка хмуро смотрела на него. Этот кремень вышел из себя, и результат ей явно не нравился. Раньше она чувствовала себя как за каменной стеной, зная, что в любой ситуации Санторо не теряет хладнокровия. Это и отличало его от многих бизнесменов — умение трезво оценивать положение дел, не поддаваться эмоциям. Но сейчас, когда необходимо держать себя в руках, Ксавьер споткнулся о бывшего друга.

— Какой смысл врать? — она отошла от окна и оперлась о стол. — Амадео передал всю информацию о твоём бизнесе Жаклин, это неоспоримый факт. Я всегда поставляла тебе точные сведения. Сколько раз за эти годы я прокололась? Ни единого раза. Если не веришь — посмотри, сколько проблем на тебя вдруг свалилось, думаешь, случайность?

Ксавьер провел ладонью по волосам, пытаясь успокоиться.

— За последние два дня я потерял четыре склада с товаром. Три сгорели, на один навели полицию. Черт побери, если бы не мои связи, я бы уже три часа как отбывал срок. Она этого, значит, добивается? — он снова схватил со стола пачку и с хрустом смял. — Оставить меня с тем, с чем я к ней когда-то пришел.

— Не думаю, что она остановится на этом. Ей нужно не просто уничтожить твой бизнес, — Ребекка наклонилась, пытаясь поймать его взгляд. — Она хочет уничтожить тебя,

Ксавьер. Целиком и полностью.

— Как будто я этого не знаю, Ребекка, прекрати тратить время на объяснение очевидного.

— Тогда скажу то, чего ты не знаешь. Амадео отдал данные в обмен на твою жизнь. И все. Больше ничего не потребовал, кроме как оставить тебя в живых, — выпрямившись, она устало откинула прядь волос со лба. — Какой он все-таки дурень. Такая женщина, как Жаклин, ни за что не сдержит слово. Для нее это дело принципа, что ей до каких-то там благородных целей маленького красивого мальчика.

Губы Ксавьера искривила горькая усмешка. Он швырнул мятую пачку в мусорную корзину и поднялся.

— Еще бы. Глупенький ребенок, он на самом деле верил, что спасет мою жизнь. Я даже разозлиться на него не могу, и это меня раздражает.

— Из-за того, что он похож на твоего брата?

Ксавьер замер на мгновение, затем с легкой полуулыбкой прикрыл глаза. От этой женщины ничего не скрыть. Слишком опасный враг, так что хорошо, что он держит ее на коротком поводке. Успел в свое время протянуть Ребекке руку помощи, а телекомпания — единственное, чем она в этой жизни действительно дорожит. Поэтому — не предаст.

То же самое ты думал об Амадео, зазвучал в голове холодный голос. А теперь весь бизнес в руках сумасшедшей диктаторши, которой только и надо, что перемолоть Ксавьера до последней косточки и развеять прах по ветру.

— Ты даже такие личные подробности раскопала, так? Я уже устал удивляться твоим талантам. Интересно, каким образом тебе удалось, об этом я говорил только Амадео.

— Для торговца информацией нет ничего невозможного, дорогой. Личность самозванца, выдававшего себя за Фредерика четыре года назад, — еще один узел на затягивающейся на твоей шее петле. Один из многих...

— ...который не доставил мне проблем как раз из-за других узлов похлеще, — Ксавьер скрестил руки и прислонился к стене, глядя в окно. — Я сразу понял, что этот парень — не Фред. Мой младший брат умер, я видел, я знаю. И глаза. Он был слишком доволен тем, что может кого-то надурить своей игрой, и это выдавало его с головой.

— О да, он был доволен. Особенно деньгами, которые получил за спектакль, — Ребекка села на освободившееся место и любовно погладила подлокотники. Кроме нее только Ксавьеру позволялось сидеть в этом кресле. — Удивительно, как не всплыло убийство Изабеллы. Жаклин могла в открытую обвинить тебя.

— Если бы знал, во что это выльется, то позволил бы этой женщине меня убить, — фраза повисла в воздухе, как капля дождя на карнизе, поэтому он продолжил. — Мне всегда было интересно, куда девались некоторые информаторы Жаклин после того, как поработали на нее месяца два или три. До меня не сразу дошло, что она от них избавлялась, чтобы исключить возможность предательства.

— Теперь ей нет никакой нужды в Амадео, — мрачно сказала Ребекка. — То, что хотела, она уже получила. Его следующая остановка — не захолустный бар в Старом квартале, а дно колодца. Он отсидел в тюрьме, потерял компанию, друга и названного брата. И вот-вот лишится жизни из-за твоих игр в прятки. Считаешь, это справедливо?

— И что же ты предлагаешь? — Ксавьер оттолкнулся от стены и пошел к двери, на ходу надевая пиджак. — Единственное, что я могу — попытаться найти его.

— Лично? — Ребекка рассмеялась, но в голосе явственно слышались нервные нотки. —

Ксавьер, я редко указываю тебе на ошибки, потому что ты их не допускаешь. Но сейчас ты слишком расстроен, чтобы мыслить здраво. Он сбежит, как только увидит тебя. Поэтому предлагаю другой вариант, — она загадочно прищурилась.

Ксавьер уже взялся за ручку двери, однако, услышав последние слова, обернулся.

— Знакомое выражение лица. Что ты хочешь сделать, Ребекка?

— А как ты разбираешься с непокорными? — она безмятежно улыбалась. — Мешок на голову, руки в кандалы и в ближайший порт... Один из твоих уцелевших складов для товара вполне подойдет. Только выбери тот, что попросторней. У принца, насколько я знаю, клаустрофобия.

— Это слишком жестоко, — Ксавьер покачал головой, но в глазах сверкнул недобрый огонек. — Но его никто не просил меня предавать.

* * *

Амадео сидел в баре, прижав прохладный стакан к виску. Голову сверлила тупая боль. Когда флэшка перешла к Жаклин, он ожидал, что почувствует облегчение, радость долгожданного возмездия, однако этого не произошло. Наоборот, внутри образовалась странная пустота, которую не помогала заполнить даже выпивка. Он не мог отделаться от ощущения, что совершил самую большую ошибку в своей жизни.

После того, как Кейси влез в систему "Новостей и фактов" и оставил сообщение для Ребекки, Амадео попросил его сделать еще кое-что. А именно — взломать сервер "Азар". Уже тогда он знал, что сделает с полученной информацией, иначе для чего было привлекать внимание Ребекки? Он все продумал до мелочей, и сделка прошла как нельзя гладко. Так что за ужасное чувство, будто он совершил нечто непоправимое?

— Еще, Джо, — хрипло попросил он, не поднимая глаз.

— Парень, ты еще эту порцию не прикончил, — насмешливо заметил бармен. — Куда тебе еще?

Амадео поднес стакан к губам и одним глотком допил виски.

— А теперь нальешь?

Бармен наклонился к нему.

— Знаешь, красавчик, — наконец сказал он. — На твоем месте я бы этого не делал. Если тебя что-то гложет, лучше все рассказать, сбросить груз...

— Нет! — резко оборвал его Амадео. — Это не твое дело! Оно не касается никого, кроме меня и... и...

— И кого же? — Джо, казалось, ничуть не обиделся на внезапную вспышку ярости. Парень уже изрядно набрался, а обижаться на пьяных — себе дороже. На завтра он и не вспомнит ничего из того, что наговорил. — Бьюсь об заклад, это кто-то, очень близкий, иначе ты бы так не убивался.

Амадео раздраженно толкнул стакан в сторону. Джо едва успел подхватить его, чтобы не сорвался с края стойки и не разбился.

— Вижу, я прав, да? Слушай, — он облокотился о стойку, и их с Амадео глаза оказались на одном уровне. — Понятия не имею, что произошло между тобой и этим загадочным человеком, другом, братом, но скажу тебе одно. Что бы он ни сделал, какой страшный грех ни совершил, ты должен дать ему шанс оправдаться. Просто выслушать, не перебивая, не

ехидничая в ответ. Не захочешь прощать — твое право, но ты должен выслушать его.

— Не мели чушь, — отмахнулся Амадео, едва не сбив салфетницу. — Я не желаю слушать оправдания того, кто...

— Он что, убил твоего отца и мать, что ли, — фыркнул Джо. — Чего такого ужасного... Эй, парень, что с тобой?

Амадео остолбенел. Внезапно все сложилось, как мозаика. Убийство отца, арест его самого, покупка компании, разорение Лукаса... Все сложилось в одну страшную картину, и Амадео не мог закрыть глаза, чтобы не видеть ее.

— Ты, — прошептал он. — Так вот кто все это затеял, не Лукас, нет... Лукас был просто инструментом, а на самом деле... — он пошатнулся и едва не упал с табурета.

Джо схватил его за плечо.

— Говорил же, хватит. Иди-ка домой и проспись хорошенько. Думать на пьяную голову — заведомо плохая идея...

— Нет, — Амадео замотал головой. — Нет, я в порядке. Хотя, к черту, ни в каком я не порядке. Ксавьер... Ах ты, лживая сволочь. Использовал всех, до кого смог дотянуться. А еще называл себя моим другом...

Мысли лихорадочно крутились в затуманенном алкоголем мозгу. Ксавьер задумывал это с самого начала, специально сблизился с Амадео, чтобы заполучить компанию "Азар", а когда понял, что так просто добиться этого не удастся, то устранил владельца и наследника одним махом. Такое мог повернуть лишь сам дьявол.

Над входом звякнул колокольчик, и Джо повернулся к двери.

— Мы закрыты! — рявкнул он, но в следующее мгновение огромными глазами тарачился в дуло пистолета. — Понял, для вас двери гостеприимно распахнуты.

Амадео же ничего не замечал вокруг, потрясенный ужасным открытием. Ровно до того момента, как ему заломили руки за спину, заткнули рот и выволокли из бара.

* * *

Амадео проснулся в темноте. В голове шумело, во рту стоял привкус алкоголя. Впереди виднелась узкая полоска тусклого света, которая то раздваивалась, то снова становилась единой, стоило сфокусировать взгляд. Однако от подобного виски начинало ломить, в центре лба пульсировала ноющая боль, и вскоре он прекратил попытки разглядеть хоть что-нибудь.

Его вытащили из бара и кинули в фургон, с легкостью подавив сопротивление. Глаза завязали, так что похитителей разглядеть не удалось. Взревел мотор. Автомобиль мягко покачивало, у Амадео кружилась голова, накатывала паника от подступающей клаустрофобии, мысли путались, поэтому он сразу же оставил надежду разобраться в том, кто его похитил и почему. Вскоре он отключился.

И теперь сидел, прикованный к стулу, запястья царапал металл наручников, сквозь тонкую рубашку проникал стальной холод, и не было видно ни зги. Однако в темноте кто-то был, Амадео явственно слышал шорохи и тихий шепот. Иногда до него доносилось металлическое позвякивание, будто пряжка ремня цеплялась за рукоять пистолета.

Нельзя давать волю воображению, оборвал он себя. Иначе попросту сойдет с ума. Лучше попытаться узнать, кто его похитил. Вероятнее всего, это люди Жаклин. Получив

информацию, она вряд ли решила оставить его в живых. Следовало догадаться, что этой женщине нельзя верить, но все затмила жажда праведной мести.

Он глубоко вдохнул, успокаиваясь, и холодный воздух обжег легкие. Если это действительно дело рук Жаклин, тогда непонятно, почему он все еще жив. Не в правилах этой женщины показывать свое лицо перед карой. По крайней мере, у Амадео сложилось о ней такое впечатление. Убивать она предпочитала чужими руками, чтобы не испачкать в луже крови свои туфельки на высоком каблуке.

Чиркнула зажигалка, и в темноте засветился красный огонек сигареты.

Амадео дернул головой, пытаясь отбросить волосы с лица, и ему ментально стало дурно. Хватая воздух ртом, он наклонил голову как можно ниже, пытаясь справиться с тошнотой.

— Кто вы, черт побери? — наконец выдохнул он, надеясь, что вместе с облачками пара не исторгнет из себя всю недавнюю выпивку.

— Даю минуту на размышление, и для меня будет огромным оскорблением, если ты не узнаешь меня, Амадео. Как самочувствие? Успел протрезветь?

Знакомый голос резанул, будто ножом. Амадео, забыв про тошноту, уставился в темноту, тщетно пытаясь разглядеть очертания говорившего.

— Ты?! Откуда ты... — он дернулся вперед, и руки пронзила боль от врезавшегося в кожу металла. — Отпусти меня!

— Нет, — отрезал Ксавьер. — Иначе получится, как в прошлый раз — ты раскричишься и убежишь.

Он шагнул вперед. За его спиной послышался щелчок, и над стулом зажглась тусклая лампа, но большая часть помещения осталась погруженной во тьму. Амадео знал, что там кто-то есть, но видел только смотрящего на него сверху вниз Ксавьера Санторо.

— А теперь, — Ксавьер наклонился и заботливо убрал волосы с лица Амадео. — Ты никуда не уйдешь, пока не выслушаешь меня. Возражения?

Амадео дернул головой, и к горлу снова подкатила тошнота.

— Не смей ко мне прикасаться! Ты предал меня, нашу дружбу, ты предал все, что между нами было! Я ничего не хочу слышать, кроме одного, — он поднял голову, в глазах застыло болезненное выражение. — Ответь мне честно, Ксавьер. Это ты приказал убить моего отца?

Сигарета замерла на пути к губам, и на мгновение Амадео почувствовал крайнее потрясение, промелькнувшее на обычно непроницаемом лице бывшего друга. Он не отводил взгляда, искал хоть какие-то признаки вины — и не находил. Ксавьер выглядел так, словно ему это никогда в голову не приходило, однако Амадео запрещал себе хоть на йоту довериться ему. В душе боролись сомнение и жажда мести.

— Знаешь, Амадео, — наконец произнес Ксавьер, переломив сигарету пополам. — Не думал, что когда-нибудь скажу это, но ты очень похож на своего брата.

Амадео вздрогнул, будто ему отвесили хорошую пощечину. Сравнение с Лукасом подействовало, как удар током, его захлестнуло возмущение. Да как он смеет...

— Лукас всю жизнь винил тебя в своих бедах. И ты сейчас то же самое делаешь со мной. Неужели тюрьма превратила принца в ублюдка, который должен был сидеть там вместо тебя?

— Нет! — зло отозвался Амадео. — Я...

— Это очень серьезное обвинение. Позволь узнать, чем оно мотивировано.

Амадео открыл рот, но мгновение спустя растерянно закрыл. И правда, как он пришел к

такому выводу? Промелькнувшая тогда, в баре, страшная мысль была лишь догадкой, спровоцированной вопросом Джо, ничего больше.

— Так ты...

— Я не имею отношения к смерти Кристофа. Ни малейшего. Не в моих правилах убивать собственных партнеров, если они меня чем-то не устроили. Такой ответ тебя удовлетворит?

— Как... Как я могу тебе верить... Ты же... — наконец возмущение прорвалось наружу. — Получил компанию моего отца! Забрал единственного друга, который помог мне выжить в проклятой тюрьме! И сейчас... Сейчас...

— Значит, слушать ты не собираешься, — хмыкнул Ксавьер, протягивая руку. Одна из молчаливых теней положила на ладонь моток липкой ленты. — Но придется, хочешь ты того или нет.

Несмотря на яростное сопротивление, Ксавьер все же заклеил ему рот, прихватив и прядь волос. Осмотрев дело своих рук, удовлетворенно хмыкнул.

— Итак, начнем. Я действительно забрал компанию твоего отца. Да, это правда, я ее забрал, грязно и хладнокровно, без малейших угрызений совести.

Амадео непонимающе смотрел на него. Ксавьер только что сам признался, что завладел компанией "Азар", но тогда зачем весь этот спектакль?

— Дело в том, что когда ты угодил в тюрьму, Лукас впал в нирвану. Только представь — полная свобода действий, без вмешательства противного правильного братца. Но проблема в том, что организатор он, мягко говоря, ужасный. Отвратительный, — Ксавьер достал новую сигарету и неторопливо прикурил. — Вдобавок ко всему, любит жить красиво. В конце концов, у него попросту не осталось денег для поддержания бизнеса, и он решил продать его одному бизнесмену, который, по счастливой случайности, предложил мне ее восстановить. Тут-то и пришло мое время. Сейчас во владении компании "Азар" находится гостиница "Азарино" и сеть казино по всей стране. Плюс двадцать шесть новых партнеров, в том числе и за границей. На настоящий момент поступило пятнадцать новых предложений. Валентайн Алькарас перекупил "Азар", чтобы не допустить превращения могущественной компании в груды руин, а я выкупил ее у него. Теперь моя очередь задавать вопросы. И первый из них — ты собственными глазами видел документы о праве собственности на компанию? Видел?

Поскольку рот Амадео все еще был заклеен, он лишь неуверенно покачал головой.

— Так я и думал, — на губах Ксавьера появилась легкая торжествующая усмешка. — От твоего взгляда не укрылась бы важная деталь, если бы ты потребовал их. Хочешь знать, какая? — он наклонился, вглядываясь в недоверчивые глаза Амадео. — Твое имя. На свидетельстве о праве собственности стоит твое имя, мой маленький мстительный принц. Теперь я слушаю твои обвинения. От и до.

Ксавьер протянул руку и сдернул липкую ленту со рта Амадео, но тот потрясенно молчал.

— Нечего сказать? Минуту назад ты готов был спустить на меня всех демонов преисподней, что же случилось?

— Мое имя? — хрипло выговорил Амадео. Кожа вокруг губ покраснела. — Что за чушь, откуда... Откуда мне знать, что ты не лжешь? Ты...

— Он не лжет, — вмешалась Ребекка, до поры до времени стоявшая в темноте у стены. — И если бы не ударившее в голову ощущение собственного могущества, он разрешил

бы раскрыть правду до того, как ты пошел к Жаклин и отдал ей флэшку.

Амадео почувствовал, как краска заливает лицо, и понадеялся, что в тусклом свете никто ничего не заметил.

— Откуда ты...

— Я торгую информацией, дорогой, — фыркнула та. — Думаешь, от меня укрылись твои преступные действия?

— Ребекка мне обо всем рассказала, Амадео. Твоя детская мстительность могла бы положить конец твоей жизни, — Ксавьер присел перед ним и сжал его плечи. — Жаклин не из тех людей, которые оставляют предателей в живых.

Щеки горели, будто лицо окунули в жидкий огонь, и Амадео изо всех сил отводил глаза. Едкий стыд жег изнутри. Неужели он так легко позволил обмануть себя? Как он вообще на это поддался?

— Если у тебя все еще остались сомнения по этому поводу, то я покажу тебе кое-что, — Ксавьер сделал знак, и Ребекка подала черную папку. — Документы на право собственности. Тут не слишком светло, однако попробуй рассмотреть, чье имя там указано.

В свете тусклой лапочки Амадео с изумлением увидел свое имя, вписанное твердым и четким почерком Ксавьера Санторо. Владельцем "Азар" действительно являлся он. Точнее, вступал в права владения в тот день, когда вышел из тюрьмы.

— Но...

Ксавьер мученически закатил глаза.

— Что еще ты хочешь спросить? У нас вся ночь впереди, мой дорогой принц, и руки у тебя вовсе не затекли.

— Я должен знать! — раздраженно прервал его Амадео. — Почему в тот день, когда умер отец, ты просто прогнал меня?

— Боюсь, это я виновата, дорогой, — вздохнула Ребекка. — Мне поступила информация, что тебя хотят убрать. Жаклин уже тогда копала под Ксавьера, уничтожала его партнеров одного за другим, даже умудрилась установить прослушку в его офисе и даже моем, чтобы знать наверняка, с кого следует начать. Наконец подошла и твоя очередь. У него не оставалось выбора, кроме как разорвать с тобой все отношения, чтобы не подвергать опасности.

— Не хотелось бы мрачно иронизировать по этому поводу, но я решил, что тюрьма — единственное место, где тебя не достанут, и оказался прав, — Ксавьер вернул папку Ребекке. — Усилиями Люсиль Муэрте тебе хотели дать условный срок, в пару месяцев. Но пришлось подключить все свои связи, чтобы тебя посадили на четыре года. Прости, Амадео.

— Так это из-за тебя я...

— У меня был выбор — дать тебе умереть, либо лишить свободы. За это время я разобрался с Жаклин и самозванцем, выдающим себя за Фредерика, а также не позволил делу твоего отца прогореть под руководством Лукаса. Разумеется, ты не мог знать всего, я запретил Ребекке открывать рот на эту тему, однако я просто не понимаю, как ты мог во мне усомниться? Я ужасно, ужасно зол.

Амадео вздрогнул.

— Я...

— Ты просто разозлился, маленький глупый принц, — пропела Ребекка, поправляя воротник красного пальто. — Но дел ты наворотил — будь здоров. Сейчас весь бизнес Ксавьера Санторо под угрозой из-за твоей глупости. Что ты там попросил? Оставить ему

жизнь? Не смейся, уж кто-кто, а ты должен понимать, что не в правилах Жаклин оставлять строптивного жеребца и кусачую собаку.

— Черт с ней, Ребекка, — отмахнулся Ксавьер. — Главное, что Амадео жив, угроза его жизни беспокоила меня намного больше, чем какие-то документы. Украденные данные, разумеется, важны, но при всем желании этой дьявольской женщины на улице я не окажусь, — он наклонился за спину Амадео и раскрыл наручники. — Вставай.

— Но Ксавьер, а...

Тот переглянулся с Ребеккой.

— Раз я тебя освободил, можно и дальше заваливать меня вопросами? — он снял пальто и накинул на плечи Амадео. — Если кто-то из нас простынет, вини в этом только себя. Я отвечу, но потом мы уйдем отсюда.

— Я хотел спросить про Йохана! — выпалил Амадео. — Ты переманил его к себе уже после того, как он вышел из тюрьмы, или...

— Я нанял его, чтобы он присматривал за тобой там, — Ксавьер пригладил волосы. — Каким бы ни было безопасным это место от покушений Жаклин, внутри все же не детский сад. С тобой могли сделать что угодно, и я счел необходимым приставить к тебе охранника. Тебе придется извиниться перед ним — за четыре года сидения в одной камере ты стал его лучшим другом.

Амадео потирал ободранные запястья, постепенно согреваясь.

— Мне стоит перед многими извиниться, Ксавьер, — наконец сказал он. — И прежде всего — перед тобой.

* * *

На улице шел снег.

Мягкие белые хлопья ложились на землю, скрашивая унылую картину: тянущиеся вдоль причала складские помещения, серое море, неподвижное, как покрывало, натянутое до самой линии горизонта.

Амадео осмелился наконец прикрыть глаза и опереться на плечо Ксавьера. Уже очень долго он не ощущал такого покоя. В голове роились тысячи вопросов, однако теперь он не боялся узнать на них ответ. А значит, они могут подождать.

Тишину, опускающуюся на землю вместе со снегом, вдруг разорвал резкий звук, от которого сердце Амадео замерло, а затем бешено заколотилось. Ксавьер, не издав ни звука, навалился ему на плечо всем весом, будто ноги вдруг перестали его держать.

— Черт побери, Джейкоб! — раздался из темноты донельзя раздраженный голос. — Ты не мог прицелиться точнее?!

— Простите, госпожа, ветер...

Дослушивать Амадео не стал. Он подхватил друга и затащил обратно на склад. Вокруг загремели выстрелы — охрана Ксавьера открыла огонь по противнику.

Ребекка подхватила Ксавьера с другой стороны и помогла затащить его за аккуратно составленные ящики.

— Какого черта, как она нас нашла?! — прошипела она, осторожно выглядывая. Перестрелка не прекращалась, резкие звуки выстрелов прорезали тихую ночь, как топоры, наносящие смертельные удары.

Амадео же не слышал ничего. Он пытался определить, насколько серьезна рана, полученная Ксавьером, но ничего не выходило. Слишком много крови — вся левая сторона рубашки промокла.

— Ребекка, — наконец хрипло позвал он. — Надо выбираться отсюда! Ребекка!

— Да что?! — обернулась та. — Раньше, чем люди Ксавьера разберутся с этими подонками, мы отсюда не выйдем! Все ясно?!

— Нет! — разозлился Амадео. — Он ранен, черт побери! Мы не можем ждать! И потом если его люди не справятся? Жаклин просто явится сюда и добьет всех троих!

— И что ты предлагаешь, мальчишка? Пойти туда и сдаться на ее милость? Уж не думаешь ли ты, что она позволит беспрепятственно вывести его отсюда?

Пальто Ксавьер отдал Амадео, и тот теперь явственно видел под распахнувшимся пиджаком кобуру, из которой торчала рукоять пистолета. Он осторожно вытащил оружие, ощущая непривычную тяжесть — до тюрьмы он никогда не носил с собой пушек, хотя регулярно упражнялся в стрельбе — по настоянию Дэвида.

Ребекка округлила глаза.

— Ты с ума сошел. Не смей этого делать!

— Если видишь какой-то иной выход, с радостью послушаю, — Амадео скинул пальто и набросил на Ксавьера. — Телефон при себе? Вызови полицию и "скорую помощь". И ни шагу отсюда. Оставайтесь тут.

— Герой хренов, — прошипела Ребекка, склоняясь над Ксавьером. — Случись с ним что, ты же с меня потом три шкуры спустишь. Но вот попробуй останови этого упертого принца! — она достала телефон и набрала номер.

Пули свистели, ударяясь о металл стен, и Амадео несколько раз инстинктивно пригнулся. От шальной пули ничто не убережет, а так глупо погибать совсем не хотелось. Он еще не сделал того, что должен.

Оказавшись у выхода, крикнул, изо всех сил напрягая глотку:

— Прекратить огонь!

Он не рассчитывал, что люди Ксавьера послушаются, однако спустя несколько секунд снаружи воцарилась тишина.

— Жаклин! — прокричал он снова. — Надо поговорить!

Тишина. Давящая тишина. Затем — не слишком уверенный голос, никак не соответствующий образу властной женщины, привыкшей получать все, что захочет.

— Поговорить? О чем же?

— Я не могу все время кричать! Прикажи своим людям не целиться в меня! Я безоружен! — он сунул пистолет Ксавьера за пояс брюк сзади и прикрыл рубашкой.

Тихое перешептывание со стороны охраны Ксавьера. Расслышать его было трудно, но догадаться, о чем они говорят, гораздо легче.

Амадео вышел из двери склада, держа руки на виду. Краем глаза отметил, что потери среди охраны весьма значительны — из двадцати человек, которых он насчитал, восемь лежали на снегу и не подавали признаков жизни. На мгновение мелькнула мысль, есть ли среди них Йохан, но Амадео не позволил себе размышлять об этом.

— Не стрелять, пока не прикажу, — сказал он оставшимся. — Не подчинитесь — сами будете потом разбираться с Санторо.

Те ничего не ответили, лишь согласно закивали, опуская пистолеты.

Жаклин выступила вперед, однако Джейкоб все еще загоразивал ее. Верный слуга,

посочувствовавший Ксавьеру в свое время и тем самым спасший ему жизнь. И спасет снова, если Амадео не ошибся.

— Джейкоб, — Жаклин не двигалась с места. — Обыщи его.

А вот этого Амадео не ожидал. Рука едва не потянулась к спрятанному за поясом пистолету, но он вовремя сдержался. Охранник подошел, на мгновение заслонив его от Жаклин, и Амадео прошептал:

— Джейкоб. Почему ты не убил его сразу? Ты мог выстрелить в голову, ты же палач.

Тот тихо ответил сквозь зубы:

— Я выполнял приказ, и только.

— Тебе приказали избавиться от него. Вряд ли твоя хозяйка уточняла, как именно стоит это сделать. Выстрел должен был убить наповал, иначе Жаклин не вопила бы о промахе. А ты не ссылался бы на ветер. Джейкоб, ты уже однажды спас его. Помоги сделать это снова.

Тот склонил голову набок и присел перед Амадео, ощупывая его штанины. Амадео увидел Жаклин, нетерпеливо притопывающую носком туфли по свежевыпавшему снегу. В глазах горело нетерпение.

Джейкоб выпрямился, ощупывая талию Амадео. Тот сохранял спокойствие, хотя сердце колотилось, как бешеное. Вот-вот Джейкоб доберется до пистолета, и тогда — либо пан, либо пропал.

Перстень Джейкоба тихо звякнул о металл, и охранник на мгновение замер. Затем его ладони вновь заскользили по рубашке Амадео.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — пробормотал он и, закончив досмотр, отступил. — Он чист, госпожа.

— Отлично, — Жаклин заметно расслабилась. — Можешь пропустить его ко мне, а сам ступай внутрь и убедись, что Перейра мертв.

Амадео вздрогнул.

— Ты нарушила обещание, — сказал он. — Ты сказала, что не тронешь его.

— Я решила иначе. Оставь его в живых — и он снова восстанет из пепла, как феникс, и сожрет тебя, — Жаклин дернула плечом. — Не хочу так рисковать. А вот тебя убивать искренне жаль, — она подошла ближе, не без некоторой опаски, хотя была уверена, что он безоружен. Люди Ксавьера все еще не поднимали оружие, чего и добивался Амадео.

— Не думаю, что тебе известно такое слово как жалость, — ответил Амадео, брезгливо поморщившись. — Ты отправила Ксавьера на смерть, не моргнув и глазом. Так ты отплатила ему за преданность?

— Он полез туда, куда не следует, — резко ответила она. — Я знала, что он встанет на дыбы, потому что он рассказал мне про гибель брата.

— Раз так, то он доверял тебе, как никому другому. Доверил самое ценное, что у него было — свою любовь к Фредерику, а ты лишь растоптала ее, — Амадео опустил голову. — Как же я ошибся, когда пришел к тебе.

— Все ошибаются, Амадео, — ее голос вдруг стал необычайно медоточивым. — Однако теперь, когда Перейра мертв или скоро станет мертвецом, тебе некуда идти. Почему бы, в таком случае, не присоединиться ко мне? — стремясь показаться более убедительной, женщина шагнула к нему. — Ты слишком красив, чтобы умирать. А я подарю тебе жизнь, достойную такого принца, как ты.

— Станешь моей королевой? — Амадео не сдержал презрительной усмешки, но Жаклин приняла ее за радость.

— Как пожелаешь, — пропела она, делая еще шаг вперед. Это оказалось роковой ошибкой.

Стремительным движением Амадео завел руку за спину, молясь, чтобы пистолет не зацепился за рубашку или ремень. Но все прошло гладко, и в следующее мгновение он уже приставил дуло к виску Жаклин, обхватив ее рукой за шею.

— Извини, но у меня нет желания снова наступать на те же грабли, — прошипел он. — Я набил достаточно шишек, и не только себе.

— Ты... — Жаклин дернулась, красивое лицо исказилось гримасой ненависти. — Что вы стоите?! Убить его!

— Нет, они не шевельнутся, — Амадео отступил в тень склада. — Побоятся задеть тебя. Видишь? Прикажи им бросить оружие, или я пробью дыру в твоём виске. Выходное отверстие будет гораздо больше и навсегда изуродует твои прекрасные черты. Ты даже в гробу будешь выглядеть уродливо.

Жаклин сглотнула. По тону мужчины она не могла сказать, чтобы тот шутил. При первой встрече он показался неспособным оказать хоть какое-то сопротивление, поэтому сейчас она могла лишь поражаться внезапно произошедшей перемене. Он надул ее! Черт побери, надул, как школьницу!

Злость охватила ее, заставив бессильно задрожать, однако висок все еще чувствовал холодный металл.

— Уберите оружие! — выкрикнула она. — Живо, ну!

— Отлично, — удовлетворенно кивнул Амадео, когда все до последнего убрали пистолеты. — Хоть кто-то тебе еще предан.

— Чего ты хочешь? — Жаклин из последних сил сохраняла самообладание. За всю ее долгую карьеру с ней впервые происходило подобное, потому что она отлично разбиралась в противниках. Но не сейчас. Она недооценила этого принца-притворщика, и вот что вышло! — Хочешь, чтобы я оставила в покое Перейру? Хорошо, я согласна!

— Нет. Я тебе не верю. Однажды ты уже обманула меня, на эту удочку я не попадусь.

— Тогда чего ты хочешь?! — взвизгнула она. В голосе прибавилось хрипотцы — рука еще сильнее обхватила шею.

— Скоро узнаешь. Если Ребекка четко следовала моим инструкциям — то узнаешь.

Жаклин боялась пошевелиться — она не сомневалась, что в случае чего этот безумец спустит курок. От него можно ожидать всего, что угодно. Она-то считала, что прочла его, как открытую книгу: слишком простодушный, чтобы хитрить; кроме красивого личика, не обладает никакими достоинствами; наивный маленький мальчик, не нюхавший порошу — и на тебе, неожиданный поворот.

В отдалении завывли сирены, и Жаклин практически увидела, как одновременно с красно-синими всполохами зажглась искра надежды.

— Не смейся, — фыркнула она, храбрясь. — Полиция? Да они сразу отпустят меня, узнав, кто я такая! У меня достаточно денег, чтобы откупиться...

— Не надейся. Твоих активов больше не существует. Все счета заблокированы, тебе нечем платить. Но в одном ты права — полиция знает, кто ты такая. О, еще как знает.

— О чем ты? — голос наконец задрожал. — О чем ты говоришь, ты, дьявол?!

— Торговля наркотиками, испытание химических препаратов на детях, заказные убийства... Да ты сядешь пожизненно, если, конечно, тебя не отправят на электрический стул.

— У тебя нет доказательств! — хрипло рассмеялась она, однако внутри все похолодело.

— У меня, может, и нет. Но твой подручный, я уверен, захочет многое рассказать, чтобы избежать тюрьмы.

Наконец до нее дошло.

— Джейкоб... Он же обыскал тебя перед тем, как...

— И оставил мне пистолет. Ваша карета прибыла, ваше величество.

Одна за другой склад окружили полицейские машины. Сирены не смолкали ни на секунду. За ними Амадео разглядел "скорую" и облегченно выдохнул. Ребекка сделала все, как надо.

В мгновение ока их с Жаклин взяли в кольцо.

— Брось оружие! — выкрикнул молодой полисмен, наставив на Амадео табельный пистолет. — Немедленно!

— Разумеется, — выпустив Жаклин, Амадео послушно положил оружие на землю и сложил руки за головой. На лице впервые за четыре года сияла широкая улыбка.

* * *

Белый туман окружал со всех сторон. При попытке разогнать его ничего не выходило, он лишь становился плотнее и обволакивал тело, сковывая движения, впиваясь невидимыми шипами в кожу. Особенно сильную боль он причинял с левой стороны груди — там пульсировали не просто шипы, а самые настоящие клинки, вонзаясь со скоростью иглы швейной машинки.

Из горла вырвался тихий вздох, который можно было принять за стон. В голове немного прояснилось, чему способствовала острая боль. Белый туман рассеялся, превратившись в потолок с рядом галогенных ламп.

Ксавьер попытался сесть, однако не мог даже шевельнуться. Стиснув зубы, попробовал снова. Грудь взорвалась островками ослепляющей боли, и он счел за лучшее прекратить попытки.

— Пришел в себя, — услышал он довольный голос. — Ну конечно, чтобы какой-то кусочек свинца мог убить самого Санторо... Да тут ядренка потребуется, не меньше.

— Не язвы, Ребекка, мне от этого не легче, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Я в больнице?

— Разумеется. Пуля чудом прошла мимо жизненно важных органов, но повалиться придется. Тот, кто в тебя стрелял, фантастически промахнулся. Но я все же склоняюсь к тому, что он очень опытный стрелок. Иначе ты был бы уже мертв.

Ксавьер лежал с закрытыми глазами, слушая успокаивающую трескотню Ребекки. Кто-то — наверное, врач — подошел к кровати, и через некоторое время боль начала отступать — похоже, ему дали обезболивающее.

Ребекка решила, что он снова заснул, и замолкла. А Ксавьер прокручивал в голове все, что произошло. Жаклин следила за Амадео, в этом не было сомнений. И решила покончить с обоими одним махом. Вот только раз Ксавьер в больнице, ее план не удался. Однако...

Он открыл глаза. Ребекка сидела рядом на стуле, погружившись в телефон. Брови сосредоточенно сдвинуты, губы плотно сжаты. Ни секунды без работы. В палате, кроме нее, никого не было.

— Ребекка, — прохрипел он, кое-как оторвав голову от подушки. — Где Амадео?

Она подняла глаза, и Ксавьер едва успел уловить замешательство, промелькнувшее на лице.

— С ним все в порядке, — улыбка вышла кривой. — Не ранен.

— Я не об этом спросил. Где он?

Ребекка сунула телефон в сумочку. Из груди вырвался тяжелый вздох, будто она готовилась к неминуемой экзекуции.

— В камере предварительного заключения.

Его посадили в общую камеру.

Лавки вдоль стен. Решетка, отгораживающая сборище разношерстной публики от общества. Здесь собрались и водители, пойманные пьяными за рулем, и неудавшиеся грабители круглосуточных супермаркетов. Буйные пьяницы соседствовали с уличными хулиганами, угонщики — с домушниками. Никто не подумал о том, чтобы рассадить их по разным камерам, согласно правилам. И в эту сборную солянку по случайности угодил и Амадео.

Его должны были сразу изолировать, однако из-за глупейшей ошибки он попал сюда. И не имел ничего против.

Улыбка так и не сошла с губ. Он улыбался, когда полицейские сковывали запястья наручниками. Улыбался, когда полицейская машина, сверкая маячками, неслась к управлению. Улыбался во время нудной процедуры допроса. Наверняка стражи порядка приняли его за спятившего, но он ничего не мог с собой поделать.

Амадео прикрыл глаза и прислонился к стене, ощущая небывалую легкость, будто с души свалился огромный могильный камень, который он старательно тащил на свою грудь. Ксавьер вовсе не предавал его и не собирался. Друг, настоящий друг, который так много для него сделал, а Амадео был слишком рассержен, обижен и подавлен, чтобы это понять.

Омрачало жизнерадостное настроение лишь одно — Амадео не знал, в каком состоянии находится Ксавьер. Жив ли он? Должен. Джейкоб — отличный стрелок, он знал, что делал, когда по приказу Жаклин выстрелил в Ксавьера.

— Только попробуй умереть, — прошептал Амадео, не открывая глаз. — И не принять моих извинений.

— Слышь, ты че сам с собой базаришь, больной, что ли?

Амадео открыл глаза и сфокусировал взгляд на нависшем над ним невысоком пареньке лет восемнадцати. Светлые волосы прилизаны, во рту перекачивается жвачка. Джинсы заправлены в ботинки, кожаная куртка блестит так, будто ее натерли кремом для обуви.

— Прошу прощения, вы что-то хотели? — спросил Амадео.

Парень вытащил жвачку изо рта.

— Клевые у тебя волосы. Так и просится в них жемчужинка.

— Попытайтесь украсить мою прическу, и я заплачу вам сломанной рукой, — Амадео осознавал, что улыбается, произнося угрозу, и не думал, что мальчишка воспримет ее всерьез.

Однако что-то в его тоне насторожило юного хулигана. Тот с сомнением помял жвачку в пальцах и, бросив: "Развелось тут крутых", отошел.

Амадео снова закрыл глаза.

Он не шутил, сказав, что Жаклин не сможет откупиться от закона. Согласно полученным инструкциям, все деньги с трех ее счетов Кейси перевел на благотворительность в тот самый момент, когда Амадео волокли к фургону. Жаклин хотела уничтожить Ксавьера, но пошла бы ко дну вместе с ним. Амадео не собирался давать ей ни малейшего шанса удержаться на вершине.

Но теперь все закончилось. Жаклин надолго сядет в тюрьму, и Беррингтон ей не

поможет. Из новостей Амадео знал, что Беррингтона только-только восстановили в должности министра, и ему легче будет скрыть огромное пятно на своей репутации, если он просто оставит все, как есть. То есть позволит Жаклин познать все прелести тюремной жизни.

Все складывалось как нельзя лучше.

— Солитарио, — окликнул полицейский. — На выход.

Амадео поднялся, сопровождаемый завистливыми взглядами сокамерников. Сержант распахнул дверь камеры, и Амадео увидел Йохана.

Тот вытянулся по стойке "смирно" и смотрел прямо перед собой, изо всех сил стараясь не встречаться с Амадео глазами. В непривычном строгом костюме он выглядел бы взрослым, солидным человеком, если бы не выражение растерянности и легкой паники на лице, отчего Йохан казался мальчиком, надевшим папину одежду.

— Господин Солитарио, — отчеканил он. — Следуйте за мной.

Амадео вздрогнул от такого обращения, но ничего не сказал. Не смог. И просто последовал за Йоханом.

* * *

Всю дорогу до больницы Йохан молчал, вцепившись в руль так, будто тот был спасательным кругом. Амадео хотел заговорить, но слова застревали в горле, стоило только посмотреть на друга: губы сжаты в тонкую линию, брови сдвинуты к переносице, челюсть упрямо выдвинута вперед. Йохан был совсем не настроен на разговор, и Амадео прекрасно его понимал: сам несколько дней назад не желал слушать никаких объяснений.

Йохан же безуспешно пытался успокоиться. Он считал, что сможет, как ни в чем не бывало, забрать Амадео и отвезти его к Санторо, но, как только дверь камеры открылась, его затрясло. Нет, Амадео выглядел очень даже неплохо, не ранен, не избит... Но сам его вид за решеткой угнетающе подействовал на Йохана. Будто вернулись события полугодовой давности, когда он уходил за тюремные ворота, зная, что Амадео остается за спиной. Будто покидал друга навсегда.

Но сейчас Йохан мог забрать его оттуда. Что он и сделал. И это отнюдь не успокоило. Совесть грызла острыми зубами, не позволяя радоваться тому, что с другом все в порядке.

Там, в тюрьме, много раз он порывался рассказать Амадео обо всем, чтобы не слышать несправедливых обвинений в адрес Ксавьера Санторо. Однако что-то каждый раз останавливало. Прежде всего — Амадео мог не поверить. Сущее безумие — Ксавьер нанял телохранителя, чтобы защитить названного брата, но вместе с тем зачем-то упрятал его в тюрьму. Но могло быть и хуже — Амадео мог разозлиться, узнав, что Йохан все это время был в сговоре с его врагом, и больше никогда не подпустил бы к себе друга. И перевелся в другую камеру, где его гораздо легче достать множественным недоброжелателям. Из-за своей озлобленности потерял бы единственную защиту.

И Йохан молчал, стискивая зубы до боли.

Он не понимал Ксавьера. Почему тот предпочел нанять телохранителя вместо того, чтобы выкупить Амадео из тюрьмы? Деньги решают все, и в данном случае они бы помогли. С их помощью Йохан сам оказался тут, почему бы не сыграть в обратном порядке? Тысячи убийц, воров, жуликов, мошенников ходят на свободе, а невинный сидит на нарах? Где же

справедливость? Почему Ксавьер так решил? На этот вопрос Йохан не находил ответа, как ни силился.

Именно поэтому, выйдя из тюрьмы, он направился напрямиком к Санторо и выложил все, что о нем думает.

Перед машиной вдруг выскочила кошка, и Йохан дал по тормозам. Амадео бросило вперед, и он едва успел выставить вперед руку, чтобы не впечататься носом в панель.

— Черт побери, — выдохнул он. — Кошки всюду предвещают мне смерть.

Йохан ничего не ответил. Вместо этого заглушил машину и, вынув ключ, откинулся на спинку сиденья. Амадео молча смотрел перед собой, изучая панель, с которой едва не поцеловался.

В мучительной тишине прошло несколько минут. Дорога была пустынна, ни одна машина не проехала рядом и не посигналила. Ни один водитель не покрутил пальцем у виска. Они были одни в давящем безмолвии, и никто не решался нарушить его.

— Через две недели после того, как я приехал в этот город, — заговорил наконец Йохан, — после одного из боев ко мне подошел человек. Протянул банковскую карточку и предложил работу. Карточка была пуста — он сказал, что заполнит ее деньгами в том количестве, в котором попрошу. В обмен я должен был сесть в тюрьму, чтобы защищать некоего человека, которого обвиняли в убийстве. Работа не хуже любой другой, тем более мне обещали крупную сумму. Конечно, настораживало, что конкретного числа мне не назвали, но я ухватился за эту возможность. Я ведь мог не бедствовать до конца жизни! — он широко улыбнулся, однако вышло совсем не весело. — Я сидел почти четыре года. Парень, которого нужно было охранять, оказался вовсе не матерым уголовником, каким я его представлял сначала. Ушло много времени на то, чтобы расположить его к себе, но наконец мне это удалось. И я увидел его настоящего, за маской неприступного принца оказался одинокий человек, против которого ополчился целый мир. Он боялся доверять, боялся кого-то подпускать к себе. У него были на это причины, по крайней мере, он думал так. И я решил: во что бы то ни стало, верну улыбку на это прекрасное лицо.

Йохан замолчал. Амадео опустил голову, ожидая продолжения.

— Выйдя из тюрьмы, я отправился к человеку, дававшему мне работу. От принца я слышал, что мой работодатель его предал. Я хотел выяснить, почему, меня обуревал гнев и любопытство. Как может человек так поступить со своим названным братом? В результате я получил объяснения. С глаз словно повязку сняли. Сродни тому, когда тебя выводят из карцера на свет божий, солнце ослепляет, ты ошеломлен этим... Но на душе сразу становится легче. Санторо снова напомнил мне об оплате. А я оставил карточку пустой, — закончил Йохан. — Однако попросил взять меня на работу, чтобы иметь возможность хоть как-то общаться с бродягой, который вот-вот снова станет принцем. Понимаю, что я — человек не твоего круга, в обычной жизни ты бы и головы не повернул в мою сторону, однако все, что мне надо — знать, что с тобой все в порядке. Защищать и дальше, если получится. Я все сказал. Если хочешь высказать претензии по поводу моего вранья — валяй.

Амадео пораженно замер. Йохан считает себя виноватым, и вся эта история — попытка оправдаться за то, что не сказал раньше? Какая глупость, ведь это он должен извиниться за то, что наговорил другу тогда, не разобравшись ни в чем.

— Я не знал всей ситуации, — наконец проговорил Амадео. Даже в мертвой тишине голос прозвучал едва слышно. — Но это вовсе не оправдание. Ты столько времени провел в тюрьме из-за меня, едва не погиб там, а я так с тобой обошелся, и...

— Пожалуйста, Амадео! — взмолился Йохан, повернувшись к нему. Ремень безопасности протестующе скрипнул. — Не оправдывайся. Ты ничего не знал, и давай остановимся на этом. Не хочу больше видеть твое хмурое лицо, — он протянул руку и ткнул Амадео в бок. — Хочу, чтобы ты улыбался. Именно этого я добивался все четыре года. Не разочаровывай меня.

Амадео потрясенно уставился на него. Тот насупил брови и сверлил его взглядом, однако уголки губ подозрительно подрагивали. Это выглядело настолько комично, что Амадео улыбнулся.

— Так-то лучше! — Йохан, уже не пытаясь сдерживаться, широко заулыбался в ответ. Затем завел машину и нажал на педаль газа.

* * *

В больнице Ксавьер пробыл неделю. Он с удовольствием уехал бы оттуда на следующий день, но упертый принц едва ли не насильно уложил его обратно в постель.

— Забудь на время о работе, это не шутки, — хмурился он. — Так ли хочется сгореть от стыда, когда ты свалишься в обморок во время важных переговоров?

И Ксавьер подчинился. Впервые за долгое время выполнил чьи-то указания беспрекословно.

Когда Йохан привез Амадео в больницу, Ксавьер спал. И первое, что увидел по пробуждении — дремлющего рядом, на неудобном больничном стуле, друга. Прекрасные блестящие волосы, которых когда-то лишил его Лукас, упали на лицо, руки упрямо скрещены на груди, словно он до последнего сопротивлялся сну. Принц, едва не потерявший свое королевство.

Ксавьер не удержался от усмешки. Сколько времени он скрывал от Амадео истинное положение дел, полагая, что тот его никогда не простит! Непозволительная глупость, которая вылилась в кучу проблем. Ксавьер всегда считал, что Амадео недостает решительности, и он тысячу раз подумает над последствиями, прежде чем сделает шаг.

Но принц его поразил. Смело выступил против сил, которые запросто могли опрокинуть его на землю так, чтобы он больше никогда не поднялся. И у него получилось победить. Жаклин оказалась в тюрьме, и если бы Ксавьер вовремя не раскрыл правду, то сам оказался бы рядом с ней.

Ох, как же он недооценил этого паренька. Одна из немногих ошибок в его жизни и самая роковая. После того, как Ксавьер получил "Азар", ощущение собственного могущества ударило в голову. Заставляло думать, что все в жизни подвластно ему, что он может управлять любым человеком, если захочет. И никому никогда не удастся скинуть его с пьедестала.

Однако принцу это почти удалось. И, вопреки жестоким королям, он захотел оставить свергнутому диктатору жизнь. Как благородно и в то же время как глупо!

— Прости, — прошептал Ксавьер. — Ты гораздо лучше меня.

Амадео пошевелился. Затем сонным движением убрал волосы с лица.

— Доброе утро, — поздоровался Ксавьер. — Как спалось?

Остатки сна мигом слетели с Амадео. Он наклонился вперед и уставился на Ксавьера — во взгляде сквозило бесконечное беспокойство и чувство вины. Нет, решил Ксавьер, он вовсе

не изменился. По-прежнему обвиняет себя во всех смертных грехах.

— Я чувствую себя нормально, если ты хотел спросить об этом, — ответил Ксавьер, предупреждая вопрос. — Тебе настолько понравилось в тюрьме, что захотел вернуться туда снова?

Принц на мгновение смутился. Затем, тряхнув волосами, улыбнулся.

— Честно говоря, не думал об этом. В тот момент я мало что соображал.

— Ребекка сказала, что ты действовал вполне рационально. На помутнение рассудка непохоже. Ты и это продумал?

Амадео молчал, стыдливо отведя глаза в сторону.

— Ты знал, что Жаклин может предать. Знал с самого начала, ведь так? И поэтому позаботился о том, чтобы она не могла до меня добраться, — Ксавьер вздохнул. — Не все уроки, которые я тебе давал, прошли мимо ушей, признаю. Но все же это была невероятная глупость.

— Равно как и думать, что можно спасти кого-то, оставив в неведении, — тихо ответил Амадео. — Ты и правда считал, что я смогу все так оставить? Там, в тюрьме, я не мог поверить, что ты со мной так обошелся, и искал тебе оправдания.

— Я тоже сваял дурака, позволив себе думать, что смогу защитить тебя, оттолкнув, — Ксавьер потянулся к повязке и поморщился. — Чертовски хочется курить. Как считаешь, мне уже можно вставать?

И вот, неделю спустя, Йохан вез их по оживленным улицам прочь от больницы. Ксавьер выглядел донельзя довольным — не привык так долго отдыхать, не терпелось вернуться к работе. Амадео же смотрел в окно, на улицы, засыпанные снегом, на людей, шагающих по своим делам, на детей, гонящихся друг за другом по тротуарам, и впервые со времени выхода из тюрьмы чувствовал полное умиротворение.

— Йохан, сверни на следующем светофоре, — приказал Ксавьер.

— Что? — удивился Амадео. — Ты же говорил, что твоя новая квартира находится в Северном квартале.

— А кто сказал, что мы едем ко мне? — усмехнулся тот.

С нарастающим изумлением Амадео таращился в окно, узнавая с детства знакомые улицы. Проехали магазин, куда он бегал за мороженым для себя и Кристофа. Мелькнул парк, где он обычно совершал утренние пробежки. Не может быть, чтобы...

Автомобиль затормозил, и Йохан, не дав опомниться, выскочил из-за руля и распахнул перед ним дверцу.

— Прошу, господин Амадео, — так и не удалось отучить его, но, по крайней мере, теперь он обращался по имени.

Амадео вышел из машины и, раскрыв рот, взирал на особняк, укрытый снегом, как на рождественской открытке. Ворота гостеприимно распахнуты. На чисто подметенной подъездной дорожке, сверкая отполированными боками, стоял джип Амадео, ключи от которого до сих пор лежали у него в кармане.

— Ксавьер... — прошептал Амадео, пытаясь охватить взглядом сразу все. — Но как...

— Продажа компании принесла Лукасу немало денег, но он довольно быстро спустил их, — ответил друг, выходя из машины. — Естественно, что следующим на очереди оказался особняк Кристофа. Ты уже потерял право на наследство, и Лукас мог свободно продать дом. Я не мог допустить, чтобы тебе было некуда вернуться, поэтому через Алькараса выкупил и его.

Амадео оглянулся на него, глаза подозрительно блеснули.

— Спасибо, — горло перехватило от нахлынувших чувств, и слово превратилось в едва слышный шепот.

— Иди, — Ксавьер легко подтолкнул его в спину. — Тебя уже заждались.

Как во сне, Амадео поднялся на крыльцо. Протянул руку к звонку, но палец не успел его коснуться. Дверь распахнулась, и Дэвид сграбастал Амадео в медвежьи объятия.

— Как я рад тебя видеть, пацан! Наконец-то! Прости, что не приходил, кое-кто строго-настрого запретил, — он злобно зыркнул на Ксавьера. — Зато теперь ты вернулся! Черт побери, я так не радовался с тех пор, как ты впервые победил меня в спарринге! Ну заходи, заходи скорей, на улице такой холод, забыл, что у тебя слабое здоровье? — и, не слушая слабых возражений, Дэвид втащил его внутрь.

Ксавьер зашел следом, снимая пальто. Йохан с трудом сдерживал довольную ухмылку.

— Как тебя угораздило вляпаться в такую кашу, ума не приложу, — тархтел Дэвид звучным басом. — Но ты мне все расскажешь, и не дай бог с тобой там плохо обращались, всем головы поотрываю!

— Со мной все в порядке, Дэвид, спасибо, — Амадео улыбался во весь рот, оглядываясь по сторонам.

В первую очередь взгляд метнулся к лестнице на второй этаж. Поняв, что именно хочет знать Амадео, Ксавьер сказал:

— Библиотеку Кристоф завещал тебе, поэтому Лукас ни книги оттуда не тронул. А потом, когда ты потерял право наследования, продал вместе с домом.

Значит, "Портрет Дориана Грея" остался там же, с облегчением подумал Амадео. Похоже, что Лукасу и не приходило в голову распродавать вещи по одной, поэтому внутренняя обстановка дома ничуть не пострадала. Казалось, Амадео только вчера покинул особняк — все сияло чистотой и дышало уютом, который мог создать только один человек.

— Молодой господин, — услышал он за спиной до боли знакомый надтреснутый голос, в котором явственно чувствовались слезы.

Амадео шагнул к пожилой женщине, утиравшей глаза платком, и осторожно, будто боялся сломать, прижал ее к себе.

— Здравствуй, Роза, — прошептал он.

* * *

— Подумать только, как исхудал молодой господин! — сокрушалась Роза, заканчивая последние приготовления к ужину. — В этих тюрьмах ужасно кормят, и если бы многоуважаемый господин Санторо разрешил, я бы...

— Он очень даже хорошо питался, — тихо проворчал Йохан, что, однако, не укрылось от внимания экономки.

— Помолчал бы! — фыркнула она. — Мог бы следить за тем, как он ест, тебя же наняли присматривать за ним и его здоровьем!

— Ну, я иногда отдавал ему свою порцию, — ухмыльнулся тот, подхватывая огромное блюдо. — Особенно когда в меню значились бобы в томатном соусе.

— Благородный какой! — всплеснула руками Роза. — Неси уже скорей, молодой господин наверняка сильно проголодался. А вы, — остановила она проходящего мимо кухни

Ксавьера, — будьте добры, позовите молодого господина, он в библиотеке, — она украдкой стерла слезинку. — Как же он любит эти старые книги...

Ксавьер поднялся на второй этаж. В библиотеке было пусто — Амадео побежал сюда сразу же после приветствий, однако теперь бродил где-то еще. Кажется, он до сих пор не мог поверить, что все происходящее — не сон. Ничего удивительного, еще несколько дней назад принц был нищим и вдруг в одночасье вернул себе трон.

— Нетрудно догадаться, где ты сейчас, — Ксавьер без малейших колебаний направился к кабинету Кристофа.

На улице уже стемнело, и из-под двери пробивался свет лампы, которую зажег Амадео.

— Роза просила передать, что ужин готов, ты... — Ксавьер остановился на пороге.

Амадео спал в кресле Кристофа, подперев голову ладонью. Вторая рука лежала на раскрытой книге в красном бархатном переплете. Губы были приоткрыты, он слегка посапывал. Ксавьер не удержался от усмешки.

— Надо же, как устал, — прошептал он, забирая книгу. Затем принес из спальни плед и укрыл Амадео. — Отдыхай, принц.

* * *

На следующий день Ксавьер отвез Амадео в "Азарино". Внешне фасад гостиницы никак не изменился, но внутри все оказалось совершенно иначе.

Изменения поразили Амадео. Ксавьер перестроил гостиницу, и теперь казино занимало весь первый этаж, а не цоколь, как раньше. Огромные двери гостеприимно распахнуты, яркий свет заливает вестибюль, от которого в разные стороны расходятся короткие коридоры, сквозь изящные арки ведущие к игровым залам. Алые ковры повсюду, зеленое сукно игровых столов, стук фишек, шорох карт, трескотня рулетки... Амадео на мгновение остановился, пытаясь справиться с воспоминаниями. Конечно, внешне тут все изменилось, однако по своей сути "Азар" осталось тем же казино, каким было четыре года назад. Казино, которое создал его отец.

— Амадео, — окликнул его Ксавьер. — Амадео!

Тот тряхнул волосами, и наваждение ушло. Он по-прежнему был в игровом зале, однако воспоминания схлынули, как морская вода во время отлива.

— Кабинет управляющего я оставил там же, — Ксавьер повел его на второй этаж. — Решил, что так будет удобнее.

Кабинет также претерпел значительные изменения. Предыдущий руководитель предпочитал старомодную громоздкую мебель и стремился к тому, чтобы в кабинете все дышало уютом и неизменной теснотой, которая так беспокоила Амадео раньше. Ксавьер же придерживался иных, более жестких взглядов. По его мнению, человек, которого вызвали "на ковер", не должен чувствовать себя в безопасности. Именно поэтому тяжелый дубовый стол заменили черной узкой столешницей, на которой располагался тонкий монитор. Стул напротив обтянутого черной кожей кресла управляющего отличался прямой неудобной спинкой и жестким сиденьем. Небольшое окно, когда-то завешенное тяжелыми шторами, расширили, и теперь из него открывался вид на центральный парк.

Однако табличка с гордым званием "Управляющий" осталась на месте. Только вот имени и фамилии на ней больше не было. Амадео знал от Ребекки, что Эмилио Валион

уволился сразу же после похорон Кристофа.

— Как видишь, я не все оставил как есть, — Ксавьер жестом пригласил Амадео войти. — Мне пришлось поменять почти весь персонал, чтобы не возникало недоразумений.

Амадео кивнул, с любопытством оглядываясь.

— Понимаю. Пусть внутрисемейные разборки их никак не касаются, однако разговоров за спиной хотелось бы избежать.

— Я заменил весь руководящий состав, — Ксавьер сунул в рот сигарету. — Только подходящего управляющего пока не нашел. Впрочем, Валион ушел не из-за твоей причастности к гибели Кристофа, а больше из принципа, заявив, что ни под чьим руководством он больше не сможет работать. Да и здоровье у него уже не то.

Амадео вспомнил спокойного седовласого мужчину, во взгляде которого всегда ощущалась властность и сила. Он многому научил Амадео в свое время, жаль, что ему пришлось уйти.

— Также я уволил начальника охраны Гарсию. Слишком попустительствовал своим подчиненным, покрывал их промахи и откровенное воровство. Пока был жив твой отец, Гарсия не наглел до такой степени, но, как только сменилось руководство, попытался провернуть одно противозаконное дельце и загремел в тюрьму. Не терплю воровства и жулья среди подчиненных.

Амадео вспомнил свои разборки с самодовольным начальником охраны, считающим, что его подчиненные — неприкосновенны, и согласился с Ксавьером. Раньше удавалось держать его в узде, однако слишком распускаться Гарсии не стоило. Сам виноват.

— Следом отправились начальники отделов. Не беспокойся, самым толковым нашлась другая работа, на улице никто из них не оказался. Но кого мне так и не удалось...

Дверь с грохотом распахнулась, и рыжая молния метнулась через весь кабинет.

— Господин Амадео! — Чилли повисла на его шее и, нимало не смущаясь, расцеловала в обе щеки. — Как я рада снова вас видеть!

— Я тоже рад, Чилли, — пробормотал растроганный до глубины души Амадео.

— Вот ее-то мне как раз выгнать не удалось, — Ксавьер усмехнулся уголком рта. — Видимо, она считала, что ты невиновен.

— И сейчас считаю! — сердито топнула ногой девушка, взмахнув рыжей косой. От гнева веснушки четче проступили на щеках. — Амадео, то есть господин Амадео, не мог совершить такое ужасное преступление! Поэтому я уперлась, когда мне пытались всучить расчет!

— И не прельстилась даже на отличную должность в одном из филиалов моей компании, — Ксавьер выпустил дым вверх. — Вместо этого взяла здесь все в свои руки, и под ее руководством "Азарино" процветает. Такая преданность достойна похвалы.

Чилли зарделась и смущенно потупилась.

Амадео не смог удержаться от улыбки. Все-таки остались люди, которые верили в его невиновность, верили в него самого. Не весь мир ополчился против, как казалось ранее, когда он угодил за решетку. Рядом всегда были верные друзья и помощники, пусть он об этом и не знал.

— Ксавьер, можно с тобой переговорить? — он отвел друга в сторону и что-то зашептал. Чилли все еще смотрела в пол, но на лице светилась ничем не омраченная радость.

— Ты уверен? — донесся до нее голос Ксавьера, и улыбка начала гаснуть. А вдруг

господин Амадео решит уволить и ее? Раз весь персонал новый, это было бы вполне логично, тем более она всегда занимала всего лишь должность помощника. Появится новый управляющий, которого она чем-то не устроит — и прости-прощай. Она выступила против Ксавьера, однако поперек слова Солитарио пойти не могла. Если он прикажет уйти — подчинится.

— Что ж, ладно, — снова заговорил Ксавьер. — Тогда это решение полностью под твою ответственность, Амадео.

Чилли несмело подняла взгляд. Амадео же шагнул к ней и взял за руку.

— Чилли, — торжественно произнес он. — Предлагаю тебе должность управляющего гостиницей и казино "Азарино".

* * *

Снег падал крупными хлопьями, неслышно ложась на землю. Надгробия и кресты, укутанные им, напоминали молчаливых призраков, взирающих из-под саванов на людей, шедших по устланной белым ковром дорожке.

Высокий красивый мужчина в черном пальто не торопясь шел вперед. Волосы, собранные в хвост, блестящим потоком падали на спину. На них уже осело множество снежинок. Затянутой в перчатку рукой он крепко сжимал ладошку мальчика лет трех-четырёх, который, раскрыв рот, оглядывался по сторонам. Огромные зеленые глаза восхищенно сверкали из-под низко надвинутой шапки. Оба молчали. Мальчик ничего не спрашивал, хотя обычно тарахтел без умолку, а мужчина не считал нужным нарушать тишину.

В самом конце дорожки они повернули налево и оказались у небольшого памятника.

Мужчина отпустил ручонку мальчика и принялся очищать надгробие, которое почти скрылось под холодным покровом. Вскоре проступили выдолбленные на камне буквы — имя и фамилия. Ниже шли две даты: двенадцатое августа тысяча девятьсот пятьдесят второго — двадцать четвертое декабря две тысячи девятого года.

— А кто это? — спросил мальчик, с интересом следя за мягко шлепающимся на землю снегом.

Мужчина отряхнул перчатки, достал из кармана пальто завернутый в салфетку шоколадный рожок и положил на надгробие. Затем снова взял мальчика за руку и улыбнулся.

— Твой дедушка, Тео.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net